
СЕКРЕТ ЧЕРЧИЛЛЯ

Э. Дзелепи

E.N. Dzelepy

**LE SECRET
DE CHURCHILL**

(VERS LA TROISIEME GUERRE MONDIALE — 1945...)

Paris

Le Pavillon 1972

Э.Дзелепи

СЕКРЕТ
ЧЕРЧИЛЛЯ

(К ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ — 1945...)

Перевод с французского
Н. ЯКОВЛЕВА

Предисловие
В. И. АНТЮХИНОЙ-МОСКОВЧЕНКО

Издательство «Прогресс»
Москва 1975

Редактор *Н. В. Рудницкая*

Редакция литературы по истории

**© Перевод на русский язык
«Прогресс», 1975**

Д $\frac{10605-714}{006(01)-75}$ 56-75

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ранняя весна 1946 года, первая послевоенная весна, когда уже отгремели бои, но еще кровоточили раны войны, оставалась неизбывная боль страшных потерь, тяжелым грузом лежало материальное неблагополучие, а кое-где даже голод. Советские люди, пережившие такие тяготы войны, которых не выпало на долю ни одного другого народа в мире, энергично, мужественно, самоотверженно и терпеливо восстанавливали тысячи и тысячи разрушенных городов и сел, налаживали работу жизненно важных предприятий, восстанавливали угольные шахты Донбасса, заводы в Сталинграде, Харькове, Мариуполе, Таганроге и в других пострадавших от войны городах. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков оценила понесенный Советским Союзом материальный ущерб в 679 миллиардов рублей.

Но советский народ принес на алтарь победы и самые великие людские жертвы — 20 миллионов убитых своих сыновей и дочерей. Война советскому народу была знакома не понаслышке. Он собственную землю брал с боя. «У нас нет улицы и даже дома, — справедливо сказал советский поэт, — где не было бы вдовы или героя». Никогда матери, потерявшие своих детей, не утешатся. Никогда дети, лишившиеся родителей, не восстановят утраченного детства. Никогда мужчины и женщины, пережившие личные драмы, их не забудут.

И тем не менее этой первой мирной весне радовался советский народ, завоевавший наконец благодаря своему изумительному героизму право спокойно жить и трудиться на своей собственной земле.

С облегчением и радостью встретили послевоенную весну и народы других стран антигитлеровской коалиции, хотя победа досталась им отнюдь не такой дорогой ценой. Но в это же время в определенных кругах Англии и США вынашивались планы, направленные против Советского Союза и мира социализма в целом. 4 марта 1946 года от перрона Вашингтонского вокзала отошел специальный президентский поезд, который вез в маленький город Фултон штата Миссури не только Гарри Трумэна, но и бывшего английского премьер-министра Уинстона Черчилля, потерпевшего поражение на парламентских выборах 1945 года. К этому моменту Черчилль уже продолжительное время находился в Америке. Он неоднократно встречался не только с президентом Трумэном, но и с членами правительства, с представителями деловых кругов. Во время этих встреч и возникла мысль о выступлении по общемировым проблемам лидера английских консерваторов. Тот факт, что Трумэн лично сопровождал Черчилля, свидетельствует о полном политическом единодушии английских и американских правящих кругов.

5 марта 1946 года миролюбивые народы с недоумением и беспокойством выслушали фултонскую речь Черчилля, опубликованную на следующий день в газетах почти всех стран. Бывший премьер-министр одной из стран антигитлеровской коалиции при поддержке президента другой страны этой коалиции призывал как можно скорее начать войну против той страны, в союзе с которой они только и смогли одержать победу над коварным и сильным врагом — фашистской Германией. Но война против Советского Союза, к которой призывал Черчилль в своей речи, означала бы новую, третью мировую войну. Эта третья мировая война была бы тем более опасной, что США уже обладали атомной бомбой и были уверены в нерушимости своей монополии на нее.

Но в сущности, фултонская речь, в которой была сформулирована концепция «холодной войны» империалистической реакции против СССР и социализма, не была случайной и неожиданной. В ней открыто проявилась та политика правящих кругов Англии и США, которую эти государства начали проводить задолго до окончания второй мировой войны, когда еще Советская Армия спасала мир от фашистского варварства.

Книга «Секрет Черчилля», принадлежащая перу известного во Франции, Бельгии, других европейских странах и США журналиста Э. Н. Дзелепи, как раз и посвящена периоду последних лет второй мировой войны и первых лет послевоенного периода.

Э. Н. Дзелепи, грек по происхождению, родившийся в 1892 году в Константинополе, начал свою карьеру в качестве журналиста в Афинах в 1911 году. Будучи корреспондентом ряда афинских газет, он много путешествовал за границей, успевая при этом посещать курсы лекций по политическим наукам и по истории в Берлинском университете. В 1921—1922 годах он возглавлял пресс-бюро греческого посольства в Париже. С 1931 года он жил в Париже, где 1 сентября 1939 года был арестован французской полицией за антифашистскую деятельность во время гражданской войны в Испании. После заключения в парижской тюрьме Сантэ он был интернирован и находился в концентрационном лагере в Верне, в департаменте Арьеж.

В октябре 1940 года вследствие вмешательства посольства Греции во Франции и возглавляемой Томасом Манном «Лиги американских писателей» Дзелепи был освобожден, после чего он покинул Францию. С 1941 года и вплоть до окончания войны он работал в пресс-бюро английского посольства в Лиссабоне. С 1966 года Дзелепи проживает в Афинах, где продолжает свою деятельность как журналист и политик.

Первые журналистские и публицистические работы Дзелепи освещали международные проблемы между двумя мировыми войнами. В частности, под псевдонимом Омер Кязим им написано несколько работ о греко-турецких войнах. С 1932 года Дзелепи стал издавать свои книги на французском языке, начиная с работы «Война доллара». В 1936—1937 годах он опубликовал «Записки неизвестного дипломата» — международное обозрение. Антифашистские позиции, характеризовавшие работы Дзелепи в период кануна второй мировой войны, остались неизменными и во время войны, когда он под псевдонимом Аргус опубликовал ряд антигитлеровских брошюр. После окончания войны, сотрудничая в основном Роменом Ролланом журнале «Эроп» и в «Тан модерн» Поля Сартра, а также в бельгийской газете «Суар» и

в журнале Бернара Лаверня «Анне политик э экономик», он написал ряд книг на злободневные темы. К числу последних относятся: «Заговор против Кипра», опубликованная в 1965 году, и вышедшая в следующем году «Правда о вьетнамской войне». На русский язык были переведены две работы Дзелени: «Безатомная Европа», опубликованная в Брюсселе в 1958 году, и вышедшая там же в следующем году книга «Конрад Аденауэр. Легенда и действительность». В общем им написано более 30 книг и брошюр.

Вышедшая в свет в 1972 году книга Дзелени «Секрет Черчилля» представляет собой серьезное и весьма интересное исследование, написанное на основе изучения богатого документального материала и широкого круга мемуарных источников. Главная тема книги — раскрытие коварных замыслов Черчилля в последний период войны и первые послевоенные годы, его стремления разжечь пожар новой мировой войны, объединить все империалистические, все реакционные силы для «крестового похода» против СССР. Однако ее содержание не ограничено только этой темой. В ней читатель найдет также интересный документальный материал, раскрывающий особенности антигитлеровской коалиции, сложившейся в годы второй мировой войны.

Во введении к книге автор справедливо замечает, что подлинно достоверная история второй мировой войны еще не написана, поскольку пока не раскрыта тайна внутренних драматических взаимоотношений между «великими союзниками» антигитлеровской коалиции. В основе этих драматических взаимоотношений лежал тот факт, что вторая мировая война с момента вступления в нее Советского Союза «была своего рода исторической аномалией». Действительно, предвоенная мюнхенская политика Англии была направлена на подготовку в союзе с Гитлером «крестового похода» против Советской России. И даже после поражения Франции в 1940 году Чемберлен и Галифакс, если бы они остались у власти, охотно начали бы «нормальную» войну, то есть присоединились бы к Гитлеру в его агрессии против СССР. В этом отношении, подчеркивает автор, заслугой Черчилля, ярого антикоммуниста по своим политическим взглядам, но реалиста в политике, было то, что он понял первостепенную необходимость одержать победу над

Гитлером с помощью не только США, но и такого мощного союзника, как СССР.

Дзелепи очень правильно оценивает сущность мюнхенской политики английских правящих кругов. Вряд ли, однако, оправданно несколько снисходительное отношение к политике Франции, которую, как пишет автор книги, «тащила за собой» Англия. Французские правящие круги полностью и добровольно одобряли мюнхенскую политику, которая ведь являлась логическим следствием политики «умиротворения» и «невмешательства», провозглашенной еще ранее французским премьер-министром и лидером социалистов Леоном Блюмом. И другой французский премьер-министр, Эдуард Даладье, не хуже Чемберлена понимал, что, подписывая Мюнхенское соглашение, он отнюдь не «спасает мир», а толкает агрессивные страны против Советского Союза.

Мюнхенская политика не только поощряла агрессивные государства на безнаказанные захватнические акты. Она означала дальнейший шаг по пути поощрения агрессоров, ибо теперь Англия и Франция уже шли на прямые договорные соглашения с фашистскими государствами вплоть до заключения с ними соглашений, равноценных договорам о ненападении (англо-германская декларация от 30 сентября 1938 года и франко-германская декларация от 6 декабря того же года). Мюнхенские «умиротворители» ставили своей целью добиться сговора с фашистскими государствами, прежде всего с гитлеровской Германией, за счет стран Центральной и Юго-Восточной Европы, с тем чтобы направить агрессию фашистских государств на Восток, против Советского Союза, при этом рассчитывая в то же время отвести эту агрессию от метрополий и колониальных владений Англии и Франции.

Мюнхенская политика проистекала из антикоммунизма и антисоветизма. Но она характеризовалась также отсутствием реализма в оценке международной обстановки и внешнеполитических планов в первую очередь фашистских стран. Близорукие творцы мюнхенской политики были уверены, что они сумели толкнуть агрессоров, в первую очередь Германию, против Советского Союза. Они были уверены также, что в результате войны с гитлеровской Германией, которую они стремились развязать, Советский Союз будет наконец уничтожен или, во

всяком случае, чрезвычайно ослаблен, в том числе и за счет территориальных отторжений. Они были уверены, что и Германия выйдет из войны с Советским Союзом ослабленной, в результате чего они рассчитывали продиктовать миру, опираясь на свою военную мощь, условия послевоенного устройства. Сразу же после мюнхенского сговора англо-французские правители лихорадочно ожидали начала агрессии Гитлера против Советского Союза.

Американские монополистические круги не скрывали своих намерений нажать на новой мировой войне, как это удалось им сделать в годы первой мировой войны, а затем стать арбитром в послевоенных международных отношениях, надеясь при этом, уж во всяком случае, ослабить Советский Союз. Государственный секретарь США Хэлл старательно проводил именно эту политику, отвечавшую интересам крупнейших американских монополистов. Достаточно сказать, что Хэлл высоко ценил Невилла Чемберлена и даже в своих мемуарах, написанных после окончания второй мировой войны, неумеренно превозносил его мнимую «страстную преданность делу мира»¹.

Но в то время как сторонники мюнхенской политики ждали нападения гитлеровской Германии на СССР, произошло, по выражению Дзелепи, «сенсационное событие» — подписание 23 августа 1939 года советско-германского пакта о ненападении. Анализ событий этого периода не входит в задачи данной книги Дзелепи, но тем не менее следует с удовлетворением отметить глубокое и правильное понимание им подлинной сущности и этого выдающегося акта советской внешней политики и беспрецедентных просчетов англо-французских правящих кругов. Подчеркивая, что по поводу советско-германского пакта было не только потрачено немало чернил, но и сказано много глупостей, Дзелепи пишет, что фактически этот пакт «переносил политику коллективной безопасности на поля сражений». «Ведь, подписывая пакт с Гитлером,— пишет автор,— Сталин хорошо знал, что Советский Союз будет сражаться против Гитлера, как только западные державы как следует ввяжутся в войну.

¹ Cordell Hull. The Memoirs, v. I. New York, 1948, p. 532.

Об этом свидетельствует вся его политика со времени подписания пакта. Это была политика потенциального противника. В то время как западные державы вели «страшную войну» — то есть в действительности не вели войну по уже известным причинам, — единственной державой, сдерживавшей Гитлера (разумеется, в политическом смысле), был Советский Союз. Сталин укреплял свои позиции от Балтийского моря до Балкан в предвидении неизбежного столкновения с Гитлером. Это было настолько очевидно, что Черчилль твердо на это рассчитывал».

Однако и Черчилль не сразу сумел оценить силу и значение Советского Союза в войне, и, когда он увидел, что ее исход в действительности решается на советско-германском фронте, что неизбежно влекло за собой огромное усиление СССР в послевоенном мире, у него «зародилась мысль о тайной войне, которая развертывалась бы за кулисами другой, — войне, запланированной британским государственным деятелем с тем большим размахом, что советские силы весьма успешно действовали на востоке и войну можно было считать уже выигранной». Автор не без оснований полагает, что если бы Черчилль был в это время не один, а в Белом доме находился бы его двойник или если бы верховным главнокомандующим вооруженными силами западных союзников был не генерал Эйзенхауэр, а, например, генерал Паттон, то Черчилль мог бы достигнуть своих целей. И тогда, пишет автор, «третья мировая война последовала бы за второй без всякого перерыва, воюющие стороны поменялись бы ролями и союзами, явив миру эффектное зрелище. И гигантская борьба против гитлеровского чудовища, чуть было не повергшего Европу в нацистское варварство, была бы сведена на нет. Германия вышла бы из войны невредимой, чтобы позднее возобновить свое наступление».

Главной целью книги Дзелепи «Секрет Черчилля» и является разоблачение той «тайной войны», которую вели Черчилль и поддерживавшие его силы международной реакции в конце войны и в первые годы после ее завершения.

* * *

Первая часть книги Дзелепи дает весьма интересную, временами поистине драматическую картину взаимоотно-

ношений и связей между участниками антигитлеровской коалиции во время войны вообще, но особенно к моменту ее окончания. В этой части своей работы автор приходит к выводу о том, что, несмотря на зарождение элементов «тайной войны» в антигитлеровской коалиции еще в связи с вопросом о втором фронте, тем не менее «великим чудом было уже то, что союзники оставались едиными на протяжении всей войны».

Нет надобности отрицать чрезвычайно сложный характер взаимоотношений государств, входивших в антифашистскую коалицию. В основе свойственной ей с самого начала противоречивости лежала принадлежность ее участников к различным социально-экономическим системам, а также различие в целях войны империалистических государств и Советского Союза. Подлинно освободительные, благородные цели советского правительства, стремившегося к освобождению не только своей страны, но и народов всего мира от ига фашизма, не могли быть поддержаны империалистическими государствами коалиции в силу классовых интересов правящих кругов этих государств.

Бесспорным проявлением противоречивости антифашистской коалиции было стремление англо-американских правящих кругов переложить на СССР главную тяжесть войны, ослабить его, с тем чтобы в конце войны была обескровлена не только гитлеровская Германия, но и Советский Союз. Это лучше всего иллюстрируется историей создания второго фронта во время войны, открытие которого в Европе США и Англия преднамеренно оттягивали в 1942 и 1943 годах. Однако англо-американские правящие круги не предполагали, что их близорукая политика приведет к колоссальному по сравнению с предвоенным периодом усилению Советского Союза. «Недрузи СССР считали, — указывается в «Истории СССР», — что к завершающим войну сражениям Советский Союз придет обессиленный. Однако эти прогнозы не оправдались. К концу войны Советский Союз пришел могущественной в военно-экономическом отношении державой»¹.

¹ «Краткая история СССР». Часть вторая. М., «Наука», 1972, изд. 2-е, стр. 372.

Когда в результате героических усилий и огромных жертв советского народа «наступил глубокий кризис гитлеровской Германии, который предвещал ее близкий крах», подчеркивается в «Истории КПСС», тогда «союзники поспешили в этих условиях открыть второй фронт, понимая, что Красная Армия может самостоятельно разгромить врага и без их участия освободить народы Европы»¹.

Но несмотря на противоречивость антифашистской коалиции и различие целей ее участников, ряд объективных и субъективных условий способствовал во время второй мировой войны не только ее сохранению, но и упрочению. Важнейшим объективным условием упрочения антифашистской коалиции являлся тот несомненный факт, что и после открытия союзниками второго фронта в Европе главной ареной борьбы во второй мировой войне по-прежнему оставался советско-германский фронт и основную тяжесть в войне по-прежнему нес советский народ. Кроме того, победоносное продвижение Красной Армии во второй половине 1944 года создало исключительно благоприятные условия для проведения наступательных операций войск союзников в Западной Европе.

В ходе второй мировой войны вообще, но особенно к концу ее происходил неуклонный и нарастающий процесс усиления роли и влияния народных масс в политической жизни, что объективно способствовало сохранению и укреплению антигитлеровской коалиции. Трудящиеся массы капиталистических стран, и прежде всего рабочий класс, руководимый коммунистическими партиями, выполняя свой интернациональный долг, требовали от своих правительств поддержки Советского Союза в войне с фашизмом, что полностью отвечало также и собственным национальным интересам трудящихся всех стран.

Огромную роль в упрочении антифашистской коалиции сыграла внешняя политика советского правительства. Считая важнейшей задачей внешней политики страны дальнейшее укрепление созданного единого фронта народов и государств в борьбе против фашистских агрессоров, советское правительство, укрепляя антифа-

¹ «История КПСС». Т. V, кн. I. М., 1970, стр. 548.

шистскую коалицию, исходило из основных принципов внешней политики социалистического государства и учитывало объективные и субъективные возможности деятельности подобной коалиции на каждом этапе войны. Советское правительство добивалось максимального вклада в дело разгрома фашизма всех участников антифашистской коалиции, проводя политику не только экономического, политического, культурного, но и военного сотрудничества государств различных социально-экономических систем.

Правительства США и Англии, несмотря на колебания и возрастающие опасения правящих кругов этих стран в связи с победоносным продвижением войск Советского Союза на запад, реалистически оценивая сложившуюся обстановку, понимали невозможность достижения окончательной победы без сохранения антифашистской коалиции.

Важнейшим проявлением политического сотрудничества антифашистской коалиции явилась деятельность Европейской консультативной комиссии (ЕКК), учрежденной правительствами СССР, США и Великобритании в соответствии с соглашением от 1 ноября 1943 года. Первое официальное заседание ЕКК состоялось 14 января 1944 года, и вскоре же был поднят вопрос о разработке условий безоговорочной капитуляции Германии. За основу обсуждения были приняты советские предложения от 15 февраля 1944 года. Обобщенный проект условий безоговорочной капитуляции, представленный 18 апреля делегацией США, на четыре пятых состоял из текста советских условий капитуляции. Окончательно согласованный документ, состоящий из 14 статей, «Безоговорочная капитуляция Германии», разработанный ЕКК, был представлен 25 июля 1944 года на утверждение правительств СССР, США и Англии. Кроме документа о безоговорочной капитуляции, ЕКК подготовила и другие важнейшие документы и соглашения.

Дзелепи, глубоко анализируя позицию Черчилля в отношении Советского Союза в период войны, справедливо подчеркивает его крупные просчеты. Действительно, сознательно и энергично оттягивая открытие второго фронта в Европе и добившись в этом явного успеха, Черчилль с ужасом внезапно убедился в том, что это привело к колоссальному усилению СССР, чьи армии

достигли Эрфурта и стояли в 300 километрах от Рейна. В создавшейся обстановке Черчилль выдвинул новую стратегию — «прекратить сражение на западе с целью позволить вермахту продолжать их на востоке при молчаливой или открытой поддержке западных держав». Наилучшим способом осуществить эту стратегию было бы, по мнению Черчилля, заключение сепаратного мира между Германией и западными державами.

Известно, что секретные переговоры представителей правящей верхушки нацистской Германии с официальными должностными лицами и эмиссарами монополий США и Англии велись почти непрерывно с января 1943 года в Швейцарии, Швеции и некоторых других странах. «С конца апреля 1943 и вплоть до 9 мая 1945 года, то есть до безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, — констатирует исследователь этой проблемы Юлиус Мадер, — СД поддерживала с американской секретной службой постоянные контакты с целью зондажа и ведения переговоров»¹.

Следует отметить, что некоторая часть фашистских руководителей в ходе войны, особенно с конца 1942 — начала 1943 года, предприняла в целях спасения нацистского режима определенные попытки к заключению сепаратного мира с западными державами². Наибольший интерес в этом отношении представляли планы заключения сепаратного мира — прежде всего путем переговоров с представителями Англии и, конечно, на антисоветской основе, — которые обсуждались Гиммлером и Шелленбергом³. Особенно опасными секретные переговоры о достижении сепаратного мира стали в связи с подготовкой заговора против Гитлера, неудачная попытка которого была предпринята 20 июля 1944 года. С лета 1944 года активизировались также и попытки гитлеровцев вести переговоры с западными державами о сепаратном мире.

Но первые открытые попытки сепаратных переговоров с командованием союзников в Италии, отмечает Дзеле-

¹ Ю. Мадер. Тайное становится явным. М., «Прогресс», 1970, стр. 38.

² См.: В. Л. Израэлян, Л. Н. Кутаков. Дипломатия агрессоров. М., «Наука», 1967, стр. 367.

³ "The Schellenberg Memoirs". London, 1958, p. 137—153; Walter Schellenberg. Memoiren. Köln, 1959.

пи, были предприняты осенью 1944 года через эмиссаров немецкого генерала Вольфа, с одной стороны, и представителя А. Даллеса — с другой. В марте 1945 года переговоры продолжались в Швейцарии, и тоже без участия СССР, что вызвало с его стороны резкие, вполне обоснованные, как справедливо подчеркивает Дзелепи, возражения. Попытки Черчилля привлечь в этом вопросе на свою сторону Рузвельта не увенчались успехом, и 12 апреля 1945 года американский президент в послании И. В. Сталину высказал твердое пожелание сохранить тесный союз и дружбу. Но, как известно, в тот же день Рузвельт неожиданно скончался.

«Смерть Рузвельта воскресила, — пишет Дзелепи, — последнюю надежду Гитлера». Но наступление советских войск на Одере с 16 апреля и обстрел Берлина с 20 апреля резко изменили обстановку.

В этих условиях западные державы приступили к переговорам с Гиммлером через посредничество шведа Бернадота. Но 30 апреля Гитлер покончил жизнь самоубийством. Дзелепи полагает и подкрепляет свою точку зрения рядом доказательств, что назначение Карла Дёница «преемником» Гитлера было совершено не самим фюрером, а начальником его канцелярии Мартином Борманом. Последний с этой целью сумел на сутки задержать сообщение о смерти Гитлера.

Однако адмирал Дёниц самым серьезным образом воспринял свою роль «преемника» и предпринял все меры к формированию правительства, действуя во Фленсбурге, который западные союзники оставили в его распоряжении, не возражая также и против его антикоммунистических и антисоветских призывов. При этом Дёниц особенно рассчитывал на поддержку английского командования и лично Черчилля.

* * *

Значительный интерес представляет вторая часть книги Дзелепи. Она охватывает хронологически ограниченный, но чрезвычайно важный период завершения войны в Европе начиная с 3 мая 1945 года, когда немецкий маршал Кессельринг направил делегацию к генералу Эйзенхауэру в Реймс для переговоров о капитуляции фашистских армий именно перед западными союзниками. Черчилль уже тогда готов был принять сдачу гитлеров-

ских армий англо-американскому командованию, хотя условия, предложенные Кессельрингом, не соответствовали тексту документа Европейской консультативной комиссии «Безоговорочная капитуляция Германии».

После нескольких дней лихорадочных переговоров между «правительством Дёница», от имени которого действовало немецкое командование, и англо-американским командованием на рассвете 7 мая в Реймсе была подписана капитуляция немецких войск.

Реймская капитуляция означала безусловную сдачу немецкой армии американскому генералу во избежание ее окончательного распада и капитуляции перед советским командованием.

Однако, справедливо подчеркивает Дзелепи, немецкая армия проиграла войну не западным державам, а Советскому Союзу. Поэтому в любом случае капитуляция в Реймсе еще не означала безоговорочной капитуляции фашистских армий перед всеми союзниками по антигитлеровской коалиции. Кроме того, анализируя текст реймской капитуляции, автор убедительно доказывает, что он не соответствовал совместно принятому союзниками тексту ЕКК от 25 июля 1944 года. Представители США и Англии позже объясняли, что это произошло потому, что текст реймской капитуляции был якобы срочно составлен в штабе Эйзенхауэра, так как генерал Бедделл Смит «забыл» о существовании переданного ему ранее совместного текста союзников «Безоговорочная капитуляция Германии». В дальнейшем кое-кто стал даже утверждать, что текст этого совместного документа вообще «потерялся».

Увлекательно повествуя об этих поистине драматических последних днях войны в Европе, Дзелепи совершенно справедливо утверждает, что «историческая истина» о том, что американский генерал «забыл» о совместном документе союзников, да еще документе подобной кардинальной значимости, в действительности является лишь наивной версией, изобретенной для оправдания антисоветской политики определенных кругов в Англии и США.

Текст реймской капитуляции оказался значительно короче совместного текста союзников, принятого ЕКК, и больше всего он схож с текстом капитуляции вермахта в Италии. Однако в подписанный в Реймсе документ по настоянию Советского Союза, мнение которого невоз-

можно было не учитывать, независимо от того, где и когда именно подписывалась капитуляция, была включена также и статья 4. Именно эта статья давала право вновь вернуться к рассмотрению политических вопросов, связанных с уже подписанной военной капитуляцией. На основе этой статьи Советскому Союзу и удалось в дальнейшем заменить текст реймской капитуляции документом о подлинной безоговорочной политической и военной капитуляции фашистской Германии перед всеми союзниками по антигитлеровской коалиции. Действия союзников в Реймсе, направленные, по существу, на раскол коалиции, заставили советское правительство, пишет автор, добиваться торжественного акта безоговорочной капитуляции. Черчилль же считал, что подписание капитуляции в Реймсе усилит авторитет и значение англосаксонских стран в антигитлеровской коалиции.

В торжественной обстановке безоговорочная капитуляция фашистской Германии была подписана 8 мая 1945 года в Берлине. Но в отличие от добровольной сдачи фашистских армий англо-американским войскам на германо-советском фронте они сражались даже после подписания капитуляции, даже в ночь с 8 на 9 мая. Немецкий командующий на этом фронте маршал Шернер отдал приказ, в котором не признавал берлинской капитуляции и утверждал, что правительство Дёница прекратило борьбу только перед западными державами.

Текст берлинской капитуляции, в общем, был близок по содержанию тексту реймской капитуляции и также включал в себя статью 4. Таким образом, фактически оба текста безоговорочной капитуляции оказались прелиминарными. Подлинной же капитуляцией гитлеровской Германии и, как пишет автор, «реваншем Сталина» стала берлинская декларация четырех главнокомандующих войск союзников, подписанная 5 июня 1945 года. Этот документ был в основной своей части выработан советскими представителями.

* * *

Третья часть книги Дзелени охватывает период окончания войны в Европе, что, в общем, и являлось основной целью Черчилля, поскольку война с Японией, все еще продолжавшаяся, была, конечно, главной заботой США,

но не Англии, несмотря на то что последняя и принимала в ней участие.

Следует сказать, что никогда в ходе второй мировой войны правящие круги Англии и США не отказывались от своих импералистических целей, но к концу войны, и особенно к моменту ее завершения, вопрос о практическом осуществлении этих целей приобрел для них важнейшее значение. Однако на пути их реализации реакционные англо-американские круги видели препятствие в лице Советского Союза, проводившего политику всемерной поддержки демократического движения в освобождаемых странах Европы. В создавшейся военно-политической обстановке правительства США и Англии могли противодействовать политике советского правительства только дипломатическим путем. Именно поэтому проблемы внешней политики и дипломатической борьбы приобрели чрезвычайную актуальность в конце войны и сразу после ее завершения.

Едва окончилась война в Европе и Черчилль поздравил с победой И. В. Сталина, как английский премьер-министр стал готовиться к желаемой им новой войне — против Советского Союза. Но поскольку, будучи реальным политиком, он понимал неосуществимость в данный момент своих антисоветских желаний в полной мере, то со свойственной ему энергией он приступил к их частичному проведению в жизнь. Прежде всего это проявилось в его политике по германскому вопросу. Сначала Черчилль попытался сохранить в сравнительно боеспособном состоянии фашистскую армию. Когда же это оказалось невозможным, он постарался сохранить по крайней мере ее вооружение. Политика правящих кругов Англии и США была направлена теперь на то, чтобы создать на всем протяжении западной границы Советского Союза цепь стран, более или менее враждебно к нему относящихся.

Черчилль попытался убедить и нового президента США Гарри Трумэна в необходимости противодействовать демократическому влиянию СССР в Югославии и других восточноевропейских странах. Он просил не выводить американские войска из Европы и убеждал Трумэна в преимуществах для Англии и США превращения теперь уже побежденной и, следовательно, послушной Германии в авангард Запада «против красного Востока»,

сиречь против Советского Союза. Именно этими соображениями и объясняются все попытки англосаксонских союзников сохранить и сберечь правительство Дёница, совершенно незаконное ни де-юре, ни де-факто. Лишь прибытие во Фленсбург, справедливо отмечает Дзелепи, советских представителей 17 мая 1945 года положило конец подобным иллюзорным планам.

Вот тогда-то Черчилль и ощутил жгучую потребность «объясниться» со Сталиным с целью предотвратить «советскую угрозу». Автор убедительно показывает, приводя весьма интересные документы и материалы, что Черчилль в это время пытался вновь вернуться к политике «санитарного кордона» в отношении Советского Союза. Настаивая на новой встрече со Сталиным и Трумэнном еще в начале мая 1945 года, Черчилль желал превратить эту будущую конференцию на высшем уровне в реванш за Ялтинскую конференцию, которую он считал слишком выгодной для Советского Союза. В своем обращении 12 мая 1945 года Черчилль в первый раз за годы войны употребил термин «железный занавес» в отношении Советского Союза, пугая Трумэна тем, что русские дойдут до берегов Северного моря и Атлантического океана.

Конечно, Черчиллю легче было оказывать влияние на нового американского президента, чем на Рузвельта. Гарри Трумэн даже по своему личному коэффициенту, как политический деятель и дипломат, несомненно, уступал и своему предшественнику, и английскому премьер-министру. Не говоря уже о том, что позиция самого Рузвельта и небольшой группы политических деятелей из его ближайшего окружения заметно отличалась от примитивного антикоммунизма и антисоветизма преобладающей части американских монополистических кругов. Но даже и Трумэн в это время не мог полностью поддержать Черчилля в его антисоветских замыслах. Интересы США требовали пока еще сохранения антигитлеровской коалиции и дружеских отношений с Советским Союзом. Главной задачей американской политики оставалась война с Японией, которую США, как убедительно доказывает Дзелепи в этой части своей книги, не могли победить без помощи Советского Союза.

Весьма живо, интересно и с привлечением богатого фактического материала написаны автором страницы, посвященные Потсдамской конференции, длительному

спору между Черчиллем и Сталиным о дате начала конференции, которую первый хотел ускорить, а второй оттянул до 17 июля 1945 года. Конечно, сам Черчилль не допускал мысли о том, что он может потерпеть на парламентских выборах поражение и вынужден будет покинуть пост премьер-министра раньше, чем завершится Потсдамская конференция, на которой он успел все-таки предъявить многие неприемлемые для СССР требования. Трудно сказать, предполагал ли И. В. Сталин такой исход голосования в Англии, но нельзя не согласиться с автором книги, что, если бы Черчилль участвовал в работе Потсдамской конференции до конца, он не принял бы границы по Одру — Нейсе и готов был бы в противном случае дойти даже до развязывания новой войны, теперь уже против Советского Союза. Нельзя отрицать и того, что Черчилль мог бы побудить американцев пригрозить Советскому Союзу атомной бомбой, об успешном испытании которой американскому президенту сообщили 20 июля и о чем тут же узнал и английский премьер-министр. Трумэн сообщил Сталину об этой новости после заседания 24 июля, и все присутствовавшие с обостренным интересом следили за тем, как будет реагировать на это известие глава советского правительства. Сталин, как писал позже сам Черчилль, поздравил американцев с обладанием новым мощным оружием.

* * *

Последняя часть книги Дзелепи охватывает первые послевоенные годы.

Автор свидетельствует, что уход Черчилля с поста премьер-министра не означал еще его ухода из политической жизни не только Англии, но и всего западного мира. Если народные массы не поддержали политику Черчилля, то ее приняли руководители лейбористов и правящие круги Англии, США и других стран капиталистического мира. Речь Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 года на деле была одобрена правительством лейбористов и лишь формально являлась частным выступлением. «Доктрина Трумэна» — это продолжение антисоветской политики Черчилля и начало политики «всемирного жандарма». С переходом к «холодной войне», набатом к которой послужила фултонская речь Черчилля, разрушилось единство трех великих держав.

Начало созданию антисоветских блоков было положено действиями США и Англии в Германии. Вполне естественно, считает автор, что СССР не мог не реагировать на подобные резкие изменения в политике своих недавних союзников и должен был срочно принять меры для укрепления своих позиций.

23 марта 1949 года Черчилль еще раз выступил с призывом организовать превентивную войну против СССР, используя атомную бомбу, которой еще не располагал Советский Союз.

Но осенью 1949 года положение резко изменилось — СССР провел испытание своей атомной бомбы. И теперь Черчилль уже не призывал к войне. «Русская атомная бомба, — пишет автор в эпилоге, — установив новое, атомное равновесие между Соединенными Штатами и Советским Союзом, отодвинула угрозу новой мировой войны».

Несмотря на то что после 1945 года войны в Европе не было, все же не только первые послевоенные годы, но и первое двадцатипятилетие со дня завершения второй мировой войны отличались своеобразным характером. Это были, конечно, годы мира в Европе, однако мира, при котором сохранялась международная напряженность, бушевала «холодная война», существовала опасность внезапного возникновения термоядерного конфликта. Коротко этот период мирного развития послевоенной Европы можно определить как «вооруженный мир». Выступая в декабре 1971 года на VI съезде ПОРП в Варшаве, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев справедливо отметил, что отсутствие в Европе военных конфликтов на протяжении более четверти века «...уже само по себе большое достижение миролюбивых государств, большое завоевание европейских народов. Но мир этот не был прочным. Европу лихорадила «холодная война». Были моменты, когда грани между политической борьбой и военным столкновением становились хрупкими и неустойчивыми. Безопасность народов требовала прекратить «холодную войну», устранить ее последствия. Именно за это со всей энергией выступила социалистическая часть Европы»¹.

Период «вооруженного мира» в Европе характеризовался созданием и укреплением военных блоков, гонкой

¹ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., Политиздат, 1973, стр. 420—421.

вооружений и усилением милитаризма в развитых капиталистических странах, тенденцией к ревизии границ и усилением реваншистской деятельности определенных кругов, отказом от признания реальностей, возникших в результате победы миролюбивых народов над фашизмом во время второй мировой войны.

В статье «О «программе мира»» В. И. Ленин писал, что «война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны»¹. Но одновременно он подчеркивал, что и «мир есть продолжение *той же* политики, с *записью* тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями»². Анализ всей послевоенной международной обстановки подтверждает глубокую справедливость этого положения марксистско-ленинской теории международных отношений.

Действительно, особенности, и в частности противоречивость, конечных целей различных участников антигитлеровской коалиции, сказывавшиеся, как это прекрасно иллюстрировано в книге «Секрет Черчилля», даже в ходе второй мировой войны, вскоре после ее окончания приобрели ярко выраженный характер и проявились в двух курсах внешней политики: демократическом миролюбивом курсе СССР и социалистических стран и империалистическом курсе буржуазных стран во главе с крупнейшей из них — Соединенными Штатами Америки.

* * *

Прошло три десятилетия со времени окончания второй мировой войны, исторической победы народов над гитлеровским фашизмом, но рассматриваемые в книге события до сих пор не утратили своей актуальности.

Много изменений произошло в мире с тех пор. История доказала тщетность упорных и длительных усилий реакционных сил, стремившихся к развязыванию войны против СССР и других социалистических стран, к нагнетанию напряженности, порожденной их политикой «холодной войны».

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 27, стр. 269.

² Там же.

Быстрый и неуклонный экономический рост Советского Союза и всего социалистического содружества привел к коренному изменению соотношения мировых сил империализма и социализма. Вследствие этого правительства целого ряда империалистических государств были вынуждены пересмотреть свое отношение к неизменно осуществляемой Советским Союзом политике мирного сосуществования и разрядки напряженности, внимательно отнестись к выдвинутой на XXIV съезде КПСС Программе мира.

Это получило свое отражение в нормализации и развитии отношений между США и СССР, в заключении государственных договоров ФРГ с СССР, а также ФРГ с ПНР, ЧССР и ГДР, в широком и всестороннем развитии франко-советских отношений, в переговорах о безопасности и сотрудничестве в Европе, в мерах по ликвидации войны во Вьетнаме.

Крепнет тенденция к превращению принципа мирного сосуществования в норму взаимоотношений государств с различным общественным строем. Теперь принципиальное значение имеет безотлагательное и полное выполнение всеми государствами тех договоров и соглашений, которые положили начало современным положительным сдвигам в международной обстановке.

При этом нельзя забывать, что и сегодня в мире существуют силы, упорно выступающие против разрядки в международных отношениях, против реализации достигнутых соглашений. В НАТО разрабатываются новые программы наращивания вооружений и усиления военной подготовки, не ликвидирован полностью очаг напряженности на Ближнем Востоке. И сегодня среди политических деятелей можно встретить таких, которые готовы взять на вооружение провалившиеся милитаристские, антикоммунистические и антисоветские замыслы Черчилля.

Поэтому и сегодня необходимо решительно разоблачать современных противников мирных отношений между государствами с разным общественным строем, вести непримиримую идеологическую борьбу с ними.

Вот почему книга Дзелепи так актуальна сегодня, вот почему она, несомненно, вызовет живой интерес у советского читателя.

В. И. Антюхина-Московченка

ВВЕДЕНИЕ

Подлинная, полная история второй мировой войны еще не написана. Рассказ о великих битвах, державших в напряжении все человечество на протяжении пяти лет, остается неполным, пока неизвестна тайная драма, которая разыгралась между «великими союзниками» за кулисами войны.

Драма эта объясняется тем фактом, что вторая мировая война, какой мы ее знали, была своего рода исторической аномалией. По логике вещей вторая мировая война должна была стать настоящим «крестовым походом» «западной цивилизации» против красной России,— «крестовым походом» под водительством Гитлера и при поддержке или участии, прямом или косвенном, западных держав. Вся европейская политика тридцатых годов была устремлена к этой цели.

Сразу же после первой мировой войны Англия, столетиями задававшая тон в Европе, с усердием принялась — верная своей традиционной политике «европейского равновесия» — за восстановление Германии. Речь шла о том, чтобы натравить Германию на Францию и тем самым помешать тому, что в Лондоне в этот период называли политикой «французской гегемонии» в Европе.

Эту опасную игру (к чему она привела до 1914 года, мы уже видели) продолжали с еще большим ожесточением со времени появления на европейской политической сцене Советского Союза. Страх перед «французской гегемонией» в Европе сменился страхом перед «большевистской опасностью». Отныне британская политика обрела непримиримую антикоммунистическую направленность, и, совершенно естественно, в этой новой ориента-

ции британской политики было отведено место и для Германии, которая тем временем стала гитлеровским третьим рейхом.

С появлением на сцене Гитлера антикоммунизм приобрел иной характер. Политическая программа Гитлера, как он изложил ее в своей библии «Майн кампф», сводилась к идее «жизненного пространства» для Германии, которое она должна была завоевать на востоке за счет Советского Союза. Война на востоке стала, таким образом, основой его политики.

Англия широко раскрыла ему объятия. В то время как весь мир видел возрождение «германской опасности» в ее новом страшном облике — нацизма, Англия иногда открыто, иногда в замаскированном виде поощряла и поддерживала политику Гитлера. Более того, она систематически саботировала политику коллективной безопасности, которая всеми признавалась единственным противоядием против «германской опасности». Именно против этой политики и боролись в Лондоне, поскольку политика коллективной безопасности вдохновлялась Советским Союзом, а «германская опасность», в глазах англичан, касалась только Советского Союза, который уже видел приближение империалистической войны, явной угрозы, доминировавшей над всей его внешней политикой.

Исходя из аналогичных идей, Англия саботировала политику Франции, которая пыталась, по крайней мере на протяжении известного периода, сгруппировать вокруг себя страны Центральной и Восточной Европы (в частности, путем создания Малой Антанты), чтобы противостоять «германской опасности». Лондон, напротив, хотел, чтобы Париж равнялся на его политику, — цель, которой он, впрочем, постепенно добился.

Мюнхен был венцом этой политики Англии. Если Даладье, подписывая Мюнхенское соглашение, полагал, что «спасает мир», то Чемберлен — тот видел в этом нечто другое. Под предлогом сохранения мира он развязывал Гитлеру руки для войны против СССР. Таков был подлинный смысл Мюнхенского соглашения. Вторая мировая война была на деле предусмотрена этим соглашением. То есть война «нормальная», «истинная», какой была бы война Запада во главе с Гитлером против красной России.

Действия, предпринятые Гитлером вследствие соглашения в Мюнхене (вторжение в Чехословакию), ничего не изменили в политике Лондона. Это было совершенно естественно, поскольку Чемберлен и поехал в Мюнхен, чтобы устранить препятствие, каким была Чехословакия, на пути Гитлера на восток. Вторжение в Чехословакию было дополнением к Мюнхенскому соглашению. Прежде чем ринуться в войну против Советского Союза, Гитлер должен был захватить Чехословакию.

Британское правительство притворилось возмущенным и негодующим. Чемберлен разыгрывал роль «обманутого» Гитлером и делал вид, будто оказывает энергичное противодействие. Но только для того, чтобы сохранить репутацию и успокоить общественное мнение. В действительности речь шла о спасении дела, свершенного им в Мюнхене. Надо было переждать бурю, чтобы тем свободнее возобновить свою мюнхенскую игру. И ситуация складывалась именно таким образом.

Единственным уроком, который следовало извлечь из пражской драмы, должна была быть перегруппировка всех западных держав для образования единого фронта с СССР против гитлеровской угрозы. Чехословакия была захвачена без войны вслед за Австрией — акция, которой в свою очередь предшествовала демилитаризация Рейнской зоны. Именно в этом духе, к недовольству западных держав, в Москве — по советской инициативе — начались переговоры с британским и французским представителями.

Переговоры в буквальном смысле слова ни о чем. Надо было что-то предпринять для успокоения общественного мнения западных стран. Ибо ни одно ответственное лицо ни в Лондоне, ни в Париже и не помышляло всерьез о достижении действительного соглашения. Французский и британский представители — второстепенные лица — отправились в Москву, не имея полномочий для ведения переговоров. Они не привезли с собой никакого плана, никаких конкретных предложений. Кроме того, переговоры о едином фронте против Гитлера не имели никакого смысла без участия Польши. Советские вооруженные силы для ведения боевых действий на территории Германии должны были пересечь польскую территорию. Между тем варшавское правительство упорно противилось этому, в то время как лондонское и париж-

ское правительства ничего не предпринимали, чтобы добиться его разрешения на проход советских войск. В это же время британское правительство (об этом свидетельствует его Синяя книга) тайно вело переговоры с Берлином на предмет «польского Мюнхена». (Выражение принадлежит последнему послу Франции в Берлине Жоржу Кулондру.) Чемберлен, невзирая на пражскую драму, непременно хотел довести до конца линию, намеченную им в Мюнхене.

В этих условиях переговоры в Москве ни к чему не привели. Гитлеру ничто не грозило. Перспектива войны против Советского Союза оберегала, если можно так выразиться, его шансы.

Именно под этим углом зрения следует рассматривать сенсационное событие, полностью изменившее ситуацию, складывавшуюся со времени появления Гитлера на политической сцене, — подписание 23 августа 1939 года советско-германского пакта. Отвлечемся от мотивов, которыми руководствовался Гитлер, совершая этот поворот. Это одна из самых больших тайн второй мировой войны. Что касается Сталина, то в этом не было ничего таинственного. Следовало прежде всего избежать быстро приближавшейся войны против СССР.

Если бы британское правительство не саботировало политику коллективной безопасности, если бы оно не играло на руку Гитлеру, если бы не было Мюнхена и его последствий — не было бы и советско-германского пакта. Сталину пришлось сделать выводы из политики Англии, тащившей за собой и Францию, но совсем не такие, как обычно полагают: будто бы, подписывая пакт с Гитлером, он провоцировал его на войну против западных держав.

Его политика шла гораздо дальше. Война была во всяком случае неизбежна. Советский Союз сделал все, чтобы избежать ее, настойчиво проводя свою политику коллективной безопасности. Эта война, вне всякого сомнения, должна была быть направленной против Советского Союза, но она затрагивала также и западные державы, которые ее разжигали, ибо она была рассчитана на победу Германии. Но какова была бы судьба Европы после такой победы?

После того как политика коллективной безопасности потерпела неудачу, не оставалось ничего другого, как перенести борьбу против гитлеровского чудовища на поля сражений, но при иных условиях, нежели те, которых хотели Англия и Гитлер, а именно чтобы эта война не была идеальной для Гитлера войной, которую он вел бы против Советского Союза при поддержке, если не прямой помощи, западных держав.

Таким образом, советско-германский пакт, с точки зрения Сталина, фактически переносил политику коллективной безопасности на поля сражений. Поскольку оказалось невозможным вместе помешать Гитлеру начать войну, надо было осуществить другой план, чтобы вместе сражаться против него. Ведь, подписывая пакт с Гитлером, Сталин хорошо знал, что Советский Союз будет сражаться против Гитлера, как только западные державы как следует ввяжутся в войну. Об этом свидетельствует вся его политика со времени подписания пакта. Это была политика потенциального противника. В то время как западные державы вели «странную войну» — то есть в действительности не вели войну по уже известным причинам, — единственной державой, сдерживавшей Гитлера (разумеется, в политическом смысле), был Советский Союз. Сталин укреплял свои позиции от Балтийского моря до Балкан в предвидении неизбежного столкновения с Гитлером. Это было настолько очевидно, что Черчилль твердо на это рассчитывал.

Как бы там ни было, советско-германский пакт — по поводу которого было потрачено столько чернил, сказано столько глупостей — явился большим «разочарованием» для Англии. Восстановить Германию после ее поражения в первой мировой войне; найти в лице Гитлера человека, который был ей нужен для войны против Советского Союза; сделать все, чтобы поощрить и поддержать его для выполнения этой задачи; подготовить все, чтобы наставить его на «верный путь», короче говоря, добиться успеха в Мюнхене и преодолеть пражскую драму, из-за которой все могло пойти насмарку, устранить все препятствия на пути своей политики — и вдруг увидеть, как Гитлер протягивает руку Сталину и поворачивает против Европы... и Англии. Редко, если бывало когда-либо вообще, политика великой державы терпела подобную неудачу за всю ее долгую историю.

Тем не менее в Лондоне не считали игру полностью проигранной. Там надеялись найти средства устранить «аномалию» войны, вновь изменить ситуацию и, несмотря ни на что, натравить Германию на Советский Союз. В этом заключался «парадокс» — на самом деле его не было — «странной войны». Делали вид, будто сражаются, на самом деле ожидали чудесного случая, который изменил бы лицо войны.

Такой случай представился с началом русско-финской войны. Под предлогом оказания помощи «героической» Финляндии Лондон и Париж подготовили экспедиционные корпуса, первые подразделения которых уже отправились в путь. И если бы Швеция не отказалась пропустить эти войска через свою территорию, Франция и Англия оказались бы втянутыми в войну против Советского Союза, что означало бы открытие второго фронта, но в надежде, что первый будет преобразован в своего рода союз воюющих сторон против нового «общего врага».

С другой стороны, известно, что «план Вейгана», который серьезно обсуждался, предусматривал открытие еще одного фронта, на Кавказе, чтобы взять Советский Союз «в клещи». Планировали с размахом...

Наконец, наряду с этими военными планами британское правительство проявляло большую активность, добываясь мира с Гитлером. Этот мир должен был дополнить фронт союзников, который они намеревались открыть на востоке против Советского Союза. В этом фронте Германии отводилось, разумеется, первое место.

Эти усилия Лондона обрели особенно драматический оборот после падения Франции, ибо на сей раз и Гитлер принял в этом участие. Он готов был принять протянутую Англией руку, чтобы вместе с ней и со всей Западной Европой возобновить глобальную антикоммунистическую политику, прерванную с заключением советско-германского пакта.

Сегодня мы знаем из секретных документов Форин оффис, опубликованных в январе 1971 года, что еще до капитуляции Франции Чемберлен и его министр иностранных дел лорд Галифакс (два инициатора Мюнхенского соглашения) были готовы принять предложения Гитлера о мире с Англией, сделанные при посредничестве Муссолини. Переговоры происходили в Риме, и все

было, по существу, предрешено. Этот вопрос стал предметом специального заседания Военного кабинета в узком составе, в котором приняли участие Чемберлен, Галифакс, Черчилль и два лейбористских члена правительства — Эттли и Гринвуд. Чемберлен и Галифакс настойчиво выступали за принятие предложенной Гитлера, то есть за капитуляцию Англии. Но Черчилль присоединился к двум лейбористским министрам, оставив в меньшинстве консерваторов и избавив Англию от самой унижительной в ее истории капитуляции, которая в корне изменила бы ход войны. Не будь его, Гитлер выиграл бы партию, и никто не может сказать, как сложилась бы судьба Европы. Своим отказом пойти на капитуляцию Англии Черчилль нанес роковой удар политике Гитлера, вынудив его броситься в настоящую войну, которая его погубила.

Действительно, начиная с этого момента «нормальная» война, развязанная Гитлером, должна была бы стать реальностью с появлением на сцене Советского Союза, что не замедлило бы произойти. Так как, если бы Чемберлен и Галифакс остались у власти, «ненормальная» война автоматически превратилась бы в «нормальную» в тот самый день, когда Гитлер напал бы на Советский Союз. Этот факт исторического значения также следует записать в актив Черчилля, воспротивившегося такому превращению войны.

Этой новой войне Черчилль отдавал целиком свои силы с того самого момента, как взял на себя руководство делами Англии. Он отменил все попытки Гитлера перекроить систему союзов. (Вспомним о таинственном полете Рудольфа Гесса в Англию в марте 1941 года.) Критический момент наступил тогда, когда Гитлер развязал войну против Советского Союза. Как поступит инициатор создания «санитарного кордона»? Станет ли он на сторону Гитлера в общей борьбе, раз уж представилась такая уникальная возможность?

Ярый антикоммунист сохранил чувство реальности. С момента своего прихода к власти он занял определенную позицию. Сначала надо разбить Гитлера, а там будет видно. В этой войне, которая была, на его взгляд, более важной, Советский Союз был потенциальным союзником, почти столь же несомненным, как и Соединенные Штаты. Вот в чем заключалась основная причина

(это известно из военных мемуаров* Черчилля) его сопротивления Гитлеру тогда, когда все, казалось, было потеряно после падения Франции и когда почти весь мир всерьез считал пакт Сталина с Гитлером разделом Европы между Советским Союзом и нацистским рейхом. О другом еще остававшемся «смертельном враге» — о красной России — речь пойдет после того, как будет достигнута победа над Гитлером.

* * *

При этой двойственности, которая доминировала в политике Черчилля, при наличии в ней двух аспектов, военного и политического, Черчилль не колеблясь отдал предпочтение войне против Гитлера. Тем не менее это не мешало ему не упускать из виду и другой аспект своей политики по мере того, как война развивалась благоприятно для союзников. И чем лучше шли дела союзников на войне, бремя которой нес главным образом Советский Союз, тем больше в двойственной политике Черчилля брал верх политический аспект.

Вначале Черчилль полагал, что выигрыш Англии в военном отношении в результате вступления в войну Советского Союза будет, скорее всего, кратковременным. Он считал (как почти все в тот период), что Красная Армия едва ли выдержит натиск вермахта более нескольких недель. Обеспечить победу союзников, по расчетам Черчилля, в конечном итоге должны были Соединенные Штаты. Но впоследствии оказалось, что Красная Армия — грозный противник для армии Гитлера и что действительной войной была та, которая развертывалась на востоке.

Так зародилась драма Черчилля. Двойственность его политики оборачивалась теперь весьма угрожающей стороной. Разбить Гитлера было бы хорошо, но Советский Союз выиграл бы больше всех от победы, поскольку главный вклад в ее достижение вносил он. Иначе говоря, англо-американская сторона выиграла бы войну, но проиграла бы мир. Поэтому отныне главными проблемами становятся послевоенные. Как будет выглядеть Европа — а также весь мир, — когда Советский Союз выйдет из войны, сохранив все свое могущество? Это

* Winston S. Churchill, The Second World War. Vol. I—VI. London, 1948—1954.

было кошмаром для Черчилля и, несомненно, также для правящих классов на Западе.

Вот каким образом у Черчилля зародилась мысль о тайной войне, которая развертывалась бы за кулисами другой,— войне, запланированной британским государственным деятелем с тем большим размахом, что советские силы весьма успешно действовали на востоке и войну можно было считать уже выигранной. Сама эта «официальная» война явно утратила для него интерес. Именно тайная война, проходившая незамеченной для участников великой трагедии, все больше занимала мысли Черчилля и тех людей с другого берега Атлантики, которым будущее представлялось в том же свете, что и ему.

Его тактика была предельно проста: он не мог пока что пойти на «перекраивание союзов». Война не была окончена. (Время для этого наступит позднее, когда Гитлер потерпит окончательное поражение.) Надо было оставить русских более или менее одних сражаться против немцев, с тем чтобы Советский Союз вышел из войны в достаточной мере ослабленным и вследствие этого неспособным играть сколько-нибудь серьезную политическую роль в послевоенный период.

Это была невероятная история «второго фронта». Черчилль систематически саботировал открытие второго фронта во Франции, которого при поддержке Рузвельта требовал Сталин, чтобы облегчить положение Красной Армии, одной несшей всю тяжесть войны на восточном фронте. Он неизменно повторял, что англо-американская сторона недостаточно сильна для подобного предприятия. Между тем он очень хотел открыть другой фронт, но на Балканах. И это главным образом в политических целях: продвинуть англо-американские силы возможно дальше в страны Юго-Восточной и Центральной Европы, чтобы опередить советские войска на этом направлении.

С другой стороны, он надеялся, что вторжение в Италию, предпринятое как большая демонстрация военной мощи, освободит его от действительного открытия второго фронта в Нормандии. Но после того как англо-американцам удалось закрепиться в Сицилии — разгромив армию Роммеля в Северной Африке, — последовавшая за этим высадка в Италии (в сентябре 1943 года) свелась к второстепенному эпизоду войны. Англо-американ-

ские войска были блокированы немцами, не принеся сколько-нибудь заметного облегчения русским.

Расплатой за черчиллевский «макиавеллизм» было дальнейшее успешное продвижение на запад Красной Армии. Эти успехи были столь значительны, что когда англо-американская сторона наконец открыла второй фронт в Нормандии, в июне 1944 года, то это было уже вовсе не для облегчения положения советских войск на восточном фронте. Это было для того, чтобы самим также присутствовать в Европе при окончании войны. Из американских секретных документов, опубликованных в январе 1971 года, известно, что американские генералы предвидели возможность продвижения советских войск до берегов Ла-Манша, в случае если бы их оставили одних завершать войну, то есть если бы не было высадки в Нормандии. Впрочем, военные руководители Германии были с ними согласны в этом вопросе: никогда англичане и американцы не смогли бы закрепиться на нормандской земле, если бы не продвижение русских на восточном фронте. Генерал Йодль, начальник генерального штаба, категорически утверждал это в своих показаниях перед Нюрнбергским трибуналом.

То, что высокопарно назвали «крестовым походом в Европу» (будто именно высадка в Нормандии положила конец войне, тогда как она так или иначе уже шла к концу), — легенда о второй мировой войне. Когда «крестовый поход» начался, Советская Армия уже «сломала хребет вермахту». Это выражение принадлежит самому Черчиллю. После первых столкновений немецких и англо-американских войск Гитлер, а после его смерти германское верховное командование фактически преднамеренно открывали дорогу англо-американской армии. Об этом свидетельствуют немецкие секретные документы. Эта тактика являлась составной частью последней попытки (это была их последняя надежда) заключить сепаратное перемирие на западном фронте, чтобы продолжать войну против Советского Союза, если возможно, при поддержке западных держав. Это был момент «тайной войны» Черчилля, вступившей в свою наиболее активную стадию. Эпизод с наступлением в Арденнах также был частью этого последнего маневра Гитлера. Он хотел доказать англичанам и американцам, что еще в состоянии продолжать войну против Советского Союза.

Таким образом, «крестовый поход» в своей заключительной фазе был не более чем военной прогулкой, в то время как война продолжалась на восточном фронте. Англичане и американцы, поставленные в благоприятные условия вследствие молчаливого прекращения борьбы на западе, спешно продвигались вперед, чтобы опередить советские войска. Такой была в действительности в тот период война.

С приближением победы Черчилль думал только о заключении сепаратного мира с немцами, который должен был бы привести к «перекраиванию союзов», в предвидении того, что он называет в своих мемуарах «объяснением со Сталиным». Если говорить яснее, то это означало открытый конфликт с Советским Союзом, чтобы помешать ему воспользоваться по праву плодами победы, в достижение которой он внес решающий вклад.

«Объяснение», как его изображает Черчилль в своих мемуарах, должно было произойти, пока американские войска еще не покинули Европу. Но этого мало, все должно было делаться при участии немцев. То есть до того, как вермахт капитулирует и будет разоружен. Он думал об этом даже еще на Потсдамской конференции, мысль о созыве которой исходила от него. (Главы книги, в которых освещаются «тайны» Реймса и Потсдамской конференции, не рассматриваемые ни в одной другой истории второй мировой войны, содержат больше всего разоблачений и являются самыми захватывающими.)

В это поразительное предприятие, которое он замыслил, в этот, так сказать, дьявольский расчет Черчилль вложил всю ту страстность, с которой он вел войну против Гитлера. И если бы другой Черчилль сидел в Белом доме или если бы верховным главнокомандующим войсками союзников в Европе был бы не генерал Эйзенхауэр, а такой человек, как, например, генерал Паттон, Черчилль, без сомнения, достиг бы своей цели. Третья мировая война последовала бы за второй без всякого перерыва, воюющие стороны поменялись бы ролями и союзами, явив миру эффектное зрелище. И гигантская борьба против гитлеровского чудовища, чуть было не повергнувшего Европу в нацистское варварство, была бы сведена на нет. Германия вышла бы из войны невреди-

мой, чтобы позднее возобновить свое наступление, так, словно войны и не было.

Этот последний омрачающий акт великой драмы второй мировой войны вы не найдете ни в одной другой истории конфликта, написанной во Франции или какой-либо другой стране. Автор настоящей книги попытался осветить самые темные страницы этой ошеломляющей истории, которую в целом еще предстоит написать, и помочь читателю яснее представить себе драму второй мировой войны и заглянуть за кулисы послевоенной истории.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧАС «ПЕРЕКРАИВАНИЯ СОЮЗОВ»

Самые мрачные и самые смутные страницы второй мировой войны должны были бы быть самыми светлыми ее страницами с приближением победы союзников. «Великие союзники» сумели кое-как довести до конца борьбу против общего врага, гитлеровской Германии. Но недоверие и подозрительность, которыми отличались отношения англо-американской и советской сторон, достигли крайнего предела в момент победоносного завершения их общей борьбы.

Такова судьба всех военных коалиций. Но в случае «великого союза» между капиталистическими державами и коммунистическим Советским Союзом, — союза, коренным образом противоречившего их социальным идеологиям, риск плохого конца был почти неминуем. Великим чудом было уже то, что союзники оставались едиными на протяжении всей войны.

Ибо если они чувствовали себя солидарными перед лицом чудовищного гитлеровского начинания, угрожавшего как «свободному миру», так и миру коммунистическому, то с того момента, как угроза отпала, их все разделяло. Тем более что плоды победы должны были быть поделены между победителями не поровну и не в соответствии с вкладом каждого. А вклад Советского Союза был огромным.

Итак, за внешней видимостью единого фронта союзников можно было различить признаки развертывавшейся подспудно другой, тайной войны, самым наглядным проявлением которой было дело со «вторым фронтом». Эта тайная война постепенно усиливалась по мере того, как близился конец войны.

Это превращение, которое претерпевала война, Черчилль подчеркивает в последней главе своих мемуаров:

«Чем больше война, которую ведет коалиция, приближается к своему концу, тем большее значение приобретают ее *политические аспекты*».

Это явление объясняет снова Черчилль:

«Проблемы, которые вставали в связи с победой, отныне близкой, ни в чем не уступали по своей сложности *худшим опасностям войны*».

Этим все сказано. В его глазах проблемы, с которыми предстояло столкнуться после войны, представляли столь же серьезную опасность, как и сама война. И подходить к ним следовало в таком же духе.

К этому следует добавить, что смерть Рузвельта последовала в самый критический момент войны (12 апреля 1945 года), когда его авторитет был более, чем когда-либо, необходим, чтобы направлять политику Соединенных Штатов в послевоенный период и сдерживать Черчилля. Эта политика уже находилась в постоянном противоречии с политикой британского премьер-министра во время войны.

Последние месяцы войны действительно проходили в тревожной и мрачной атмосфере, на грани разрыва между «великими союзниками».

Драма Черчилля

Драма Черчилля разворачивается наподобие некоего триптиха, развиваясь с неумолимой логикой.

Картина первая. Взяв в свои руки в июне 1940 года руководство войной, он не видел для Великобритании иного шанса на спасение, кроме союза с Соединенными Штатами, дополненного союзом с Советским Союзом. Но что касалось последнего, то Черчилль уже предвидел и опасался той цены, которой будет стоить возможная победа. Обратной стороной союза с Советским Союзом была перспектива выхода последнего из войны слишком могущественным. Возникла бы та же проблема — только в бесконечно больших масштабах, — которой Англия была озабочена после первой мировой войны, — проблема *европейского равновесия*. Прежде ее мучил кошмар

«французской гегемонии» в Европе. После второй мировой войны это была бы «советская гегемония». И чем большим был бы советский вклад в общую победу, тем большей была бы эта «опасность».

Картина вторая. Черчилль желал, чтобы Советский Союз истек кровью на войне и к моменту победы настолько ослабел, что не в состоянии был бы играть первостепенную роль в Европе и во всем мире. Эта идея всецело овладела им особенно с того момента, когда после временных неудач в начале войны на востоке Красная Армия превратилась в существенный военный фактор победы союзников. В принципе война должна была в целом вестись на суше. В ответ на открытие фронта на востоке следовало вновь открыть фронт на западе, чтобы помочь русским, которые одни несли всю огромную тяжесть борьбы с вермахтом в ожидании того, что он будет взят в клещи. На настоятельные и взволнованные призывы Сталина, поддерживаемого Рузвельтом, открыть второй фронт на западе Черчилль отвечал систематической обструкцией. Он хотел оставить русских одних сражаться против немцев. В этом случае и те и другие вышли бы из войны истощенными, каким бы ни был ее исход.

Впрочем, в этой «философии» не было ничего оригинального. После первой мировой войны начальник имперского генерального штаба фельдмаршал Вильсон следующим образом резюмировал ее в своих воспоминаниях: «Доказательством милости божьей к Англии является тот факт, что в этой войне мы избавились одновременно и от Германии, и от России». Оригинальным в черчиллевской стратегии «второго фронта» был самый механизм этого фронта. «Второй фронт» означал прежде всего эксплуатацию идеи этого фронта. Черчилль, казалось, поймал Сталина в западню. Он полагал, что Англия наконец достигла цели всей своей политики, проводившейся ею со времени появления Советского Союза на международной сцене в качестве великой державы. Все время саботируя политику коллективной безопасности, вдохновлявшуюся Москвой, которая стремилась таким образом оказать противодействие агрессивному экспансионизму гитлеровской Германии, Великобритания неустанно пыталась направить эту экспансию против

Советского Союза. Венцом этой политики стало Мюнхенское соглашение. В Мюнхене Гитлер добился от Запада свободы действий. Дорога на Москву была ему отныне открыта.

Положение полностью изменилось в результате советско-германского пакта, заключенного в августе 1939 года. Гитлер покинул своих вчерашних друзей и обратился против Запада. Это был драматический провал всей антисоветской и прогитлеровской политики Англии. Войну Гитлера, которой она желала и которую поощряла, пришлось познать ей самой.

Положение вновь изменилось, когда Гитлер напал на Советский Союз. Вследствие этого Англия становилась союзницей последнего. Но для Черчилля глубокий смысл новой ситуации заключался в том, что Англия оказалась перед фактом действительной войны, в которой противостояли друг другу Германия и Советский Союз, хотя Англия и сражалась на стороне последнего. В своих планах он не мог отделить этот факт от другого.

Если бы война развертывалась в нормальных условиях, Англия все равно продолжала бы ориентироваться на то, чтобы до конца истощить Советский Союз, словно это была отдельная германо-русская война.

Именно эта точка зрения породила стратегию «второго фронта» Черчилля. Между тем эту стратегию и идеи, которыми она вдохновлялась, разделяли также и в Соединенных Штатах. Трумэн, который был тогда просто сенатором, открыто провозгласил в заявлении, опубликованном в «Нью-Йорк таймс», что русских следует оставить одних сражаться против немцев, пока противники не истощат друг друга. С другой стороны, известно, что Черчилль противился открытию второго фронта на западе; он хотел создать другой фронт, на Балканах, не для того чтобы помочь русским на восточном фронте, но с целью упредить их в случае возможного наступления в этом направлении¹.

Картина третья. Черчиллевская стратегия «второго фронта», по видимости коварная, безусловно, была ус-

¹ См.: Chester Wilmot. The Struggle for Europe. London, 1952; Ralph Ingersoll. Top Secret. (См. русский перевод: Ральф Ингерсол. Совершенно секретно. М., 1947.)

пешной, поскольку этот фронт был открыт лишь в начале последнего года войны. Но в действительности она оказалась драматическим *бумерангом*. Черчилль должен был с ужасом констатировать непредвиденное явление: за два года, в течение которых он срывал открытие второго фронта, мощь Красной Армии возросла и окрепла в борьбе. В такой степени, что, когда англо-американские войска высадились в Нормандии, они сделали это в действительности не для того, чтобы помочь русским, а для того, чтобы самим также присутствовать на Европейском континенте. Ибо война, по существу, подходила к концу. Подавляющая часть работы по уничтожению вермахта была уже выполнена Красной Армией. Немцы повсюду на востоке перешли к обороне и во многих местах отступали. Таким образом русские достигли Эрфурта, в трехстах километрах от Рейна.

Более того, само открытие второго фронта стало возможным исключительно благодаря крайне неблагоприятному для мощи вермахта развитию событий на востоке. Этот факт подтвердил генерал Иодль перед Нюрнбергским трибуналом: никогда англичане и американцы не смогли бы высадиться во Франции, если бы Гитлер не напал на Россию. Это означает, что, если бы не было победы на восточном фронте, западные «освободители» никогда не смогли бы высадиться в Европе.

В декабре 1944 года — за четыре месяца до краха — Гитлер был еще способен поставить в трудное положение англо-американские войска, высадившиеся в Европе. Он развернул наступление в Арденнах. Он, разумеется, не собирался сбросить своих западных противников в море, а хотел использовать эту операцию в политических целях, доказав, что вермахт еще достаточно силен, чтобы продолжать войну на востоке, если она будет прекращена на западе. И именно Черчиллю — ирония судьбы! — пришлось обратиться к Сталину с призывом о помощи, прося его срочно развернуть большое наступление на восточном фронте с целью вынудить Гитлера оголить западный фронт.

С этого времени изменился самый смысл войны. «Сражение за Европу», которое теперь давали англичане и американцы, не было более сражением за освобождение Европы, поскольку война была практически выиграна. Они сражались прежде всего с целью опередить русских

в их неудержимом продвижении на запад. Более того, в этом радикальном превращении общий враг изменил свое отношение. Он на свой лад принимал прямое участие в этой борьбе нового рода, облегчая наступление англо-американских войск с того момента, как верховное командование вермахта поняло, что невозможно остановить стремительное продвижение русских к сердцу Германии.

Такой была расплата за стратегию «второго фронта». Черчилль констатировал теперь с тревогой, что, если война закончится в сложившейся обстановке, она будет практически проиграна также и для западных держав. Так как больше всего при этом выиграет Советский Союз. Надо было, следовательно, любой ценой изменить ход событий.

Целостная программа

Отныне Черчилль шел навстречу желаниям немцев. Он по-прежнему был поглощен заботой о «втором фронте», но с совершенно новой точки зрения: он хотел закрыть этот фронт. И эта новая стратегия полностью соответствовала стратегии немцев. Она заключалась в том, чтобы прекратить сражения на западе с целью позволить вермахту продолжать их на востоке при молчаливой или открытой поддержке западных держав.

В соответствии с общим замыслом он видел в Германии потенциального союзника в послевоенный период. В настоящий же момент его тревожила мысль о том, что очень скоро, прежде чем западные державы успеют урегулировать свои расхождения с русскими, германская армия перестанет существовать. Так как при новой военной конъюнктуре англо-американские войска оказались бы одни лицом к лицу с русскими, не имея возможности использовать германскую армию. Иначе говоря, надо было непременно, все равно каким способом, коренным образом изменить соотношение сил между западными державами и Россией еще до того, как война закончится советской победой.

Черчилль показал в своих мемуарах, что означало бы в этом отношении поражение Германии для англо-американской стороны: «Уничтожение военной мощи

Германии вызвало *коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями*.

Это изменение, по его мнению, было следствием исчезновения общего врага — «единственного, что до сих пор объединяло» союзников. Однако исчезновение общего врага не означало просто конца «великого союза», что было бы вполне естественным. Для Черчилля всего-навсего место одного «врага» занял другой. Когда он открыл свои объятия Сталину, принявшему вызов Гитлера, Россия тем не менее не перестала быть для него «врагом». Он высказал это в почти незавуалированной форме, приветствуя нового союзника в своей исторической речи 22 июня 1941 года, когда поступило сообщение о нападении Гитлера на Советский Союз. Когда война закончится, Советский Союз снова станет неизменным врагом, после того как будет устранен другой враг, всего лишь случайный и эпизодический. И он уже тогда объявлял о *постоянной «опасности»*, чтобы оправдать возобновление борьбы против этого неизменного врага.

Именно «начиная с этого момента», по его словам, «коммунистический империализм и коммунистическая доктрина» не ставят «более границ своей программе и своей гегемонии».

Этой гипотетической «программе» Черчилль противопоставляет свою собственную программу, гораздо более конкретную и точную, которую он воспроизводит в своих мемуарах:

«1) Советская Россия стала *смертельной опасностью для свободного мира*.

2) Надо без промедления создать *новый фронт*, чтобы остановить ее продвижение вперед.

3) Этот фронт должен находиться в Европе, *насколько возможно, дальше на восток*.

4) Берлин является первоочередной и действительной целью англо-американских армий.

5) Освобождение Чехословакии англо-американскими войсками и их вступление в Прагу имеют первостепенное значение.

6) Западные державы должны участвовать в оккупации Вены и даже всей Австрии, по крайней мере на равных правах с русскими.

7) Следует положить конец агрессивным претензиям маршала Тито к Италии».

Таким образом, программа Черчилля носила, по существу, агрессивный характер. Раз уж Советский Союз рассматривался как «смертельная опасность для свободного мира», то в борьбе с ним было все дозволено. И средства, которые для этого выдвигались, уже таили в себе зародыш конфликта. Столицы, которые Черчилль сам намечал как главную цель англо-американских армий, не имели отношения к немцам. Эти города были расположены в районах, в которых немцы вели ожесточенные бои против русских за каждую пядь земли, в то время как англо-американские войска продвигались вперед, не встречая сопротивления, поскольку немцы намеренно открывали перед ними дорогу.

По существу, было бы неверно сказать, что претворение в жизнь программы Черчилля было сопряжено с риском спровоцировать конфликт с русскими. Напротив, он *намеренно добивался* этого конфликта, так как во всех случаях его программа могла быть осуществлена только с помощью силы. Она заканчивалась следующим:

«Наконец, и это главное, следует урегулировать все крупные проблемы, разделяющие Восток и Запад в Европе, до того как растают армии демократии»¹.

Великая скорбь Черчилля

Этот удручающий текст знаменовал новое направление, которое Черчилль очень хотел придать войне. Герой «санитарного кордона» вновь оказался на переднем крае антикоммунизма. СССР объявлялся «смертельной опасностью» тогда, когда он еще сражался против гитлеровской Германии. И борьбу против этой «опасности» Черчилль призывал вести под знаменем «освобождения». Какие могли быть колебания перед столь «правым» делом?

Поэтому можно утверждать, опираясь на исторические факты, что, если бы Черчилль обладал всей полной властью в лагере Запада, если бы он мог действовать по-своему в завершающий период войны, ее исход был бы существенно другим.

¹ Подчеркнуто в тексте Черчиллем.

Предметом великой скорби Черчилля было то, что он оказался не в состоянии закончить вторую мировую войну так, как был намерен. Но предметом еще большей его скорби было то, что американцы не пошли за ним. Об этом двойном предмете своей скорби он без оценок высказывается в своих мемуарах.

Соединенные Штаты, жалуется он, «хотя они к моменту победы и заняли положение вершителя судеб мира», не имели «подлинного и связного плана», чтобы овладеть новой ситуацией. Великобритания «не могла в одиночестве действовать решающим образом». Отсюда его патетические призывы к Эйзенхауэру не придерживаться, имея в виду послевоенные перспективы, обязательств, взятых на себя в ходе войны правительствами союзников по отношению к русским. (Чтобы объяснить волнение Черчилля, следует отметить, что американские войска находились в это время далеко в глубине будущей советской зоны оккупации Германии, определенной условиями соглашения «большой тройки» по этому вопросу.)

Соединенные Штаты были тем более полны решимости придерживаться вышеупомянутых соглашений, что Япония в это время бросила все свои силы на войну в Тихом океане; и Вашингтон весьма рассчитывал на помощь русских после окончания войны в Европе. Сталин обещал это Рузвельту во время Ялтинской [Крымской] конференции в феврале 1945 года.

Глава VII последнего тома мемуаров Черчилля одна из самых драматических. Она называется «Расхождения в стратегических концепциях западных держав». Но речь шла о чем-то большем, чем просто расхождения. «Стратегические концепции», имевшиеся в виду, касались самого исхода войны и ее трансформации в том смысле, в каком это советовал Черчилль. Все его усилия были направлены на то, чтобы любой ценой остановить продвижение русских на запад, в то время как Эйзенхауэр руководствовался соображениями военного порядка и, кроме того, боялся спровоцировать разрыв с русскими.

До конца марта 1945 года общий план операций, принятый Эйзенхауэром, полностью удовлетворял Черчилля. Но внезапно он встревожился, когда 28-го числа указанного месяца ему стало известно, что главнокомандующий после форсирования Рейна и окружения Рура

продвигается по линии Эрфурт—Лейпциг—Дрезден. Черчилль тотчас же поднял тревогу, обратившись к начальникам Объединенного англо-американского штаба в Вашингтоне. Линия, намеченная Эйзенхауэром, оставляла в стороне Берлин.

Это был напрасный демарш. Решение главнокомандующего было принято без предварительной консультации с Вашингтоном. Напротив, Эйзенхауэр согласовал его с советским верховным командованием. Ответ начальников Объединенного штаба в Вашингтоне был довольно красноречивым: «Сражение в Германии достигло той стадии, когда оно входит в компетенцию командующего на месте». Черчиллю совершенно ясно отказывали в изменении стратегического плана Эйзенхауэра, его политические соображения ни в коей мере не принимали во внимание.

Тогда Черчилль обратился непосредственно к Эйзенхауэру, чтобы все же убедить его изменить мнение. В послании, датированном 31 марта, он напрямик ставил перед ним вопрос: поскольку сопротивление врага явно ослабевает, «почему нам не форсировать эту реку (Эльбу), чтобы продвинуться возможно дальше на восток»? И объясняет Эйзенхауэру *политические* мотивы.

«Это продвижение,— пишет он Эйзенхауэру,— имеет важное *политическое* значение, ибо южные русские армии, очевидно, несомненно вступят в Вену и оккупируют всю Австрию. Если мы намеренно оставим им еще и Берлин, тогда как до города нам рукой подать, то этот двойной момент может укрепить их в убеждении, которое уже чувствуется, что они сделали все». И добавляет лезть к стратегии, чтобы добиться пересмотра плана, разработанного Эйзенхауэром до форсирования Рейна, и продвижения теперь американских и английских войск «к Эльбе и за Берлин». «Такое продвижение,— пишет Черчилль,— отнюдь не является помехой для большого наступления в центре, предпринимая которое Вы тысячу раз правы и которое является результатом блестящих операций, осуществленных вашими армиями к югу от Рура».

На следующий день, 1 апреля, он обратился с этим вопросом к самому Рузвельту. Он потребовал от него рассмотреть «эти влекущие за собой крайне тяжелые последствия изменения, которые Эйзенхауэр внес в пер-

воначальный план операций». Но он обращал внимание президента главным образом на *политический* аспект дела.

«Советские армии, — подчеркивал он, — вне всякого сомнения, займут всю Австрию и вступят в Вену. Если они овладеют также и Берлином, то не окажет ли впечатление, что они сыграли *решающую роль в нашей общей победе*, слишком сильного влияния на их умы и не породит ли это у них настроений, которые создадут нам в будущем серьезные и опасные трудности?»

И он вновь возвращался к своей навязчивой идее:

«Я поэтому считаю, что из *политических* соображений мы должны проникнуть возможно дальше на восток, в Германии, и если Берлин для нас в пределах досягаемости, то мы должны овладеть им без всяких колебаний».

В сущности, Черчилль вел безнадежную борьбу. Все было против него. Американцы были парализованы, так как взоры их были прикованы к Японии и они прежде всего добивались господства на Тихом океане. Советский Союз действительно сыграл «решающую роль в общей победе». Наконец, с моральной точки зрения Черчилль был в невыгодном положении. Если он, строя из себя стратега, полагал, что англо-американские армии должны «без колебаний» продвинуться возможно дальше на восток, то ведь исключительно благодаря русским они находились на европейской земле и могли беспрепятственно продвигаться.

2 апреля, отвечая на послание Эйзенхауэра по поводу военного плана последнего, Черчилль напомнил ему, что он уже говорил относительно «*политических аспектов*» взятия Берлина, и добавил:

«Я придаю самое важное значение тому, чтобы место, где мы пожмем руку (*sic!*) русским, находилось как можно дальше на восток».

Черчилль и немцы

Наряду с идеей продвижения англичан и американцев на восток крепла также идея о прекращении военных действий на западе. Обе они взаимно дополняли

друг друга в рамках плана трансформации войны. Так как немцы теперь с военной точки зрения представляли как новый фактор, благоприятный для англичан и американцев. После того как немцы уже некоторое время фактически прекратили сопротивление на западе, они готовились к частичной капитуляции на западном фронте, чтобы иметь большую свободу действий для усиления сопротивления на востоке и сдерживания продвижения русских на запад.

Эти взаимосвязанные операции имели, с точки зрения Черчилля, отношение «к великим проблемам, касавшимся Запада и Востока в Европе», которые, по его мнению, непременно следовало «решить» до окончания войны. Иначе говоря, вермахт можно было рассматривать как фактор в соотношении сил между англо-американцами и русскими, до того как англо-американцы не останутся один на один с русскими. Помимо частичных капитуляций на западе, немцы предусматривали возможность сепаратного мира с западными державами. То была цель, которой следовало достичь, чтобы избежать полного поражения, что явилось бы результатом безоговорочной капитуляции.

Именно под этим углом зрения следует отныне рассматривать развитие событий на полях сражений до конца войны и, следовательно, до первой конференции, где «великим союзникам» предстояло встретиться в условиях мира, то есть до Потсдама.

В то время как, с одной стороны, Черчилль подстрекал генерала Эйзенхауэра и президента Рузвельта не считаться с соображениями морального порядка, чтобы опередить в Европе русских, воспользовавшись в конечном счете тем, что было сделано на восточном фронте в общих интересах, с другой стороны, он активно старался поощрять попытки немцев добиться частичных капитуляций на западном фронте, имея в виду перспективу «поворачивания фронтов».

Несуществующий «вопрос»

В своих мемуарах Черчилль относит к февралю 1945 года тот момент, когда немцы «поняли, что их поражение неизбежно и что вопрос, который стоит перед ними: — кому сдаваться?»

Но эта альтернатива существовала только в воображении автора. Как будто немцы колебались в выборе между англо-американской стороной и русскими! Частичная капитуляция русским была немыслима. Лишь капитуляция на западном фронте могла рассматриваться германским командованием. «Мир с Советами был явно невозможен», — подчеркивает Черчилль. Следовательно, речь могла идти только о мире с англо-американской стороной. И тот же Черчилль признает: «Оставались западные союзники». А они были готовы рассмотреть вопрос, поставленный немцами.

Все это немцы знали. Если они и делали вид, что ищут равным образом контакта и с русскими, то лишь для того, чтобы тем вернее добиться своей основной цели у западных держав. К тому же у русских, которым предстояло вскоре выйти из войны с великой победой, не было никаких оснований направлять немцев против англо-американской стороны.

Ставя вопрос, который он приписывал немцам, Черчилль признавал, что речь шла только о частичных капитуляциях или общей сепаратной капитуляции на западном фронте. В любом случае гипотеза была беспредметной как для немцев, так и для союзников. Не могло иметь места ничего другого, кроме полной безоговорочной и одновременной капитуляции на всех фронтах, как на востоке, так и на западе. Частичные капитуляции — предпочтение в этом случае кого-либо из союзников или капитуляция, носящая местный характер, — были исключены. Точные соглашения, заключенные на этот счет между «великими союзниками», были недавно подтверждены на Ялтинской конференции.

С другой стороны, у немцев не было выбора, так как они проиграли. Черчилль отмечает еще в своих мемуарах, что в марте 1945 года положение рейха было катастрофическим и быстро ухудшалось. В этих условиях, достигнув частичных и локальных капитуляций, немцы смогли бы использовать англичан и американцев против русских с тем большими шансами на успех, если бы им было обеспечено соучастие первых. Поэтому позиция англичан и американцев имела первостепенное значение, так как этот маневр немцев преследовал весьма далеко идущие цели. Их последней надеждой был разрыв между Западом и русскими.

Если в военном отношении все шло плохо, «в политическом отношении», как говорит Черчилль, все «преимущества были на стороне немцев». Это должно было означать, что англичанам и американцам нужна была Германия после войны. Геббельс уже давно продумал тактику последнего шанса: держаться до самого конца, спекулируя на разногласиях между западными державами и русскими, которые должны привести к разрыву между ними. «Выиграем время, — говорил он, — и, может быть, мы выиграем».

И опять-таки Черчилль подчеркивает значение маневра с частичной капитуляцией немцев. Если бы, говорит он, «они смогли добиться *перемирия на западе*, они были бы в состоянии *сконцентрировать свои силы против наступления русских*».

ПЕРВАЯ БРЕШЬ В «ВЕЛИКОМ СОЮЗЕ»

Маневр с частичными капитуляциями на западе, предпринятый немцами, впервые был применен на итальянском фронте. Условия для его успеха представлялись более благоприятными, чем в другом месте. Итальянский фронт находился под командованием англичан, и он все еще оставался второстепенным фронтом. С другой стороны, немецкий генерал, взявший на себя инициативу капитуляции, командовал войсками СС — отборными войсками, «самыми стойкими из стойких». Подобная инициатива не могла не произвести большого впечатления.

Если верить тому, что Черчилль пишет в своих мемуарах, «все предложения, сделанные немцами о сдаче своих войск на итальянском фронте, были, конечно, отвергнуты». Англичане и американцы «требовали» «безоговорочной» капитуляции «на всех фронтах». А также «категорически заявили, что это не может служить предметом переговоров и если это должно осуществиться, то лишь на основе безоговорочной капитуляции».

Но факты, которые Черчилль излагает в своих мемуарах, опровергают это заявление от начала до конца. Оно опровергается также книгой «Секретная капитуляция» Аллена Даллеса, который в качестве главы американской разведывательной службы в Швейцарии (OSS*) во время второй мировой войны принимал непосредственное участие в деле капитуляции немецких войск на итальянском фронте.

* Office of Strategical Services — Бюро стратегических служб. — Прим. ред.

Многообещающая попытка

В действительности дело происходило совсем иначе, чем это хочет изобразить Черчилль. Первая попытка немцев восходит к осени 1944 года. По инициативе генерала Вольфа, командующего войсками СС на итальянском фронте, при посредничестве офицера его штаба полковника Дольманна немцы пытались вступить в контакт с первым агентом Аллена Даллеса — американцем немецкого происхождения Геро фон Геверницем.

Важно отметить сразу же, что с самого первого момента вопрос был поставлен немецкой стороной в *политическом* аспекте. Речь шла о заключении перемирия на итальянском фронте *без участия русских*.

Эта попытка, замечает Черчилль, была предпринята в соответствии с планом, разработанным самим Гиммлером, главой СС и полиции рейха. План был рассчитан, по мнению Черчилля, на то, чтобы «вбить клин между западными союзниками и русскими с целью заключить перемирие на западе, чтобы получить свободу действий на востоке».

Эта первая попытка не дала непосредственных результатов, но она была продолжена более энергично с появлением на сцене нового персонажа, итальянского промышленника барона Парилли, папского камергера, заинтересованного прежде всего в спасении промышленности Северной Италии, которой угрожало полное разрушение по плану «выжженной земли» Гитлера. Эта попытка носила столь серьезный характер, что получила с англо-американской стороны кодовое название «Кроссворд». Что касается немцев, то они держались весьма оптимистично. Фельдмаршал Александер, командовавший англо-американскими войсками на итальянском фронте, был, согласно западногерманскому историку Вальтеру Гёрлицу*, «человеком, осознававшим большевистскую опасность».

8 марта 1945 года все было устроено. Обе стороны были готовы вступить в переговоры при участии ответственных лиц. Аллен Даллес немедленно прибыл в Швейцарию, где его ожидал генерал Вольф. Их встреча состоялась при соблюдении строгой тайны в Цюрихе.

* Walter Görlitz. Der Zweite Weltkrieg, 1952.

Эти первые официальные беседы касались сдачи немецких войск на итальянском фронте, однако Вольф не уточнял тем не менее, идет ли речь об этих войсках или о всех немецких силах на западном фронте, он настаивал лишь на том, что капитуляция должна иметь место исключительно перед западными державами. Тем не менее из бесед Вольфа с Алленом Даллесом вытекало, что немцы думают главным образом об общей капитуляции на западном фронте. Вольф уже пытался убедить в этом фельдмаршала Кессельринга, который оставался верен гитлеровской стратегии сопротивления до последнего. Генерал Фитингофф-Шель встретился с Гитлером в Берлине перед тем, как принять командование войсками в Италии, где до этого времени командовал Кессельринг. И речи, которые держал по этому случаю фюрер, не оставляли никакого сомнения относительно продолжения войны до последнего.

Что касается настояния немцев на неучастии русских в переговорах, то оно не вызвало никаких затруднений.

Русских оставили в полном неведении относительно того, что замышлялось. Согласно Черчиллю, только английское и американское правительства были посвящены в тайну. И на то были свои причины. Участие русских в переговорах было действительно нежелательным как для немцев, так и для англичан и американцев. Немцы выдвинули это в качестве условия, а другая сторона не имела никаких оснований настаивать, поскольку стремилась к успеху операции. Наконец, сохранение абсолютной тайны было необходимым ввиду того, что русские отнюдь не были заинтересованы способствовать переговорам, направленным против них самих, да и частичная капитуляция на западе означала бы нарушение существующих соглашений. Черчилль признал это, указав своих мемуарах:

«Я сразу же понял, что у советского правительства может вызвать подозрение сепаратная военная капитуляция на юге, — капитуляция, которая позволила бы нашим армиям продвигаться, встречая лишь незначительное сопротивление, до Вены и дальше, и даже в направлении Эльбы и Берлина». (Такой в действительности была цель операции для англо-американской стороны.)

Но поскольку фронты кольцом окружали Германию, также признает Черчилль, было невозможно отделить один фронт от другого или ликвидировать один из них так, чтобы последствия этого тотчас же не сказались на других фронтах. Как раз то, что в данном случае особенно интересовало русских.

Как бы там ни было, но в ставке британского главнокомандующего в Казерте очень спешили. 10 марта фельдмаршал Александер запросил начальников Объединенного штаба в Вашингтоне разрешения послать в Швейцарию двух старших офицеров своего штаба, чтобы по всей форме вести переговоры с немцами. 13 марта фельдмаршал сообщил Аллену Даллесу, что он делегирует двух офицеров. Последние, американский генерал Лемнитцер, заместитель начальника штаба фельдмаршала Александера, и генерал Эри, начальник английской военной разведывательной службы в Италии, на следующий день прибыли в Берн. Встреча этих двух эмиссаров с генералом Вольфом состоялась 19 марта в Асконе, на Лаго-Маджоре, на вилле, снятой Геверницем.

Переговоры проходили без затруднений, и теперь следовало информировать фельдмаршала Кессельринга в качестве главнокомандующего немецкими вооруженными силами на западном фронте, который должен был обеспечить всю операцию. На самом деле Вольф намеревался по этому случаю поставить вопрос в целом о капитуляции вооруженных сил на этом фронте. Вольф действительно немедленно отправился в ставку Кессельринга. Но ему понадобилось две недели, чтобы встретиться с фельдмаршалом и побеседовать. Время было выбрано неудачно: американцы только что форсировали Рейн...

Тем временем оба эмиссара фельдмаршала Александера терпеливо дожидались в Швейцарии возвращения Вольфа. Это длилось довольно долго, так что в Казерте начали подозревать немцев в маневрах с целью разделить англо-американцев и русских. Фельдмаршалу Александеру, должно быть, стало известно о спорах между Москвой, Лондоном и Вашингтоном относительно капитуляции немецких войск в Италии. Поэтому он отозвал 4 апреля своих эмиссаров и развернул 8 апреля общее наступление на итальянском фронте.

Невидимые переговоры

В течение всего этого времени англичане и американцы тщательно сохраняли тайну. Лишь после того, как переговоры начались, они решились предупредить Сталина. Впрочем, этот демарш носил всего лишь характер «нескромности». Именно государственный департамент поручил 11 марта Гарриману, послу Соединенных Штатов в Москве, встретиться с Молотовым и проинформировать его. Речь шла, во всяком случае, не более чем о простых «беседах». Советский министр иностранных дел дал ответ на следующий же день. Хотя его правительство, сообщал он, считает дело важным, оно не возражает, чтобы «беседы с генералом Вольфом имели место». Оно лишь требует участия в этих беседах советских офицеров.

Именно из-за этого вспыхнул конфликт¹. Русские, прекрасно разбиравшиеся как в намерениях немцев, так и англичан и американцев, стремились начисто лишиться начавшуюся операцию политического характера. Операция не должна была также носить сепаратного характера. Отсюда необходимость присутствия русских в Швейцарии.

Но ведь именно из-за этого англо-американская сторона не хотела иметь представителей Красной Армии на переговорах. По замыслу западных держав — так же как и немцев — первая сдача должна была быть только этапом на пути к сепаратной капитуляции на всем западном фронте, то есть война должна была быть разделена надвое: прекращение военных действий на западе и продолжение сражений на востоке.

Отсюда — исключение русских с самого начала. А когда Молотов поднял вопрос об участии советских офицеров в переговорах в Швейцарии, государственный департамент категорически возражал под предлогом того, что тогда трудно будет сохранить их в тайне. Советские офицеры будут желанными гостями в ставке главнокомандующего фельдмаршала Александера в Казерте, где, как утверждалось, будут происходить действительные переговоры.

12 марта Черчилль в свою очередь уполномочил посла Великобритании в Москве сэра Арчибальда Кларка

¹ См.: William D. Leahy. J'étais là. Plon.

Керра проинформировать советское правительство «о *демаршах*, предпринятых немецкими эмиссарами» в Швейцарии, а также заявить, что «никакие контакты не будут иметь место», пока английское правительство не получит «ответа русских». Кроме того, советское правительство может быть совершенно спокойным: «Никогда ни на мгновение не возникал вопрос о том, чтобы утаить от русских даже самые незначительные дела».

Премьер-министр его величества был тем более категоричен, что у него как раз были «дела», которые он «утаил от русских». Он говорил о простых «демаршах» со стороны немецких эмиссаров, на которые англо-американская сторона даже не ответила. Но он в то же время велел передать своему послу в Москве, что до 12 марта «представители союзников» [англо-американцев] находились в Швейцарии и что «контакты» имели там место. Более того, Черчилль довольно неловко признался и в самом факте переговоров, добавив, что представители союзников в Швейцарии «изучали даже возможность ввести контрабандой советского офицера, чтобы он мог присоединиться к ним, если московское правительство захочет кого-либо прислать».

В сущности, для англичан и американцев эта дискуссия была беспредметной. Согласно Черчиллю, английские и американские военачальники «на местах всегда имели полное право принять чисто военную капитуляцию вражеских сил, противостоявших им». Точно так же и по мнению Эйзенхауэра, капитуляция немецкой армии относилась «к тактической и военной области».

Большая ссора

Одно было ясно: переговоры с немцами велись без участия русских, которых англичане и американцы систематически и упорно отстраняли. Ситуация была столь подозрительной, что Москва не могла не реагировать. Ибо для русских переговоры были фактом, а настойчивое исключение их англо-американской стороной было еще одним фактом.

На сообщение Черчилля от 21 марта Молотов подготовил резкий ответ, вручив его на следующий день британскому послу. Он разоблачал в нем секретные переговоры союзников с немцами и протестовал против них.

«В Берне, — писал он, — в течение двух недель за спиной Советского Союза, несущего на себе основную тяжесть войны против Германии, ведутся переговоры между представителями германского военного командования, с одной стороны, и представителями английского и американского командования — с другой».

Британский посол мог сколько угодно говорить, что Советы «ошибочно представляют себе факты», что «переговоры», о которых говорит Молотов, «были не более чем *зондажем* для проверки полномочий и компетенции генерала Вольфа», Молотов поставил точки над *i*, ответив послу:

«Советское Правительство в данном деле видит не недоразумение, а нечто худшее».

Черчилль, по его собственным словам, воспринял ответ Молотова как «обвинение, вызывающее удивление», и как «оскорбительный ответ». Он также рассудил, что «лучше замолчать, чем состязаться в оскорблениях». В действительности он сознавал, что его позицию нельзя было защитить.

С американской стороны ссора еще более обострилась. Если Черчилль, маскируя свою игру, заявлял о готовности принять (но лишь «контрабандой») русского офицера в Швейцарии, то государственный департамент возражал против этого без всяких обиняков. В ответ на ноту Молотова от 12 марта Гарриман вручил ему 16-го вторую ноту с отказом удовлетворить требование русских об участии их представителей в переговорах в Швейцарии. В ней говорилось:

1) встреча в Берне состоялась исключительно с целью организовать прибытие немецкого представителя в ставку фельдмаршала Александра, где будет *обсуждаться* капитуляция;

2) советские представители будут приглашены в эту ставку;

3) немецкое предложение касается только англо-американского фронта. Александр в качестве союзного главнокомандующего имеет право вести переговоры один.

Нота государственного департамента была составлена таким образом, чтобы запутать факты и дать понять русским, что они не будут допущены в Швейцарию.

В действительности заявление о том, будто немецкие представители придут в ставку фельдмаршала Александра в Казерте для «обсуждения» вопроса о капитуляции немецких войск на итальянском фронте, не соответствовало истине. Подлинные переговоры должны были вестись в Берне или в каком-либо другом месте Швейцарии. Немецкие представители должны были прибыть в Казерту лишь для подписания уже заключенного соглашения. (Аллен Даллес подтверждает это в своей уже упоминавшейся книге.)

Русские, которых должны были допустить только в ставку фельдмаршала Александра, чтобы присутствовать при подписании соглашения, не могли бы, следовательно, участвовать в переговорах.

Что касается пункта 3, то он означал: как бы то ни было, русские не должны прибыть в Швейцарию.

Для Молотова из ноты Вашингтона явствовало, что переговоры с немцами уже ведутся и что русских от них отстраняют. Поэтому самое меньшее, что он мог возразить в своем ответе, врученном Гарриману 16 марта, было: «Отказ Правительства США... явился для Советского Правительства совершенно неожиданным и непонятным». И предложить от имени советского правительства «прекратить» уже начатые переговоры.

Самое любопытное, что американцы протестовали. Гарриман телеграфировал государственному департаменту по поводу ноты Молотова, что эта нота подтверждает его впечатление, что «со времени Ялты советские руководители убеждены, что они могут навязывать свою волю Соединенным Штатам по любому вопросу».

Вашингтон целиком одобрил позицию Черчилля, преследующую цель отстранить русских от участия в первой капитуляции немцев на западном фронте. Легко также заметить, что проведение всей этой операции американцами и англичанами носило полностью согласованный характер, вплоть до одинакового искажения фактов и одинаковых аргументов, выдвигаемых для того, чтобы обмануть русских и держать их в стороне.

В ноте, подготовленной 17 марта военным министром Стимсоном для государственного департамента, заявлялось: «Какими бы ни были результаты переговоров в Берне, речь шла о чисто военном деле, в которое русские

могут вмешиваться не более», чем американцы в дела Сталинграда¹.

Аргумент в достаточной мере несуразный, что объясняется замешательством американцев. Сталинград не имел ничего общего с готовившейся капитуляцией немецкого фронта в Италии. В Сталинграде немцы сдались после проигранного сражения. Со времени перехода союзников через Рейн немцы сдавались им сотнями тысяч, они делали это часто без всякого сражения. И никогда русские не усматривали в том никаких поводов для возражений. В данном случае вопрос стоял совершенно иначе. Англо-американская сторона хотела вести отдельные переговоры о сдаче большого участка немецкого фронта на западе, тем более что эта операция носила политический характер и являлась частью большой операции по общей капитуляции всего западного фронта.

Это вскоре стало ясно. Так как вопреки утверждениям Лондона и Вашингтона переговоры с немцами, как мы видели, шли успешно и быстро. Этот факт в конце концов признали перед русскими.

Торжественное признание

18 марта в Швейцарию прибыли американский генерал Лемнитцер, заместитель начальника штаба фельдмаршала Александера, и генерал Эри, начальник английской военной разведывательной службы в Италии. Эти два человека на следующий день встретились с генералом Вольфом в присутствии барона Парилли.

Совещание проходило, разумеется, на основе заключения сепаратного перемирия на итальянском фронте. С немецкой точки зрения, которую изложил Вольф, заключение подобного перемирия на западе имело бы *«очень большой резонанс в мировом масштабе»*².

Действительно, немцы все еще хотели распространить переговоры на весь западный фронт. Поэтому дело не двигалось быстро. Эта встреча не привела к каким-либо

¹ Leahy. Op. cit.

² Walter Görlitz. Op. cit.

конкретным результатам. Вольф тотчас же отправился к фельдмаршалу Кессельрингу. Он настойчиво стремился заинтересовать фельдмаршала в переговорах. Но Кессельринг чувствовал себя связанным присягой, данной фюреру. Поэтому он не был расположен рассматривать вопрос о капитуляции на всем западном фронте, в случае если на итальянском фронте будет заключено перемирие¹.

Затем Вольф отправился в Берлин для встречи с Гимлером, который уже установил контакт с графом Бернадотом, председателем шведского Красного Креста, членом шведской королевской семьи, приехавшим в Германию с целью посещения шведских подданных, интернированных в нацистских концентрационных лагерях². План, предложенный графу Бернадоту, опять-таки состоял в том, чтобы «прикрыться с запада [заклучив сепаратный мир], с целью получить возможность продолжать борьбу против большевизма»³.

Возвращаясь в Италию, генерал Вольф мог быть удовлетворен лишь наполовину. Он не добился существенных результатов, но, и это было самым главным, переговоры завязались всерьез. Его начальник по фронту генерал Фитингофф-Шель, который в конечном счете также одобрил демарш Вольфа, был «удивлен тем фактом, что дело продвинулось уже так далеко»⁴.

21 марта Гарриман направил Молотову ноту, чтобы информировать его об этом «инциденте» (словечко принадлежит адмиралу Леги).

На этот раз реакция Москвы была еще более резкой. 22 марта Молотов направил Гарриману ноту, «открыто ставившую под сомнение искренность Соединенных Штатов»⁵. В ней, в частности, говорилось:

«Таким образом, в Берне в течение двух недель за спиной Советского Союза, несущего на себе основную тяжесть войны против Германии, ведутся переговоры между представителями германского военного командования, с одной стороны, и представителями английско-

¹ Walter Görlitz, Op. cit.

² См.: Comte F. Bernadotte. La Fin.

³ Walter Görlitz, Op. cit.

⁴ Ibid.

⁵ Leahy, Op. cit.

го и американского командования — с другой. Советское правительство считает это совершенно недопустимым»¹.

Полемика Рузвельт — Сталин

Рузвельт, без сомнения, чувствовал себя задетым обвинениями Молотова, упрекавшего Соединенные Штаты и Великобританию в ведении переговоров с немцами без ведома Советского Союза. Но он попал в неловкое положение, воспользовавшись тезисами и аргументами своего государственного департамента и Черчилля. Он должен был засвидетельствовать свою добрую волю, только в данном случае он был плохо информирован (и это было не в первый раз), так как он не дал бы втянуть себя в полемику со Сталиным с ложных позиций.

25 марта он направил Сталину личное послание. Как ему представлялось, он уточнял дело и прежде всего должен был убедить Сталина в том, что не было переговоров без ведома русских.

«Я уверен, — писал он, — что в результате *недоразумения* факты, относящиеся к этому делу, не были изложены Вам правильно». И он брал на себя задачу изложить их правильно. Но факты, которые ему доложили, не соответствовали истине.

Он определенно говорил о *«неподтвержденных сведениях»*, согласно которым *«несколько дней тому назад в Швейцарии... некоторые германские офицеры рассматривали возможность осуществления капитуляции германских войск... в Италии»*. В результате этой информации фельдмаршалу Александеру разрешили просто послать в Швейцарию несколько офицеров своего штаба, чтобы *проверить* ее достоверность и, если она окажется в достаточной степени надежной, *«договориться с любыми компетентными германскими офицерами об организации совещания... с целью обсуждения деталей капитуляции»*. И *«если бы можно было договориться о таком*

¹ Этот текст идентичен тексту ноты, которую Молотов направил 22 марта послу Великобритании в Москве. [См.: «Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. II. М., 1957, стр. 292. Далее будет даваться: «Переписка...».]

совещании, то присутствие советских представителей, конечно, приветствовалось бы»¹.

Ответ Сталина (29 марта) на послание Рузвельта от 25-го был неопровержимым и затрагивал самую суть вопроса. Сталин ни в коей мере не возражал против переговоров, как таковых.

«Я не только не против, а, наоборот, целиком стою за то, чтобы использовать случаи развала в немецких армиях и ускорить их капитуляцию на том или ином участке фронта, поощрить их в деле открытия фронта союзным войскам».

Для Сталина главная проблема заключалась в отстранении русских от переговоров. «Но я согласен, — подчеркивал Сталин, — на переговоры с врагом по такому делу только в том случае, если эти переговоры не поведут к облегчению положения врага, если будет исключена для немцев возможность маневрировать и использовать эти переговоры для переброски своих войск на другие участки фронта, и прежде всего на советский фронт». «Только в целях создания такой гарантии, — уточнял Сталин, — и было Советским Правительством признано необходимым участие представителей Советского военного командования в таких переговорах с врагом».

«Я не понимаю, — добавлял он, — почему отказано представителям Советского командования в участии в этих переговорах и чем они могли бы помешать представителям союзного командования». Но Сталин это прекрасно понимал. Исключение русских совершенно изменяло смысл переговоров. Немцы имели в виду нечто большее, чем просто капитуляцию на итальянском фронте. Они ставили своей целью капитуляцию на всем западном фронте, которая могла бы привести к разрыву с русскими и заключению сепаратного мира с западными державами. Поэтому они и выдвигали в качестве предварительного условия неучастие русских в переговорах. Иными словами, все дело приобретало таким образом, по существу, политический характер. Отсюда серьезность ситуации.

Сталин обращал на это внимание Рузвельта.

«К Вашему сведению, — писал он, — должен сообщить Вам, что немцы уже использовали переговоры с коман-

¹ См.: «Переписка...». Т. II, стр. 196—197.

дованием союзников и успели за этот период перебросить из Северной Италии три дивизии на советский фронт». И добавлял:

«Задача согласованных операций с ударом на немцев с запада, с юга и с востока, провозглашенная на Крымской конференции, состоит в том, чтобы приковать войска противника к месту их нахождения и не дать противнику возможности маневрировать, перебрасывать войска в нужном ему направлении. Эта задача выполняется Советским командованием. Эта задача нарушается фельдмаршалом Александером». В заключение Сталин отмечал: «Это обстоятельство нервирует Советское командование, создает почву для недоверия»¹.

Черчилль признает это, когда замечает в этой связи в своих мемуарах: «Я прекрасно понимаю беспокойство, которое испытывают русские при мысли о том, что мы можем принять военную капитуляцию на западе или на юге, что позволит нашим армиям продвигаться вперед, совсем или почти не встречая сопротивления, и достичь Эльбы и даже Берлина раньше Советского Союза. Так что, если переговоры завяжутся на этом фронте, который не является второстепенным, подобно итальянскому, то *будет невозможно отделить военный аспект от политического*».

В своем ответе на послание Сталина от 29 марта, который Рузвельт дал 1 апреля, он ограничился тем, что еще раз все отрицал.

«Я должен повторить, — писал он, — что единственной целью встречи в Берне было установление контакта с компетентными германскими офицерами, а не ведение переговоров какого-либо рода».

Он даже утверждал:

«Все это дело возникло в результате инициативы одного германского офицера, который якобы близок к Гиммлеру, причем, конечно, весьма вероятно, что единственная цель, которую он преследует, заключается в том, чтобы посеять подозрения и недоверие между союзниками». И добавлял: «У нас нет никаких оснований позволить ему преуспеть в достижении этой цели»².

По выражению адмирала Леги, «Сталин отменил эти аргументы президента». На самом деле факты, изложен-

¹ См.: «Переписка...». Т. II, стр. 198—199.

² См.: «Переписка...». Т. II, стр. 203.

ные в послании Рузвельта (подготовленном генералом Маршаллом и адмиралом Леги, так же как и вся корреспонденция президента, относящаяся к этому делу¹), были неточны и представлены в искаженном свете. Рузвельт хотел убедить Сталина, что переговоры «какого-либо рода» с немцами никогда не имели места.

В своем послании от 25 марта он говорил о «некоторых германских офицерах», между тем как это был генерал Вольф, командующий частями СС на итальянском фронте, который лично вел переговоры. К тому же говорилось просто о «рассмотрении» возможности капитуляции, в то время как активно велись переговоры.

Рузвельт говорил далее «об одном или нескольких» офицерах из штаба фельдмаршала Александера, посланных в Швейцарию для «проверки» точности того, является ли сообщение «в достаточной степени обещающим». Но это был начальник штаба Александера, который сам выехал ради этого дела, ради того, чтобы 18 и 19 марта вести переговоры с генералом Вольфом.

Наконец, Рузвельт говорил об «организации совещания» с целью обсуждения с немцами «деталей капитуляции», — совещания, на которое в случае необходимости были бы допущены и русские. Но постановка вопроса в такой форме исключала участие русских в самих переговорах. Они были бы приглашены на «совещание», чтобы присутствовать при подписании соглашения. Так как «совещание» должно было состояться лишь для этой цели в случае успешного окончания переговоров.

Но к чему вся эта дискуссия? В записке от 25 марта, составленной Черчиллем для Идена, министра иностранных дел, британский премьер раскрыл суть дела: «Государственный департамент настаивает на том, чтобы русские не присутствовали в Швейцарии».

Сталин вернулся к этому вопросу 3 апреля. «Вы утверждаете, — телеграфировал он Рузвельту, — что никаких переговоров не было еще. Надо полагать, что Вас не информировали полностью». По его данным, писал Сталин Рузвельту, «переговоры были и они закончи-

¹ См.: L e a h y. Op. cit.

лись». По условиям достигнутого соглашения немцы должны были открыть итальянский фронт и дать возможность англо-американским войскам продвигаться на восток. Вот почему не желали участия русских представителей в переговорах. И Сталин упрекал Рузвельта, так же как и Черчилля, в том, что они «скрыли» от русских факт переговоров.

На деле «недоразумение», о котором говорил Рузвельт, заключалось в следующем: англо-американская сторона утверждала, что переговоры не велись, поскольку соглашение не было достигнуто, в то время как русские считали соглашение заключенным, поскольку переговоры действительно имели место.

Для американцев «это новое оскорбительное послание ясно свидетельствовало о том, с каким недоверием относились русские к [их] намерениям и сколь малое значение придавали они [их] обещаниям»¹.

К тому же «недоразумение» продолжалось. Настойчивость Сталина побудила Рузвельта представить ситуацию в противоположном виде в надежде таким образом обезоружить его. Рузвельт изобразил себя жертвой немецкой интриги, рассчитанной на то, чтобы вызвать разлад между союзниками. Ссылаясь на свою «честность» и «надежность», он вновь утверждал: «Я уверен, что в Берне никогда не происходило никаких переговоров». Сведения Сталина об этом, должно быть, «исходят из германских источников», поскольку немцы «упорно старались вызвать разлад» между союзниками, «с тем, чтобы в какой-то мере избежать ответственности за совершенные ими военные преступления». И «если таковой была цель» генерала Вольфа, то последнее послание Сталина доказывает, «что он добился некоторого успеха». Рузвельт заканчивал свое послание следующим патетическим призывом:

«Наконец, я хотел бы сказать, что если бы как раз в момент победы, которая теперь уже близка, подобные подозрения, подобное отсутствие доверия нанесли ущерб всему делу после колоссальных жертв — людских и материальных, — то это было бы одной из величайших трагедий в истории»².

¹ Leahy. Op. cit.

² См.: «Переписка...». Т. II, стр. 205, 206.

Итак, эта трагедия была на грани того, чтобы совершиться, но отнюдь не из-за недоверия со стороны русских, а из-за того, что она была вполне реальной. За ссорой по поводу переговоров вырисовывался глубокий кризис «великого союза». Если Рузвельт говорил о «недоразумении», то Черчилль вполне сознательно добивался полного торжества своей политики, направленной на то, чтобы вызвать открытый кризис в отношениях с Советским Союзом.

Получив от Рузвельта копии последних посланий, которыми тот обменялся со Сталиным, Черчилль тотчас же — 5 апреля — направил протест в Вашингтон. Он квалифицировал послание Сталина от 3 апреля как «оскорбительное для чести Соединенных Штатов, а также Великобритании».

«Я полагаю, — заявлял он, подстрекая президента, — что для наших обеих стран крайне важно при этих обстоятельствах оказать решительное и *твердое противодействие* с тем, чтобы внести ясность и дать им [русским] понять, что есть предел и далее мы не позволим оскорблять себя. Это, я думаю, лучший способ спасти будущее. Если они придут к убеждению, будто мы их боимся и они могут навязывать нам свою волю посредством грубости, то я отчаюсь в наших отношениях с ними в будущем и во многом другом».

Как это ни парадоксально, но в тот же день, 5 апреля, Черчилль направил послание Сталину в поддержку позиции и аргументации Рузвельта, которые, впрочем, были также и его собственными. Заканчивая свое послание, он почти дословно воспроизводил телеграмму Рузвельта Сталину от 5 апреля, в которой президент предостерегал последнего против немцев, словно все это дело было лишь интригой, затеянной врагом.

«Если немцы намеревались посеять недоверие между нами, — писал он, — то они на время достигли этого»¹.

Однако если такое освещение дела Рузвельтом могло представляться в какой-то мере правдоподобным, так как президент был выше всяких подозрений и совершенно искренен, когда упрекал Сталина в том, что проявля-

¹ См.: «Переписка...». Т. I, стр. 316.

ние недоверия с его стороны наносит ущерб единству союзников, то, что касается британского премьера, все обстояло совершенно иначе. Последний в данном случае выступал в роли сообщника немцев и больше других «сеял недоверие» между русскими и англо-американцами, вся его политика была направлена на открытый разрыв.

В этих условиях не могло быть и речи о «недоразумении». 7 апреля Сталин телеграфировал Рузвельту, чтобы заверить его в том, что он никогда не сомневался в искренности и надежности президента. Однако он с прежней настойчивостью возвращался к фактам. Немцы, как уточнял Сталин, могли бы «без ущерба» для себя снять с восточного фронта, где Красной Армии противостоят 147 германских дивизий, 15—20 дивизий и перебросить их на западный фронт, меж тем как вермахт оказывает армиям западных держав лишь теоретическое сопротивление.

В совершенно ином тоне было написано послание Сталина Черчиллю, отправленное в тот же день, в ответ на послание премьера от 5 апреля. Ни он сам, ни Молотов, писал он, не хотели «чернить» кого-либо. «Дело не в желании «чернить», а в том, что у нас выявились тут разные точки зрения по вопросу об обязанностях и правах союзника»¹.

11 апреля Черчилль напомнил Рузвельту о своем послании, отправленном 5 апреля, с целью побудить его проявить твердость. «Прежде чем рассматривать для правительства Его Величества хотя бы малейшую возможность ответа» на послание Сталина от 7 апреля, было бы неплохо, если бы президент сообщил ему (Черчиллю), как он относится к тому, чтобы в этом вопросе оба правительства действовали «неизменно в одном и том же направлении».

Но Рузвельт, по-видимому, не был склонен следовать этому. То ли потому, что последнее послание Сталина его действительно обезоружило, то ли потому, что он пересмотрел свое мнение о точности информации, которой его снабдили относительно дела с переговорами, но он ответил 12 апреля на телеграмму Сталина. Поблагодарив за «искреннее пояснение... бернского инцидента»,

¹ См.: «Переписка...». Т. I, стр. 321.

он объявлял этот «инцидент» «отошедшим в прошлое». И добавлял затем:

«Во всяком случае не должно быть взаимного недоверия, и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать в будущем. Я уверен, что, когда наши армии установят контакт в Германии и объединятся в полностью координированном наступлении, нацистские армии распадутся»¹. В тот же день — 12 апреля — Сталин заявил Гарриману: «Мое горячее желание рассматривать бернское недоразумение как инцидент, не имеющий значения». (В послании, отправленном Черчиллю 15 апреля, через три дня после кончины Рузвельта, он писал: «В Президенте ФранкLINE Рузвельте советский народ видел выдающегося политического деятеля и непреклонного поборника тесного сотрудничества между нашими тремя государствами.

Дружественное отношение Президента Ф. Рузвельта к СССР советский народ будет всегда высоко ценить и помнить.

Что касается меня лично, то я особенно глубоко чувствую тяжесть утраты этого великого человека — нашего общего друга»².)

Тем не менее увещания Черчилля не остались без последствий. В тот самый день, 12 апреля, когда Рузвельт к ночи внезапно скончался, он телеграфировал британскому премьеру, что, хотя он и остается по-прежнему «сторонником сведения по возможности к минимуму советских проблем в целом», следует «тем не менее *сохранять твердость*» и что «линия поведения, которой мы придерживались до сих пор, является правильной».

«Самый глубокий кризис»

Наступление Александера не помешало генералу Вольфу продолжать свои усилия. Скорее, наоборот. Как говорит Черчилль в своих мемуарах, «на время произошла заминка». Гитлер вызвал генерала Вольфа 18 апреля в Берлин, чтобы воспретить ему всякую мысль о капитуляции. С другой стороны, ответственные руководи-

¹ См.: «Переписка...». Т. II, стр. 211, 212.

² См.: «Переписка...». Т. I, стр. 326.

тели вермахта, «удивленные» быстрым развитием событий, не были уверены в том, что войска последуют за ними¹. Даже сам генерал Вольф предупредил Аллена Даллеса, что потребуется некоторое время, чтобы подготовить войска к капитуляции. Тем не менее обе стороны не прерывали переговоров. Они продолжались, однако, в обстановке подозрительности и замешательства.

В сущности, соглашение о капитуляции уже было достигнуто. Немецкая сторона продолжала дискуссию относительно формы, в которой должна совершиться эта капитуляция. На деле же пытались выиграть время, чтобы охватить этой операцией весь западный фронт и тем временем избежать безоговорочной капитуляции на итальянском фронте. Так как переговоры по этому пункту также велись втихомолку с Даллесом.

Все это было настолько очевидно, что Вашингтон, несомненно под давлением русских, оказался вынужденным положить им конец. 20 апреля Объединенный штаб союзников сообщил фельдмаршалу Александеру, что немецкое командование на итальянском фронте стремится избежать безоговорочной капитуляции. Следовательно, чтобы избежать осложнений с русскими, OSS (то есть Аллен Даллес) должно прервать контакты с немцами и считать дело Вольфа закрытым.

Но глава американской разведки нисколько не намерен был считаться с межсоюзническим верховным командованием в Вашингтоне. Он шел своей дорогой, и диалог с Вольфом продолжался. По-видимому, даже эти дискуссии, как и прежде, касались безоговорочной капитуляции. Так что дело близилось к концу. Уже были назначены немецкие уполномоченные и ожидалась их встреча в Аннеси, на француско-швейцарской границе, с делегатами союзников. Со своей стороны Даллес, добываясь инструкций от Вашингтона и из Казерты, проявлял все большую настойчивость.

Этот факт, в том виде, как он изложен в книге Аллена Даллеса, очень важен. Он показывает, что глава американской разведки опирался на тех лиц в Вашингтоне, которые, проводя свою особую политику, стремились придать капитуляции немецкого фронта в Италии исключительно германо-англо-американский характер. Ес-

¹ См.: Walter Görlitz. Op. cit.

ли бы капитуляция подписывалась в Казерте, то при этом присутствовал бы и советский представитель, в этом состояла единственная уступка, на которую Трумэн и Черчилль дали согласие Сталину.

Самое любопытное заключается в том, что Вашингтон теперь шел вслед за Даллесом, стремясь побыстрее завершить переговоры. Настаивали лишь на том, чтобы принятие капитуляции имело место в Казерте, куда уже пригласили советского делегата. Поэтому в Аннеси был послан самолет, чтобы доставить немецких уполномоченных.

Любопытно также, что, когда они прибыли в Казерту, им не предложили на подпись акта о капитуляции. Их ознакомили с пространством документом и дали три часа на его обсуждение, что позволило немцам вновь поставить под вопрос безоговорочную капитуляцию. Следует отметить, что на этом заседании советский представитель не присутствовал.

28 апреля все было закончено. Акт о капитуляции был подписан двумя немецкими уполномоченными и английским генералом Морганом, начальником штаба фельдмаршала Александера, от имени экспедиционного корпуса союзников, то есть английской и американской армий. Советский представитель генерал Кисленко присутствовал на церемонии в качестве наблюдателя. Аллен Даллес не упоминает в своей книге ни о каком французском представителе. Капитуляция вступала в силу 2 мая.

Единственное, в чем заключался «самый глубокий кризис, который потряс великий союз»¹, было советское участие в принятии капитуляции немецкого фронта в Италии.

¹ Leahy. Op. cit.

ЧЕРЧИЛЛЬ И СЕПАРАТНЫЙ МИР

Для Черчилля прекращение военных действий на итальянском фронте не было просто местным успехом. На его взгляд, этот успех позволял надеяться на распространение операции, удачно проведенной в Италии, на весь западный фронт — то была главная цель, достижение которой привело бы к сепаратному миру с Германией.

Три условия, которых следовало добиться при этой операции, были:

возможность достигнуть сепаратной капитуляции на западе без участия русских;

полное согласие с Вашингтоном по этому вопросу;

совершенное соответствие взглядов Черчилля относительно развития военной и политической ситуации со взглядами немцев.

После того как он добился этих условий, он полагал, что имеются все шансы провести итальянскую операцию в общих масштабах, перейдя от частичной капитуляции на этом фронте к капитуляции на всем западном фронте. Черчилль был также убежден в том, что налицо все факторы, необходимые для достижения конечной цели — сепаратного мира с Германией.

«Важнейшие вопросы»

В записке, написанной 24 марта Идену, своему министру иностранных дел, Черчилль следующим образом резюмировал свою мысль:

«Переговоры [которые велись в то время с немцами] могли бы быть возобновлены в гораздо более важном районе, чем Италия. В этих переговорах такого рода военные вопросы могут быть увязаны с политическими».

И добавлял: «Русские могут испытывать законные опасения, что *мы заключим сделку на западе, чтобы задержать их подалее на востоке*».

В самом деле в тот момент речь шла о том, чтобы опередить русских.

В той же записке Идену Черчилль сообщал, что он собирается поставить этот вопрос перед генералом Эйзенхауэром и фельдмаршалом Монтгомери во время посещения фронта, чтобы изложить им сущность своей позиции.

«Ну почему должны мы горевать, — писал он, — если вследствие того, что немцы *массами сдаются на западе*, мы окажемся на Эльбе раньше Сталина?»

Во второй записке, составленной 25 марта также для Идена, Черчилль возвращался к этому вопросу.

«Я прекрасно понимаю, — писал он, — беспокойство, которое испытывают русские при мысли о том, что мы можем принять военную капитуляцию на западе или на юге, что позволит нашим армиям продвигаться вперед, совсем или почти не встречая сопротивления, и достичь Эльбы и даже Берлина раньше Советского Союза».

Само собой разумеется, что со Сталиным на этот счет он говорил совсем иным языком. 14 апреля он телеграфировал ему:

«Быстро приближается славный момент соединения Ваших и наших войск в побежденной Германии». И еще: «Я уверен, что если бы это событие было отмечено короткими обращениями по радио — Вашим, Президента Трумэна и моим, — то это произвело бы ободряющее действие на наши народы»¹.

Действительно, имел место обмен телеграммами между Лондоном, Вашингтоном и Москвой относительно текста этих обращений и места соединения армий западных держав с русскими. Но Черчилль неустанно продолжал прилагать усилия для достижения своей цели.

Синхронность. . .

Самым поразительным фактом в этом случае была та синхронность, с которой развивались в одном и том же духе и во все более нарастающем темпе, обусловлен-

¹ См.: «Переписка . . . ». Т. I, стр. 325.

ном стремительно ускорявшимся ходом событий, активность немецкой стороны и содействие, оказываемое немцам англо-американской стороной.

Смерть Рузвельта воскресила последнюю надежду Гитлера. Надежду на «чудо», которого ждали в Берлине, — на распад «великого союза», который должен был спасти Германию. В этот день, 12 апреля, в бункере имперской канцелярии шампанское лилось рекой. Разве не так же смерть русской императрицы Елизаветы во время Семилетней войны позволила Фридриху Великому выйти из отчаянного положения? Историческая аналогия была поразительной. Разве новый царь, Петр III, не повел дело на разрыв с антипрусской коалицией? Почему же 12 апреля не может ознаменовать великий поворот в ходе второй мировой войны?

Гитлер был в состоянии неопишуемой эйфории. Генералу Вольфу, которого он вызвал 18 апреля в Берлин, он нарисовал чудесную картину военного положения. Его великая идея заключалась в создании трех «опорных пунктов»: в Шлезвиг-Гольштейне, на севере, в Баварских Альпах, на юге, и, наконец, в Берлине. В этих трех «опорных пунктах» он сосредоточил бы свои лучшие войска. Сам бы остался в столице защищать ее — «пока западные союзники и русские не вцепятся друг другу в горло»¹.

Итак, его великим, его последним козырем было сопротивление не на жизнь, а на смерть. Вот почему, впрочем, он запретил генералу Вольфу продолжать переговоры о перемирии на итальянском фронте. Его приказ от 19 марта 1945 года, который назвали приказом о «выжженной земле», выполнялся строже, чем когда-либо. Верховное командование вермахта издавало новые приказы, все более суровые. Все города должны были защищаться до последнего. Любые попытки измены должны были пресекаться в корне. Газеты публиковали фото военных, повешенных за отказ подчиниться!

Решающая схватка должна была разыграться на Одере. Если бы вермахт удержал фронт, все могло бы быть еще спасено. Это последнее большое сражение второй мировой войны должно было решить судьбу Берлина и ознаменовать ее конец. Гитлер подсчитывал свои по-

¹ Walter Görlitz. Op. cit.

следние резервы: Гиммлер обещал ему 250 тысяч эс-совцев. Гроссадмирал Дёниц, которого Гитлер только что, 20 апреля, назначил главнокомандующим немецкими силами на северном фронте, должен был прислать 12 тысяч морских пехотинцев. Геринг предоставлял в его распоряжение 100 тысяч человек из контингента люфтваффе [военно-воздушных сил]¹. Таким образом, он сможет бросить 12 свежих дивизий на фронт на Одере.

24 апреля фюрера вызвали к телефону в бункере, который он уже давно не покидал. Фон Риббентроп, его министр иностранных дел, только что получил, по его словам, от своих агентов в Стокгольме и Лиссабоне хорошие новости относительно сепаратного мира с западными державами и резкого изменения отношения Соединенных Штатов к фюреру. Риббентроп призывал не упускать этого «исторического шанса», которого фюрер уже долгое время ждал, и упорно продолжать борьбу всеми средствами, чтобы выиграть время.

Это сообщение Риббентропа было воспринято настолько всерьез, что последние паладины фюрера, оставшиеся с ним, рассудили, что подобная оценка ситуации является верной. Генерал Йодль тотчас же симпривизировал план сопротивления, способный *облегчить достижение политического соглашения с западными державами*. Фельдмаршал Кейтель [начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил] в свою очередь взял на себя задачу сконцентрировать в столице все имеющиеся в наличии силы, что должно позволить обороняющимся удержать город до того момента, когда разразится конфликт *между англо-американскими и русскими войсками, когда они окажутся лицом к лицу где-то на Эльбе*. (Американцы вышли к Эльбе 17 апреля.) Фельдмаршал Кейтель следующим образом резюмировал замысел продолжения сражений — *дать необходимое время для слияния воедино военных и политических возможностей*².

На самом краю пропасти, на грани поражения банда нацистских вожakov цеплялась за призрачную надежду на сепаратный мир.

¹ См.: Walter Görlitz. Op. cit.

² См.: Walter Görlitz. Op. cit.

Выиграть время — эти слова были ключом ко всему. Но события военного характера развивались слишком быстро. Большое наступление, начатое русскими 16 апреля на Одере, быстро развертывалось. 20 апреля столица рейха оказалась под огнем русской артиллерии. Немецкий фронт на Одере был прорван. Уже шли уличные бои в городских кварталах Берлина. Итак, надо было спешить.

22 апреля генерал Иодль во время встречи с генералом Коллером, начальником штаба люфтваффе, пришел с ним к соглашению о том, что необходимо сделать какой-то жест, предпринять нечто такое, что произвело бы впечатление на англо-американскую сторону: перебросить целиком всю 12-ю армию вермахта с итальянского фронта на восточный. Предполагали даже открыть весь западный фронт и немедленно форсировать переговоры, которые уже велись с западными державами. Затем собирались дать понять англо-американцам, что война на западе утратила смысл и ее следует продолжать лишь на востоке¹.

Коллер немедленно вылетел проконсультироваться по этому вопросу со своим начальником Герингом. Действительно, на следующий день, утром 23 апреля, была отправлена знаменитая телеграмма рейхсмаршала фюреру, смысл которой сводился к следующему. Наступил момент для переговоров. Поскольку фюрер в Берлине не имеет необходимой для этого свободы передвижения, Геринг будет действовать вместо него. (Разве он не считался его официальным преемником?) Если к 10 часам вечера 23 апреля он не получит ответа, то он возьмет на себя руководство рейхом.

Он, несомненно, собирался вступить в переговоры с англо-американцами, чтобы заключить с ними сепаратный мир и таким образом развязать себе руки для организации борьбы против большевизма². Но реакция Гитлера на этот ультиматум была весьма резкой: он объявил об отстранении Геринга от должности начальника люфтваффе.

¹ Walter Görlitz. Op. cit.

² Ibid.

Зато беседы, которые Гиммлер уже некоторое время проводил с графом Бернадотом, продолжались. Гиммлер видел в нем эмиссара западных держав. Прежде чем прибыть в Германию с миссией, о которой уже говорилось выше, Бернадот посетил Лондон и Париж.

Решающая встреча имела место вечером с 24 на 25 апреля в Любеке, на Балтийском побережье. Гиммлер в тот момент, без сомнения, не знал, что творилось в Берлине. Но он не задавался вопросом о том, что полагает фюрер о своем первом полицейском. Он чувствовал себя в достаточной мере уполномоченным говорить от имени рейха. Идеи, которые он развивал перед своим шведским собеседником, хорошо известны. Это были те самые идеи, которые уже в течение некоторого времени высказывались немецкой стороной.

Бернадот немедленно отправился в Стокгольм. На следующий день рано утром (25 апреля) в Лондон пришла телеграмма от посла Великобритании в Швеции, сообщавшая о результатах бесед графа Бернадота с Гиммлером. Из телеграммы явствовало, что посол и его американский коллега были вызваны в шведское министерство иностранных дел для встречи с графом Бернадотом, облеченным «срочной миссией».

Встреча произошла немедленно. Граф заявил обоим дипломатам, как резюмирует Черчилль в своих мемуарах содержание телеграммы, о которой идет речь, что Гиммлер спросил его, «не устроит ли шведское правительство ему встречу с генералом Эйзенхауэром с целью капитуляции на всем западном фронте».

Важно отметить, что оба дипломата, все так же согласно Черчиллю, «заявили, что отказ Гиммлера капитулировать на восточном фронте выглядит как последняя попытка посеять раздор между западными союзниками и Россией» и что, «очевидно, нацисты должны капитулировать перед всеми союзниками одновременно».

Шведский министр в свою очередь отметил, что если он не предупредил советскую сторону, то лишь потому, что «Гиммлер обусловил, что эта информация предназначена исключительно для западных союзников».

Здесь следует, однако, привести также версию графа Бернадота, которую мы находим в его книге «Конец», так как она несколько отличается от изложенной. Гиммлер, как утверждает Бернадот, был готов капитулиро-

вать на западном фронте, и, «таким образом, армии западных держав смогли бы быстро продвинуться на восток». Так как он ни в коем случае не капитулировал бы на восточном фронте, ибо всегда был и оставался «заклятым врагом коммунизма».

Ангел-хранитель Гимmlера

Таким образом, Черчилль был полностью в курсе дела, когда принял всерьез предложения первого полицейского фюрера. Ибо они полностью соответствовали его собственным целям. Он немедленно созвал Военный кабинет и отправил срочную телеграмму президенту Трумэну, — телеграмму, которая, как говорит сам Черчилль, верно выражала реакцию британского правительства.

Поспешность, с которой действовал премьер-министр, была тем большей, что в предложениях Гимmlера речь шла уже не просто о частичной капитуляции, как в Италии, а о капитуляции на всем западном фронте, предвещавшей сепаратный мир с Германией. Для него это было главное — такой случай нельзя было упускать.

Однако Черчилль отдавал себе отчет, что было невозможно повторить итальянскую операцию, оставив русских в стороне. Он, кроме того, знал, что в данном случае американцы не последуют за ним, как они это сделали в Италии. Зато у него были все шансы успешно осуществить новую операцию, если бы дело выглядело так, будто он действует в согласии с Москвой, предупредив Сталина с самого начала. Действуя таким образом, он обеспечил бы себе содействие Трумэна и усыпил бы бдительность Сталина, подчеркивая в то же время важность предложений Гимmlера и указывая на готовность взять это дело в свои руки.

В телеграмме, отправленной 25 апреля президенту, Черчилль искусно доказывал важность предложений Гимmlера. «Учитывая, — замечает он по этому поводу в своих мемуарах, — *важность этого... мирного предложения* и наш опыт с русскими... в связи с «Кроссвордом»» (дело о капитуляции в Италии), он считает «полезным» изложить свои «действия» Трумэну и Сталину.

В телеграмме Черчилля Трумэну особо оговаривалось: «Ответ, который следует дать шведскому прави-

тельству, является прежде всего делом трех держав, поскольку ни один из нас не может вступить в отдельные переговоры». На самом деле он думал совсем иначе. Было важно, именно после опыта с итальянским делом, доказать, в особенности русским, что его «честность» вне всяких сомнений.

В этой же телеграмме Трумэну Черчилль писал, что следует предупредить Сталина, не оставляя ему времени для ответа. В тот же день, 25 апреля, он отправил телеграмму Сталину. Черчилль, очевидно, вел к тому, чтобы начать дело, поставив всех перед свершившимся фактом: началом переговоров в связи с предложениями Гиммлера, которые он затем направлял бы по своему усмотрению. В телеграмме, которую Трумэн в свою очередь послал Сталину, он ограничился тем, что в порядке «информации» просто изложил предложение Гиммлера.

Вечером 25 апреля Черчилль позвонил по телефону Трумэну. О самом телефонном сообщении он не говорит ни слова в своих мемуарах; он приводит лишь записку, составленную им по этому вопросу для Военного кабинета. Согласно этой записке, премьер-министр якобы сказал президенту, что, по мнению британского правительства, «необходимо, чтобы капитуляция была безоговорочной и принятой одновременно тремя великими державами». Это было «энергично» поддержано Трумэном. Черчилль зачитал ему затем телеграмму английского посла в Стокгольме относительно предложения Гиммлера и потребовал «столь же решительного одобрения» [этого предложения], что было самым важным для премьер-министра.

Между тем его версия беседы с президентом по телефону совершенно не похожа на ту, которая содержится в мемуарах адмирала Леги. Хотя первый советник президента намеренно пишет об этом сдержанно и в завуалированной форме, но все же достаточно красноречиво, чтобы можно было составить себе точное представление о смысле этой беседы.

По словам адмирала Леги, Трумэн заявил Черчиллю, что Америка может пойти лишь на безоговорочную капитуляцию на всех фронтах и в согласии с русскими. Это заставляет предполагать, что президент счел необходимым настаивать на пункте, который британская сторона, по его мнению, не разделяла. Возникает впечатление,

что по этому вопросу действительно возник спор. Черчилль давал понять, что считает мыслимыми отдельные переговоры с немцами относительно капитуляции на всем западном фронте, учитывая опыт на итальянском фронте. Если верить адмиралу Леги, Черчилль для подкрепления своей точки зрения использовал аргумент, который должен был снять все возражения: Англия «спешит» закончить войну. На что Трумэн ответил, что «и он спешит не меньше, но что он должен выполнять свои обязательства».

Эта версия адмирала Леги находит подтверждение в мемуарах Трумэна. Президент приводит запись своей беседы с Черчиллем по телефону в присутствии адмирала Леги и генерала Маршалла, начальника генерального штаба армии США. Из нее прежде всего видно, какие настроения царили в то время в Лондоне. Премьер-министр сказал, что его Военный кабинет был *против* того, чтобы он телеграфировал Сталину с целью «предупредить» его о предложении Гиммлера.

Кроме того, с самого начала беседы становится ясным, что английская сторона активно вела переговоры и граф Бернадот имел полномочия от лондонского правительства. Черчилль уточняет для Трумэна. «Они [немцы], — говорит он, — упоминали об Италии и Югославии. *Мы же говорили* обо всем, включая Данию и Норвегию, так же как и обо всем *западном фронте*. Это, помимо всего прочего, означает, что о восточном фронте не было и речи. О нем говорили только немцы, но лишь для того, чтобы уточнить, что они «не предлагают капитуляции на восточном фронте».

Двойная игра Черчилля

Само собой разумеется, что граф Бернадот (который, повторяю, говорил от имени британского правительства) остановился на этом пункте предложений Гиммлера, чтобы уточнить, что Германия должна капитулировать перед тремя державами. Но Гиммлер ответил, что в этом случае переговоры бесцельны и для него нет никакого смысла продолжать их. Это доказывает, что переговоры продолжались на основе предложений, сделанных Гиммлером.

Вот почему также переговоры не должны были быть прерваны западными державами даже после обмена мнениями между Гиммлером и Бернадотом. Вот почему также не имела никакого смысла та настойчивость, с которой Черчилль во время своей беседы с Трумэном по телефону упирал на необходимость предупредить Сталина. На самом деле Трумэна просили принять участие в переговорах, целью которых не была капитуляция на восточном фронте.

Эта часть беседы Черчилль — Трумэн раскрывает особенно много. Трумэн потребовал, чтобы Гиммлер капитулировал перед всей «тройкой» и отказа от капитуляции «по крохам». Черчилль живейшим образом одобрил: «Нет, нет, нет. Никакой капитуляции по частям, когда мы имеем дело с таким человеком, как Гиммлер». Но если Черчилль проявлял в этом пункте такую же непримиримость, как и Трумэн, то лишь затем, чтобы добиться согласия президента начать переговоры. Трумэн согласился: «Вот именно, это как раз и моя точка зрения», а Черчилль продолжил, изложив при этом довольно прозрачно свою собственную точку зрения. Таким образом, переговоры должны были развернуться на базе предложений Гиммлера: *«Разумеется, я имею в виду местную капитуляцию Гиммлера на фронте западных союзников»*. И Черчилль добавил к этому: *«И затем, Эйзенхауэр по-прежнему полномочен принять капитуляцию Гиммлера, а в этом случае он [Гиммлер] готов сдаться»*. Это в действительности означало, что речь шла о новой местной капитуляции на всем западном фронте, точно такой же, какая имела место на итальянском фронте. Главнокомандующий союзными войсками на западе был волен действовать, полагая, что капитуляция германских армий на всем западном фронте была делом «тактического порядка».

Итак, главы обоих правительств лишь по видимости пришли к соглашению по этому вопросу: Германия капитулирует также перед русскими и Сталин будет предупрежден о предложении Гиммлера. Черчилль имел в виду при этом лишь согласие Сталина на ведение переговоров, поскольку речь шла только о капитуляции на западном фронте.

Небезынтересно отметить, что лондонское и Вашингтонское правительства чувствовали себя связанными в

отношении шведского правительства, поскольку последнее выступало в роли посредника. Шведский министр иностранных дел, уведомив английского и американского послов о предложении Гиммлера, переданном графом Бернадотом, хотел непременно «добиться ясности» по поводу определенного «настроения» (своего рода соглашения), по-видимому достигнутого в ходе переговоров между графом и Гиммлером, а именно что будет действительно иметь место сепаратная капитуляция на западе. Гиммлер предполагал капитулировать в два этапа: сначала «на всем западном фронте, в Норвегии и Дании», а затем должна была последовать еще одна капитуляция. Первая «мера привела бы [в конечном итоге] в скором времени к общей капитуляции».

Шведский министр иностранных дел желал, чтобы признали, «что шведское правительство никогда не согласилось бы потворствовать тем или иным образом даже малейшей попытке посеять разлад между союзниками. Единственной причиной, по которой оно не могло проинформировать непосредственно советское правительство, было то, что Гиммлер специально обусловил, что это сообщение предназначается исключительно для западных держав». Именно последним надлежит предупредить русских и действовать соответствующим образом.

Вот каким образом Сталина на этот раз предупредили. Но как мы увидим далее, в развитии этого темного дела ничего не изменилось. Телеграммой, которую Черчилль отправил 25 апреля Сталину, он главным образом хотел успокоить его. Подчеркнув, что «Президент Соединенных Штатов также был информирован об этом», Черчилль заявлял: «Поскольку это касается Правительства Его Величества, не может идти речи ни о чем меньшем, кроме как об одновременной безоговорочной капитуляции перед тремя главными державами. Мы считаем, что Гиммлеру нужно сказать, что военнослужащие германских вооруженных сил, как одиночки, так и находящиеся в соединениях, должны повсюду сдатьсь на месте союзным войскам или их представителям»¹.

Это сообщение произвело соответствующее впечатление. Оно вызвало, по выражению Черчилля, «самое сердечное» послание, когда-либо полученное от Сталина.

¹ См.: «Переписка . . .». Т. I, стр. 337.

«Зная Вас, — писал этот последний, — я не сомневался в том, что Вы будете действовать именно таким образом». И Черчилль немедленно ответил еще более любезно: «Я был весьма рад узнать, что Вы не сомневались в том, как я поступил бы и как буду всегда поступать в отношении Вашей великолепной страны и в отношении Вас лично»¹.

Но дела его доказывали, что думал он иначе.

Черчилль и «новая опасность»

Согласно Черчиллю, этим дело и ограничилось. Граф Бернадот передал Гиммлеру ответ союзников, который был-де сформулирован в духе обмена мнениями между премьер-министром и президентом и, теоретически, должен был положить конец переговорам, поскольку, опять-таки теоретически, не могло быть и речи о сепаратной капитуляции на всем западном фронте. И — все это согласно Черчиллю — о деле этом «больше не было никаких разговоров до того самого дня, когда его [то есть Гиммлера] арестовали».

Такой была ситуация, по крайней мере так ее изображает Черчилль в своих мемуарах. Изображение чрезвычайно искаженное. В действительности, поставив в этом новом деле свою «честность» вне сомнений и успокоив Сталина, Черчилль принялся «набивать цену» мирному предложению Гиммлера. Для этого ему необходимо было полностью втянуть американцев в свою игру. Ибо в предложении Гиммлера он видел нечто гораздо более ценное, чем только капитуляцию немецких вооруженных сил на западе, а именно сепаратный мир.

Вот как Черчилль резюмирует в своих мемуарах мысли, которыми он был тогда поглощен:

«В то время как конференция в Сан-Франциско [в апреле 1945 года для принятия Устава Организации Объединенных Наций] в приятной атмосфере планировала основы будущего *свободного мира*, цивилизованного и единого, а народы наших стран предавались радости, празднуя победу над Гитлером и нацистской тиранией, сознание мое омрачала *новая и еще большая опасность, которая быстро росла на наших глазах*».

¹ Там же, стр. 339, 341.

«Свободный мир», о котором думал Черчилль, не был тем миром, за который боролся «великий союз»; это был мир, который должен был, по его представлениям, возникнуть в результате победы в противовес коммунистической России. «Советский союзник», «великолепная страна» Сталина, изображался теперь как «опасность» большая, чем когда-либо в прежние времена. Именно против этой «опасности» должна была быть теперь направлена борьба «свободного мира». И в этой борьбе Германия должна была также занять свое место в силу той же логики, по которой коммунистическую Россию вовлекли в борьбу против нее. Тем более что Советский Союз являлся не просто великой державой, слишком могущественной, а был вместе с тем и коммунистической страной. Иначе говоря, вековая враждебность Англии к России приобретала теперь не только политический, но и социальный характер.

Поэтому и мир, которого он отныне добивался с бешеной энергией, был миром, направленным против Советского Союза, и с Германией в качестве партнера.

В то время как Черчилль обменивался любезностями со Сталиным и заверял его в самой торжественной форме в том, что ни о чем другом не может быть и речи, кроме полной и общей капитуляции Германии на всех фронтах, на востоке и на западе, он из кожи лез, стараясь получить согласие американцев для заключения сепаратного мира с Германией.

В тот самый день, 25 апреля, когда он заверял Сталина в своей полной честности, он попытался заинтересовать генерала Эйзенхауэра мирным предложением Гимmlера в надежде, после достигнутого в Италии успеха, продвинуть и это дело.

26 апреля он отправил «длинное послание» верховному главнокомандующему силами союзников в Европе, в котором просил его *«изучить»* — выражение Черчилля — предложение Гимmlера *относительно капитуляции на западном фронте.*

Решающий момент: Черчилль говорил с полным знанием дела и не скрывал своей мысли. Британский премьер-министр, который хочет в своих мемуарах заставить нас поверить, будто после ответа союзных правительств на предложение Гимmlера, переданное через графа Бернадота, об этом деле «больше не было ника-

ких разговоров», напротив, мог еще многое порассказать об этом. Его «длинное послание» генералу Эйзенхауэру представлялось ему очень важным, ибо он приглашал генерала «изучить» его.

Если бы настойчивость Черчилля перед Эйзенхауэром достигла своей цели, немцы добились бы того, чего хотели, и никто не может сказать, каковы были бы последствия этого как в военном, так и в политическом плане. Послание Черчилля Эйзенхауэру было чревато столь тяжкими последствиями, что британский премьер-министр не приводит его в своих мемуарах. На это послание намекает в своей книге «Крестовый поход в Европе»¹ генерал, но столь сдержанно, что узнать из этого что-либо невозможно. Лишь по реакции генерала можно составить себе представление о содержании полученного им послания, которое он должен был «изучить». В самом деле, предложения Гимmlера, которые там фигурировали, и в еще большей степени та манера, в которой они были представлены британским премьер-министром, были таковы, что Эйзенхауэр счел необходимым *предостеречь* Черчилля против «этой последней немецкой попытки расколоть коалицию союзников», а также настаивать на том, чтобы «не принималось никакое предложение, которое не предусматривало бы капитуляцию всех немецких сил на всех фронтах».

Реакция Эйзенхауэра на послание Черчилля, таким образом, ясно свидетельствует, что генерал великолепно понял, что глава британского правительства благоприятно относится к предложениям Гимmlера, настолько, что готов допустить тот разрыв между русскими и западными союзниками, который они неминуемо повлекут за собой.

Разочарование Черчилля было тем более велико, что он был уверен, что хорошо составил свое послание, чтобы убедить Эйзенхауэра. Кроме того, он рассчитывал на бóльший успех, обращаясь непосредственно к военным, минуя гражданские власти в Вашингтоне. Но генерал сделал то, чего Черчилль хотел избежать: он поставил в известность Вашингтон относительно послания британского премьер-министра. Он сделал даже больше: он предложил Черчиллю сообщить о предложениях Гим-

¹ Dwight Eisenhower. Crusade in Europe.

млера Сталину. После прецедента с капитуляцией на итальянском фронте Эйзенхауэр вправе был предполагать, что и на этот раз все подобным же образом держится в секрете англичанами и американцами и, следовательно, Сталин еще не предупрежден.

Очевидно, именно вследствие телеграммы генерала Эйзенхауэра в Вашингтоне сочли необходимым резко вмешаться и положить конец маневру Лондона. 26 апреля американский посол в Стокгольме получил послание, подписанное президентом Трумэном, в нем отвергались предложения Гимmlера, которые до этого момента все еще были в силе и продолжали бы оставаться таковыми, если бы не вмешательство Вашингтона.

ИНТЕРМЕДИЯ С «ПРЕЕМНИКОМ» ГИТЛЕРА

Смерть Гитлера (30 апреля 1945 года) дала немцам новые шансы возобновить попытки переговоров о сепаратном мире с западными державами. Они полагали, что условия стали более благоприятными. Гитлер был непреодолимым препятствием. Он хотел войны до последнего. С его исчезновением открывался путь для осуществления всякого рода возможностей.

Но кто из немцев будет вести диалог с западными державами? Единственным приемлемым кандидатом, казалось, был Гиммлер. Однако не он стал тем человеком, который выступил от имени Германии. Героем этой необычной авантюры с «преемником» фюрера оказался человек, до этого находившийся в тени, — гроссадмирал Карл Дёниц, который появился на сцене при самых неправдоподобных обстоятельствах. В момент смерти Гитлера Дёниц вместе со своим штабом находился в Плёне, в Шлезвиг-Гольштейне, куда он отступил. Незадолго до этого, 20 апреля, он был назначен главнокомандующим германскими вооруженными силами северного сектора. Именно здесь началась невероятная история с «преемником» фюрера.

Грандиозная мистификация

Вначале это была грандиозная мистификация, затеянная на собственный страх и риск начальником имперской канцелярии рейхслейтером Мартином Борманом, человеком, который был правой рукой фюрера. В действительности он был единственным, кто знал, кому предстоит стать «преемником» Гитлера; самому Гитлеру пе-

ред смертью это не было известно, не говоря уже о гроссадмирале Дёнице.

В дни, когда рушился третий рейх, этот честолюбец, вместо того чтобы попытаться, как это делали другие, спасти свою жизнь, затеял поразительную махинацию с целью захватить власть. Впрочем, его честолюбивые замыслы разделял еще один зловещий персонаж — Йозеф Геббельс, покончивший с собой вслед за фюрером. У них было два опасных соперника, также притязавших на наследство Гитлера: Геринг, официальный «наследный принц» фюрера, и Гиммлер — глава полиции рейха.

Борман и Геббельс сначала рассчитывали на русских, которые вскоре должны были завладеть столицей. У них возникла даже нелепая мысль вступить в контакт с русскими, использовав для этой цели генерала Кребса, бывшего помощника немецкого военного атташе при посольстве рейха в Москве; Кребс хорошо знал русский язык и, кроме того, продолжал оставаться в день ото дня редевшей свите фюрера в бункере имперской канцелярии. Но эта крайне фантастическая затея быстро выдохлась¹.

Тогда Борман обратил свои взоры на гроссадмирала Дёница. Он чувствовал, что один не в силах будет противостоять Герингу и Гиммлеру. Ему нужна была более представительная личность, которую можно было бы выдвинуть на первый план. Дёниц, как мы видели, был недавно назначен Гитлером главнокомандующим германскими вооруженными силами на севере Германии. Для Бормана задача пока заключалась в том, чтобы устранить двух других соперников. Он задумал сделать сначала гроссадмирала «преемником» фюрера. Став президентом рейха, он затем сформирует правительство Геббельса — Бормана.

К тому же, будучи начальником имперской канцелярии, он мог говорить от имени фюрера, осмеливался приписывать ему слова, которых тот никогда и не произносил. Все нити для осуществления этого коварного плана были в его руках.

Будучи фактически единственным, кто задумал найти «преемника» для Гитлера, когда об этом никто и не помышлял, он с 23 апреля пытался вывести из игры Герин-

¹ См.: Walter Görlitz. Op. cit.

га. В этот день он послал телеграмму Дёницу, ставя его в известность, что рейхсмаршал подготовил «государственный переворот» на юге. Выше мы уже говорили¹ о послании Геринга, направленном Гитлеру 23 апреля. Невзирая на то что это был не более как «ультиматум», Борман представил его как уже совершившийся «государственный переворот». Геринг, писал он, отдал приказ властям рейха, перебравшимся в еще не оккупированные зоны, присоединиться к нему.

Следует заметить, что в тот день речь еще не шла о назначении нового преемника фюреру. Геринг все еще сохранял этот титул на основании заявления, сделанного Гитлером в рейхстаге 1 сентября 1939 года, в день объявления войны. Гитлер, узнав об «ультиматуме» Геринга, удовлетворился тем, что заменил его на посту начальника люфтваффе генералом Риттером фон Гриммом. Борман, совершенно очевидно, в этом случае не мог еще слишком спешить и выдвигать гроссадмирала Дёница в качестве преемника фюрера — Гитлер был еще жив.

После Геринга наступил черед Гиммлера. Утром 30 апреля Борман, все так же из имперской канцелярии, телеграфировал Дёницу: «Готовится новый заговор». Это было сообщение о мирных переговорах, которые завязал Гиммлер с англо-американской стороной при посредничестве графа Бернадота. Он надеялся таким образом скомпрометировать Гиммлера в глазах Дёница.

Борман и адмирал

Дёниц, не разгадавший интриги Бормана, совершенно иначе воспринял дело. Он не видел никакого иного выхода, кроме переговоров с англичанами и американцами. Он думал поэтому, что Гиммлер был бы наиболее компетентным человеком, способным завтра представлять рейх. Впрочем, ему было известно, что шеф СС уже давно готовился принять наследство Гитлера. Как утверждает помощник Дёница, капитан Людде-Нейрат, гроссадмиралу однажды пришлось услышать от Гиммлера такие слова: «Одно несомненно. Никогда рейхсмаршал [Геринг] не получит наследства» Гитлера². Гиммлер

¹ См. стр. 77.

² L ü d d e - N e u r a t h. Regierung Dönitz.

считал себя будущим фюрером. Дёниц имел возможность убедиться в этом во время первого совещания верховного командования вермахта, состоявшегося в Рейнаберге 28 апреля (разумеется, в отсутствие Гитлера), на котором гроссадмирал присутствовал в своем новом качестве главнокомандующего германскими вооруженными силами на севере. По этому случаю Гиммлер официально занял возле карт кресло, предназначавшееся для фюрера¹.

Именно как с предполагаемым преемником Гитлера пожелал Дёниц встретиться с Гиммлером после получения телеграммы Бормана. Встреча произошла в тот же день, 30 апреля, в полицейском комиссариате в Любеке, на Балтийском море, куда Гиммлер отступил со своим штабом и теми вожаками СС, которых он сумел собрать. После этой встречи у Дёница не оставалось никаких сомнений: Гиммлер уже считал себя новым фюрером. Шеф СС заставил его ждать².

Мистификация в действии

К этому времени мистификация, задуманная Борманом, полностью развернулась. По возвращении в Плён днем 30 апреля Дёниц нашел еще одну радиограмму, первую из тех, которые должны были обеспечить полный успех начатой операции. В этой радиограмме, также исходившей от имперской канцелярии, было отмечено время отправления — 18 часов 15 минут. Она была подписана Борманом.

Этой радиограммой Дёница ставили в известность, что фюрер назначил его своим преемником вместо бывшего рейхсмаршала Геринга. Несомненно, чтобы внушить доверие к этому неожиданному и совершенно не поддающемуся контролю сообщению, Борман добавлял: *«Письменные полномочия высланы»*. И чтобы еще более утвердить назначение гроссадмирала, в радиограмме уточнялось: *«Начиная с этого момента Вам надлежит принимать все меры, которые потребуются в сложившейся ситуации»*.

¹ Ibid.

² Karl Dönitz. 10 Jahre und 20 Tage.

Радиограмма, составленная таким образом, позволяла предполагать, что Борман говорит от имени фюрера и, во всяком случае, что тот еще жив. Но тогда радиограмма должна была бы быть подписана самим Гитлером, поскольку речь шла о столь важном деле, как назначение преемника. Ввиду отсутствия собственноручной подписи Гитлера под радиограммой, лишь «письменные документы», о высылке которых было объявлено, могли подтвердить достоверность содержания радиограммы Бормана. Но этих «документов» так никто и никогда не увидит. Поспешность, с которой Борман стремился облечь адмирала высшей властью еще до прибытия «письменных документов», со всей очевидностью свидетельствует о том, что он хотел упредить Гимmlера, поставив его перед свершившимся фактом. Иначе говоря, гросс-адмирал Дёниц был провозглашен «преемником» Гитлера на основании простой радиограммы, на которой не было даже, хотя бы и сомнительной, подписи Гитлера! Только в том случае, если Гитлер был еще жив, эта ошеломляющая афера могла бы показаться в какой-то мере правдоподобной. Но Гитлер в этот момент был уже мертв!

Только из новой радиограммы Бормана, отправленной на следующий день, 1 мая, в 7 часов 40 минут утра из Берлина и прибывшей в Плён в 10 часов 40 минут, можно было заключить, что Гитлера нет более в живых. В этой радиограмме, на удивление лаконичной, говорилось только о том, что «завещание остается в силе», и ничего не уточнялось.

Зато в ней Борман приподнимал завесу над собственной игрой: он говорил о себе. Действительно, новая радиограмма завершила операцию, начатую предыдущей. На первом этапе он урегулировал вопрос о «преемнике» Гитлера, на втором он в свою очередь обеспечивал себе место рядом с новым главой государства. Он требовал от Дёница, чтобы тот подождал его. Борман, естественно, имел в виду окончательно завершить задуманную комбинацию. Он сообщал Дёницу, что присоединится к нему «тотчас же, как только это станет возможным», по-прежнему настаивая, чтобы тот «отложил до этого времени обнародование», то есть обнародование сообщения о своем назначении преемником Гитлера. Борман, без сомнения, хотел прежде определить свое положение,

Таким образом, Борман выступил на сцену в роли главного партнера «преемника» Гитлера, которого он сам выдумал. Все происходило при замалчивании факта смерти фюрера для того, чтобы заставить поверить, будто это делается от имени Гитлера. Дёниц был убежден в этом. На рассвете 1 мая, в 3 часа 30 минут, он отправил фюреру личную телеграмму с выражениями благодарности. В этом послании, адресованном мертвецу, говорилось:

«Мой фюрер, моя верность Вам беспредельна. Если судьба возлагает на меня руководство германским рейхом, как Вы это решили, я буду вести эту войну до самого конца, как того заслуживает беспримерный героизм немцев»¹.

На свою беду, Борман неправильно повел дело с самого начала. Вся его комбинация была неверной в своей основе. Пытаясь сделать все слишком тонко, он исключил себя из числа претендентов на наследство, которого жаждал. Если его первая радиограмма Дёницу была подлинной, то этот последний мог отныне обходиться без услуг Бормана, поскольку вторым посланием был уполномочен действовать по своему усмотрению, не считаясь с чьими бы то ни было предложениями.

Сообщение о смерти Гитлера было опубликовано только днем 1 мая, в 14 часов 45 минут. Борман держал его в секрете в течение суток — времени, которое понадобилось ему, чтобы пустить в ход свою махинацию. Под этой третьей радиограммой стояла подпись «Геббельс», она должна была явиться «письменным документом» (о высылке которого было объявлено в первом послании Бормана) и подтвердить положение Бормана при Дёнице. Речь шла о кратком изложении приписываемого Гитлеру «завещания», о котором было объявлено во второй радиограмме Бормана.

«Завещание по заказу»

«Завещание» Гитлера представляет интерес лишь как главный документ в махинации Бормана. Это было «завещание», которое мог сфабриковать только он. Не было

¹ "Die Niederlage".

никаких доказательств ни подлинности его существования, ни подлинности текста или подписи Гитлера. Этот документ заверили в качестве «свидетелей» Геббельс, Борман, генерал Кребс, личный друг Геббельса, а также некий Вильгельм Бургдорф. Между тем в окружении Гитлера было достаточно людей менее «подозрительных», чтобы выступить в качестве свидетелей.

Кроме того, «завещание» было датировано 29 апреля 1945 года, то есть было составлено накануне самоубийства Гитлера. Между тем последний был физически не в состоянии продиктовать такое завещание. Во время первой встречи с графом Бернадотом Гиммлер сказал ему, что Гитлер тяжело болен и, возможно, уже скончался; во всяком случае, он не протянет и двух дней. Со своей стороны заместитель Гиммлера, генерал Штимсберг, также заявил графу Бернадоту, что у Гитлера было кровоизлияние в мозг.

Впрочем, можно считать сомнительным и участие Геббельса в этой махинации. Если Борман и приписал имя Геббельса, то это могло быть сделано без ведома последнего, чтобы замести следы и прикрыть собственный маневр. Все было возможно в этой крайне запутанной интриге. 29 апреля у Геббельса не было ни времени, ни желания заниматься этим. Он был кандидатом в смертники и собирался вместе со всем семейством последовать примеру своего фюрера. И Борман должен был знать об этом. Во время всех этих драматических событий они жили вместе в бункере имперской канцелярии.

«Завещание» Гитлера было сделано «по заказу» и шито белыми нитками, которые легко выдавали автора и его намерения. В первой его части наносился последний удар Герингу и Гиммлеру. «Перед смертью» Гитлер «исключил» их из нацистской партии. Оба они были изгнаны и осуждены как «покрывшие себя несмываемым позором перед страной и всем народом», поскольку «предали» своего фюрера, вступив за его спиной в тайные переговоры с врагом и «попытавшись противозаконно завладеть государственной властью».

Вторая часть «завещания» касалась Бормана и отчасти также Геббельса, по причинам, которые нам уже известны. Эта часть напоминала рекламный проспект. Оба они объявлялись достойными фюрера и непомерно восхвалялись как деятели, способные дать немецкому

народу правительство, состоящее из честных людей, полных решимости продолжать войну всеми средствами. И в «завещании» приводились имена тех, кого «преемнику» Гитлера следовало сохранить: в первую очередь Геббельса в качестве канцлера и Бормана как министра по делам партии.

В то же время — и все это звучало весьма фальшиво — в «завещании» нельзя было найти никакой директивы Гитлера политического характера, в частности относительно того, каким образом вызвать раскол вражеской коалиции, чем целиком был поглощен фюрер со времени смерти Рузвельта. Возникает также вопрос, как мог этот человек, одержимый идеей войны до последнего, не посвятить нескольких слов своим солдатам!

О «завещании» Гитлера в этот период было известно только то, что содержалось в кратком его резюме в тексте радиogramмы, подписанной Геббельсом. Как раз то, в чем был заинтересован Борман. Там говорилось:

«По завещанию фюрера на Вас [Дёница] возлагаются функции президента рейха, функции канцлера переходят к рейхсминистру Геббельсу, функции министра по делам партии — рейхслейтеру Борману...» Все остальное служило лишь «заполнителем», чтобы придать некоторое правдоподобие «последней воле» фюрера.

Неизвестный «преемник»

Реакцией Дёница, когда он узнал о своем назначении, было «удивление». Выражение принадлежит самому адмиралу¹. И действительно, было чему удивляться.

Гитлер назначил его 30 января 1943 года главнокомандующим военно-морским флотом рейха вместо гросс-адмирала Редера. Но никак нельзя было предполагать, что фюрер изберет его своим преемником. Сам Дёниц никогда об этом и не помышлял. Со времени покушения на Гитлера 20 июля 1944 года, как рассказывает Дёниц в своих мемуарах, ему доводилось разговаривать с фюрером только в присутствии других лиц. Гитлер никогда не делал ему ни «малейшего намека» на возможность его назначения.

¹ См.: Lüdde-Neurath. Op. cit.; Karl Dönitz. Op. cit.

Тот факт, что Гитлер незадолго до своей смерти назначил Дёница главнокомандующим вооруженными силами на севере Германии, ни в коей мере не мог служить предзнаменованием будущей карьеры адмирала. Наконец, как мы видели, когда Дёниц 23 апреля 1945 года узнал, что Геринг впал в немилость, он считал только Гиммлера преемником фюрера. Вот почему вплоть до того времени, когда он писал свои мемуары, он не мог понять, каким образом его назначение стало возможным.

Дёниц обнаружил лишь какие-то неясные намеки на это во время беседы, состоявшейся у него после войны с министром вооружений Шпеером. Во время своей последней встречи с Гитлером, 23 апреля 1945 года, в бункере имперской канцелярии Шпеер якобы внушал ему мысль о Дёнице как возможном преемнике. Очевидно, поэтому, полагает Дёниц, Гитлер вспомнил о нем в решающий момент. Между тем Дёниц сам подчеркивает в своих мемуарах один весьма знаменательный факт: он ознакомился с радиограммой, в которой его извещали о назначении, в присутствии Шпеера и других лиц. Но Шпеер при этом не проронил ни слова относительно своих предложений, сделанных 23 апреля.

В конечном итоге Дёниц не находит иного объяснения, кроме того, что Гитлер избрал его для осуществления единственно возможного «решения» — капитуляции. Но у гроссадмирала не было репутации «капитулянта». С другой стороны, радиограммы Бормана, которые он считал подлинными, свидетельствовали о том, что фюрер желал войны до последнего.

Тем не менее Дёниц находит совершенно естественным и нормальным свое назначение на основании простой радиограммы Бормана, абсолютно ничего не доказывающей, ибо она не была подписана фюрером, который в тот момент был еще жив. Ни у самого Дёница, ни у его окружения «не возникло ни тени сомнений относительно подлинности этой телеграммы [первой] и тех, которые последовали за ней»¹. (Речь шла, разумеется, о содержании этих телеграмм. Относительно подлинности самих телеграмм никаких сомнений не было.)

В своих мемуарах, написанных много времени спустя после войны, Дёниц задает себе также вопрос, почему

¹ Lüdde-Neurath. Op cit.

от него скрывали смерть Гитлера до второй половины дня 1 мая, сообщив ему об этом с опозданием на сутки!.. И почему эта весть была обойдена молчанием во второй радиограмме Бормана, в которой шла речь о «завещании» Гитлера.

Верхом нелепости было то, что все были озабочены тем, не были ли искажены радиограммы Бормана при передаче, учитывая состояние коммуникаций, тогда как никто не задавался вопросом о достоверности содержания радиограмм.

Точно так же терялись в догадках, пытаясь истолковать смысл второй телеграммы Бормана, предоставлявшей Дёницу полную свободу действий в качестве уже признанного «преемника» фюрера¹. Не попытались даже как следует вникнуть во все эти послания, касавшиеся вопроса о преемнике Гитлера, отправленные в отсутствие главного персонажа — самого фюрера. Наконец все решили, что Дёниц вправе в качестве «преемника» Гитлера отныне не считаться ни с какими мнениями Бормана.

Великий парадокс

Великий парадокс в деле о «преемнике» Гитлера заключается в том, что единственным, кому это темное дело пошло на пользу, оказался Дёниц, человек, не игравший в этом никакой роли. Зато тот, кто это задумал и сделал все, чтобы обеспечить успех — Борман, — в конечном счете не извлек для себя никакой личной выгоды.

Бормана, объявившего о своем немедленном прибытии во Фленсбург, так никогда там и не видели, в то время как адмирал тотчас же прибыл туда в качестве действительного и бесспорного «преемника» фюрера. В то же время Дёниц стал соучастником Бормана, объявив в своем обращении, что фюрер скончался «сегодня», то есть 1 мая! На этот раз он сознательно лгал, так как если накануне он и был в неведении, то к этому времени уже знал правду. Но эту ложь надо было поддер-

¹ См.: Karl Dönitz. Op. cit.; Lüdde-Neurath. Op. cit.

жать, ведь иначе получалось, что Гитлер назначил его своим «преемником» 30 апреля, тогда, когда он уже был мертв! Все это было настолько очевидно, что Фленсбургское радио, отныне считавшееся официальным, после передачи обращения нового главы государства повторило, для того чтобы подтвердить его назначение: «30 апреля фюрер назначил гроссадмирала Дёница своим преемником».

Как бы то ни было, Дёниц немедленно приступил к осуществлению власти. В тот же день, 30 апреля, как только он получил первую радиogramму Бормана, он пригласил к себе людей, в чьих руках находилась реальная власть: высших командиров вермахта, фельдмаршала Кейтеля и генерала Йодля, а также начальника полиции рейха Генриха Гиммлера. Но что касается последнего, то с ним Дёниц собирался свести счеты. Они поменялись ролями.

Из рассказа Дёница стали известны пикантные детали новой встречи этих двух людей. Гиммлер тотчас же откликнулся на приглашение, явившись, для большей безопасности, в сопровождении двух вооруженных офицеров СС. Дёниц протянул ему [первую] радиogramму Бормана: «Прочтите это». Он с наслаждением следил за реакцией собеседника. «Я наблюдал, — отмечает Дёниц в своих мемуарах, — как он менялся в лице, читая телеграмму. Оно выражало изумление, даже тревогу. Гиммлер побледнел, он встал, склонился и произнес: «Разрешите мне быть вторым человеком в вашем государстве». Дёниц ответил, что об этом не может быть и речи, и добавил: «Для вас не найдется должности».

Трудно представить себе более плачевную ситуацию. Самый могущественный после фюрера человек, перед которым дрожала вся Германия и вся оккупированная Европа, ступив перед новым главой, неизвестно от кого получившим власть, и умолял его оставить ему «пост» в призрачном правительстве страны, находившейся в развалинах и отданной в руки победителей. Спустя несколько дней, 6 мая, Дёниц лишил Гиммлера всех его должностей и даже хотел арестовать его, так же как и Бормана и Геббельса. Если вся эта история и окончилась иначе, то лишь потому, что первый оказался неуправляемым, второй исчез, а третий покончил с собой.

«Преемник» Гитлера отнесся к своей роли с полной серьезностью. Он окружил себя всеми атрибутами главы государства, начиная с почетного караула в своей резиденции. Затем составил свое «правительство», чтобы вступить в переговоры с англичанами и американцами и кончить войну. Любопытно, что он считал целесообразным умалчивать о происхождении своей власти... Он приказал своему помощнику, капитану Людде-Нейрату, не «разглашать» подписанной именем Геббельса третьей радиogramмы, в которой шла речь о «завещании Гитлера», «положить этот документ в надежное место и не показывать его никому, даже самым приближенным из сотрудников»¹.

Дёницу понадобился прежде всего министр иностранных дел, человек опытный и такой, назначение которого хорошо бы приняли за границей. Он подумал о бароне фон Нейрате, бывшем министре иностранных дел Гитлера; но он проконсультировался также с тем, кто сменил Нейрата на этом посту, с Риббентропом, вызвав его во Фленсбург. Когда Дёниц объяснил последнему, что речь идет о переговорах с западными державами, Риббентроп ответил ему на следующий день, без сомнения по зрелом размышлении, что «не видит никого более компетентного, чем он сам»². Эти люди не испытывали никаких сомнений. Все же они вдохновлялись определенной логикой. Центральная идея Дёница в области политики состояла, по существу, в сохранении «преемственности» рейха. Почему же тогда люди, служившие Гитлеру, окажутся не на месте при его «преемнике»? Именно с таким настроением стекались теперь во Фленсбург бывшие министры, чтобы предложить свои услуги новому главе. Однако среди тех, кого Дёниц избрал своими сотрудниками, не фигурировали лица, названные Гитлером в его «завещании».

¹ Lüdde-Neurath. Op. cit.

² Ibid.

ЧЕРЧИЛЛЬ И «ПРЕЕМНИК» ГИТЛЕРА

До этого времени дело с «преемником» Гитлера интересовало только Германию; но оно стало представлять подлинный интерес в международном плане с того момента, когда эта невероятная авантюра доказала свою жизнеспособность и когда «правительство» Дёница взяло власть в свои руки. С этого времени англо-американцы, и прежде всего Черчилль, стали учитывать это обстоятельство в своей игре. Самым поразительным было то, что это «правительство» пользовалось правами вполне «законного» и никто не спрашивал себя, была ли его законность подлинной. Более того, все шло так, словно сжатый со всех сторон кусок территории Шлезвиг-Гольштейна, где обосновалось «правительство» «преемника» Гитлера, и на самом деле представлял собой всеми признанное государство. Наконец, хотя это «правительство» называло себя стоящим «вне политики» и состояло из «специалистов», оно чувствовало себя прочно утвердившимся, было уверено в своем длительном существовании и даже делало уже «большую политику».

Другими словами, «преемнику» Гитлера, казалось, удалось материализовать «преемственность» рейха, чтобы вести переговоры с западными державами. Он, конечно, приступил к роспуску нацистской партии (и это были сущие пустяки), чтобы расположить к себе англичан и американцев. Но его преклонение перед фюрером осталось прежним, и в управлении рейхом ничего не изменилось. Фотографии фюрера и других нацистских руководителей по-прежнему украшали стены административных учреждений, а на рабочем столе Дёница неизменно стоял бюст Гитлера.

Для Дёница «преемственность» рейха означала главным образом продолжение антикоммунистической линии, намеченной Гитлером со времени его прихода к власти. В этом он видел крупнейший козырь Германии, последнюю для нее надежду выйти из поражения наиболее выгодным образом и обеспечить впоследствии ее полное и быстрое восстановление в качестве фактора равновесия в послевоенной Европе.

Этот антикоммунизм неминуемо должен был привести его в объятия западных держав. Начиная со своего первого обращения 1 мая к немецкому народу, переданному фленсбургской радиостанцией, оставленной в его распоряжении англичанами, Дёниц, ссылаясь, разумеется, на «наследство» «нашего фюрера Адольфа Гитлера», перед которым он склонялся «с чувством самого глубокого почтения и самой глубокой печали», превозносил дело Гитлера как непримиримого противника коммунизма.

«Он очень рано, — заявил Дёниц, — понял, какую ужасную опасность представляет большевизм, и посвятил свое существование борьбе с ним».

Противник коммунизма, фюрер являлся поэтому признанным защитником «Европы».

«Ведя свою личную борьбу, чтобы остановить нарастающую волну большевизма, — добавлял он, — Гитлер сражался также за *Европу* и всю цивилизацию в целом».

Тот факт, что этот «герой» «Европы» начал свою войну против западных держав и что он «защищал» «всю цивилизацию в целом», огнем и мечом утверждая нацистское варварство, не помешало ему «преемнику» провозгласить «преемственность» этой политики, как только он упомянул об антикоммунизме. Разговаривая на языке антикоммунизма, можно быть всегда уверенным в произведенном впечатлении. Этот язык непременно находит благосклонных слушателей.

Теперь Дёниц предлагал англичанам и американцам стратегический план, предусматривавший совместное возобновление борьбы, чтобы остановить продвижение «большевистского врага» на запад. На западном фронте фленсбургское «правительство» было готово капитулировать. Именно в этом духе он говорил в своем обращении 1 мая.

«Назначенный» фюрером в качестве его «преемника», он, принимая «руководство немецким народом», объявил о том, что считает своей «первой миссией» «спасти соотечественников от гибели» от руки наступающих «большевистских врагов».

«Исключительно с этой целью, — добавлял он, — мы продолжаем боевые действия, и до тех пор, пока англичане и американцы будут мешать нам в ее достижении, нам придется сражаться с ними, защищая себя».

И он отечески обращался к союзникам, говоря:

«Итак, англичане и американцы продолжают войну уже не в интересах своих стран, но исключительно с целью способствовать распространению большевизма в Европе».

Не следует забывать, что эти «аргументы» уже раздавались в Берлине, когда дела гитлеровской армии в России начали идти худо. Составляя свое обращение 1 мая, Дёниц черпал аргументы из этого «идеологического» арсенала. Война против западных держав, открыто заявлял он, не имеет больше никакого смысла для Германии. Немецкие солдаты и население рейха считают эту войну «навязанным им злом, отнюдь не необходимостью... Гнев и ненависть выросли только во время военных действий, под влиянием пропаганды Геббельса».

«Совершенно иначе обстоит дело с Востоком». Нападение на СССР, совершенное Гитлером, соответствовало «исторической миссии» Германии, западные державы должны были быть прямо заинтересованы в этом. «Продвижение большевизма в Европе невозможно было уже остановить, поскольку пала Германия, самое грозное препятствие на его пути»¹.

«Преемник» фюрера любезно излагал свои идеи своим английским и американским собеседникам. С целью «обрисовать [им] ситуацию в Германии и эволюцию, которую она претерпела», Дёниц принял английского журналиста Уорда². Он придавал таким встречам большое значение, будучи уверен, что его идеи, безусловно, произведут нужное впечатление.

Он был настолько в этом уверен, что во Фленсбурге пришли к выводу, что *«политическое положение (с точки зрения западных держав) может потребовать чтобы*

¹ Lüdde-Neurath. Op. cit.

² Ibid.

сохранившаяся еще часть Германии оставалась сильной». Поэтому «следовало внимательно следить за развитием политической ситуации», то есть за развитием отношений между англо-американцами и русскими, выжидая «удобного момента»¹.

Стратегия побежденных

Своей главной задачей «преемник» Гитлера считал закончить войну, в то время как высшие офицеры вермахта, фельдмаршал Кейтель и генерал Йодль, полагали, что ее следует продолжать до тех пор, «пока раскол между союзниками не станет фактом»². На самом деле это расхождение точек зрения было лишь кажущимся. Закончить проигранную войну не было целью само по себе. Никто и не думал о том, чтобы закончить ее любой ценой. Господствовало убеждение, что имеется достаточно простора для маневрирования, с тем чтобы избежать самого худшего: полной и общей капитуляции на всех фронтах, перед западными державами и русскими. Раскол вражеской коалиции был бы самым верным средством достигнуть главной цели. Итак, полностью остались верны стратегии, начертанной самим Гитлером.

В действительности Дёниц думал только о частичной капитуляции на западе. На это он шел, поскольку такая капитуляция «существенным образом способствовала бы решению важных задач, еще стоявших на востоке» перед немцами, а именно способствовала бы расколу вражеской коалиции. На западе пытались «осуществить частичную капитуляцию и сражаться там собирались лишь столько времени, сколько понадобится для достижения главной цели»³. Другими словами, делали вид, будто продолжают сражаться на западе, чтобы избежать общей капитуляции. Собирались капитулировать только перед западными державами, что неизбежно привело бы, как полагали, к разрыву между ними и русскими.

Дёниц объясняет в своих мемуарах, для чего следовало выиграть время любой ценой: «Я должен был как можно дольше сохранять свободу действий». Эту «стратегию» он наметил уже в своем первом обращении к не-

¹ Lüdde-Neurath. Op. cit.

² Walter Görnitz. Op. cit.

³ Lüdde-Neurath. Op. cit.

мецкому народу (1 мая). Но он вновь возвращается к этому в тот же день в обращении к вермахту в качестве верховного главнокомандующего всеми германскими вооруженными силами, говоря на этот раз более откровенно.

Это своего рода памятник «казуистики». Я, заявляет Дёниц, принял командование всеми вооруженными силами рейха, будучи избран для этого «фюрером, величайшим человеком германской истории», который «посвятил жизнь» «великой идее защиты народов Европы от большевизма» и погиб ради нее «смертью героя». И Дёниц объявлял, что намерен так же упорно «вести борьбу против большевизма» до тех пор, пока немецкие войска, сражающиеся на востоке Германии, сотни тысяч немецких семей в этом районе не будут «избавлены от угрозы рабства или истребления». И вновь повторил, что будет продолжать борьбу против англичан и американцев только до тех пор, пока они не перестанут мешать ему «бороться против большевизма».

Само собой разумеется, что «преемник» Гитлера, беседуя таким образом с немецкими солдатами, обращался к англичанам и американцам. Короче говоря, он советовал им «перекроить союзы» и поменять союзника. В силу того факта, что Германия проиграла войну, она перестала быть «общим врагом», против которого они сражались совместно с русскими. Требуя общей и безоговорочной капитуляции, они играют на руку большевизму. Им следовало бы подумать о «защите Европы» от большевизма и прийти к соглашению с Германией, которая уже сражается за это.

Вот каким образом во Фленсбурге пришли к согласию в этом вопросе: предпринять попытку еще одной частичной капитуляции в ожидании другой, сепаратной капитуляции на всем западном фронте, которая должна была привести к конечной цели — вызвать раскол между западными державами и русскими.

Дёниц и Монтгомери

Люди из Фленсбурга рассчитывали встретить радушный прием у англичан и американцев, и прежде всего — надо ли повторять? — у Черчилля. Впрочем, путь к это-

му был открыт еще до их появления на сцене — благодаря успеху, достигнутому другими на итальянском фронте. Надо было лишь продолжать идти этим путем, и они занялись этим, едва успев утвердиться у «власти».

Условия для этого были чрезвычайно благоприятными. Фронт союзников на этом участке занимали английские войска под командованием фельдмаршала Монтомгери. Черчилль, не сумев втянуть американцев в операцию широких масштабов — сепаратную капитуляцию на всем западном фронте, — был готов удовлетвориться второй частичной капитуляцией на отдельном участке фронта.

Короче, «было лучше обращаться исключительно к Монтомгери, а не к Эйзенхауэру, которого в гораздо большей степени связывали политические соображения»¹, особенно его забота не доводить дело до разрыва с русскими.

Военные действия на западном фронте были фактически прекращены. Официальное коммюнике вермахта от 28 апреля гласило: «Наши войска *повернулись спиной* к американцам на Эльбе», до которой те только что дошли. Одновременно Дёниц отдал приказ прекратить подводную войну. «Стратегия» ликвидации западного фронта, начало которой было положено в Италии, продолжала осуществляться.

30 апреля немецкие эмиссары — на этот раз они не были эмиссарами Гимmlера — появились в Стокгольме. Они прибыли для того, чтобы сообщить тем лицам, которые захотели бы их выслушать, что главнокомандующий немецкими силами на северо-западном фронте генерал фон Буш готов капитулировать. Со своей стороны генерал сам вступил в непосредственный контакт с британским верховным командованием.

Довольно любопытно, что, хотя капитуляции в одинаковой мере желали и немцы, и англичане, обе стороны по одним и тем же соображениям в молчаливом согласии решили подождать с этим. Если бы капитуляция произошла немедленно, то северо-западная Германия, включая Шлезвиг-Гольштейн, осталась бы немецкой территорией и, следовательно, в конце концов перешла бы к русским, неудержимо наступавшим на запад. Они

¹ Lüdde-Neurath. Op. cit.

были уже в Берлине. Поэтому надо было предварительно остановить наступление русских, ускорив продвижение англичан к Любеку. Исходя из этого, немцы, предлагая свою капитуляцию, выдвигали в качестве условия предварительную оккупацию Любека англичанами, — условие, которое те охотно приняли. По этой же причине англичане хотели опередить русских, нисколько при этом не заботясь о таком препятствии, как Эльба, которую надо было форсировать. Одним словом, и англичане и немцы в одинаковой мере стремились «обезопасить [Шлезвиг-Гольштейн] от вступления советских войск»¹. Именно на этом куске территории обоснуется «правительство» «преемника» Гитлера, чтобы продолжать свои интриги.

Было решено направить официального эмиссара в ставку Монтгомери, когда его войска достигнут Любека. Это и было сделано без промедления. Переход через Эльбу не привел к столкновению с русскими. Эйзенхауэр согласовал со Сталиным, что эта река будет пределом для продвижения американских войск и лишь для британских войск на севере будет сделано исключение. Сталин, очевидно, не слишком опасался, что Монтгомери войдет в Берлин раньше Жукова.

Таким образом, задача нового немецкого «правительства» сильно облегчилась. Ситуация изменилась неожиданным образом: Гитлер предполагал сделать Шлезвиг-Гольштейн одним из трех главных «опорных пунктов», имея в виду сопротивление Германии до последнего. Между тем этот «опорный пункт» стал опорой совсем иного характера и был использован для иных целей. Именно здесь под покровительством англичан нашло убежище последнее немецкое «правительство».

Частичная капитуляция № 2

3 мая адмирал фон Фридебург, которого Дёниц назначил командующим военно-морским флотом рейха, появился в ставке Монтгомери в сопровождении офицера из штаба генерала фон Буша. Полученные им инструкции уполномочивали его вести переговоры с главным

¹ Chester Wilmot. Op. cit.

командованием английских войск о сепаратной капитуляции всех немецких войск на северо-западном участке фронта. Но немцы, ободренные, несомненно, прецедентом в Италии, а также рассчитывая на расположение к ним англичан, просили принять также капитуляцию тех немецких войск, которые бегут от русских. Последние 2 мая уже вступили в Берлин. Главным аргументом Фридебурга, по словам Монтгомери, было утверждение, что немцы не могут сдаваться русским — «дикарям!».

Очевидно, нельзя было ожидать, чтобы русские принимали их с распростертыми объятиями. Роберт Мэрфи замечает по этому поводу в своих мемуарах, что «солдаты вермахта знали, как плохо обращались со славянами в этой войне, и стремились сдаваться войскам западных держав, чтобы не попасть в руки русских, поляков, югославов и чехословаков».

Монтгомери отверг эту претензию немецкого эмиссара, зато он не имел ничего против того, чтобы принять сепаратную капитуляцию немцев на своем участке фронта. В своих мемуарах он особенно подчеркивает именно свой отказ Фридебургу в этой претензии, словно сама по себе сепаратная капитуляция была неважной деталью, вполне естественным решением. Если немецкие солдаты, сказал он Фридебургу, будут приходить по отдельности в расположение британских войск, их примут и будут обращаться с ними как с военнопленными.

Следует добавить, что Эйзенхауэр, как и в случае с Италией, полностью разделял точку зрения Монтгомери на частичную капитуляцию немецких войск на северо-западном фронте. Он уполномочил Монтгомери принять капитуляцию, не беспокоясь об общей капитуляции вермахта на всех фронтах, на западном и на восточном. При этом все также ссылались на то, что речь идет «о вопросах тактического порядка, входящих в компетенцию командующих на местах»¹.

В тот же день Фридебург возвратился во Фленсбург, чтобы сообщить Дёницу «добрую весть», а именно о согласии Монтгомери принять капитуляцию немецких войск на северо-западном фронте. Этот факт имел важное значение. Условия, поставленные Монтгомери, были сразу же приняты; и Фридебург на следующий день

¹ Eisenhower. Op. cit.

вновь прибыл в британскую ставку, снабженный на этот раз полномочиями подписать в тот же день, 4 мая, акт о капитуляции, касавшийся также немецких войск в Дании, Норвегии и Голландии.

Для немцев не составляло труда принять все условия. К тому же они и так добились, с молчаливого согласия, при соучастии Монтгомери, всего, чего хотели. Во время подписания акта о капитуляции было решено, что немецкие войска, сражавшиеся против русских, не будут допускаться в расположение британских войск, если они будут прибывать в виде «замкнутых соединений». Это позволило Монтгомери утверждать, будто его точка зрения возобладала. Но на деле все обстояло иначе. Это была игра словами. Прилагательное «замкнутый» оставляло немецким солдатам достаточно свободы для прихода в расположение англичан, где их вопреки всему приняли бы². «Фельдмаршал Монтгомери, — замечает в этой связи западногерманский историк Вальтер Гёрлиц, объясняя его великодушие, — был строгим пуританином... и не являлся другом большевиков».

Помимо этого, Монтгомери весьма охотно согласился с немцами подчеркнуть тот факт, что частичная капитуляция не накладывает ни на одну из сторон никаких обязательств относительно общей капитуляции на всех фронтах, на западе и на востоке. Поступая так, Монтгомери фактически опровергал англо-американский тезис, согласно которому частичные капитуляции, в Италии и на северо-западе, были действиями «тактического порядка», а это означало, что они составляли часть общей капитуляции.

Статья 5 соглашения, подписанного 5 мая в ставке Монтгомери, предусматривала следующее: «Настоящее соглашение носит *самостоятельный* характер и ни в коей мере не предрешает его замены другим документом *общей капитуляции* Германии и немецких вооруженных сил, который может быть составлен от имени союзных держав вместо настоящего соглашения».

Отделив, таким образом, столь категорически капитуляцию на своем фронте от общей капитуляции, Монтгомери стремился подчеркнуть *политический* характер прежней. Во время капитуляции в Италии русских при-

² Walter Görlitz. Op. cit.

влекли к участию, хотя бы лишь формально. В ставке Монтгомери не было и намека на присутствие русских. Москву даже не предупредили. В переписке военных лет между Черчиллем и Сталиным ничего нельзя найти по этому вопросу. Монтгомери забыл о своем обращении к войскам 18 февраля 1945 года. Тогда он говорил:

«Война вступила в свою конечную фазу. На протяжении этих нескольких лет бывали моменты, когда казалось невозможным, чтобы мы ее выиграли. Сейчас положение таково, что мы уже не можем ее проиграть. *Фактически огромные успехи наших русских союзников сделали победу достижимой для нас.* На участке фронта 21-й группы армий [войска, которыми командовал Монтгомери] мы готовы к последней фазе»¹.

Самым очевидным результатом второй частичной капитуляции был, согласно справедливому замечанию Честера Уилмота², «окончательный акт», то есть признание, молчаливое, но эффективное, фленсбургского островка, где смогло обосноваться «правительство» «преемника» Гитлера (вместе с верховным командованием вермахта, после того как ему неоднократно приходилось менять свое местопребывание в связи с продвижением русских), чтобы продолжать, сохраняя при этом полную свободу, маневрировать даже после общей капитуляции.

Смысл второй частичной капитуляции был подчеркнут Дёницем в его воззвании.

«Если мы, — писал он, — складываем оружие на северо-западе Германии, в Дании, в Норвегии и Голландии, то делаем это потому, что борьба против западных держав утратила смысл. *На востоке борьба продолжается.*»

Нельзя было более наглядно подчеркнуть это последнее обстоятельство. Немцы сдавались не потому, что у них не было другого выхода, а добровольно, чтобы способствовать прекращению войны и «повернуть фронт».

Тогда же, 5 мая, верховное командование вермахта сообщало в том же духе: «Приказ о капитуляции немецких сил на северо-западе был отдан Дёницем по-

¹ Сообщение агентства Рейтер 18 февраля 1945 года.

² Chester Wilmoth. Op. cit.

тому, что война против западных держав утратила смысл», и отмечалось также, что «*сопротивление Советам будет продолжаться*».

Короче, эта операция изображалась как «успех» немцев. Для Дёница она являлась «началом конца войны на западе». И он, по его собственному выражению, «извлек» из нее вывод. 6 мая он отдал приказ немецким войскам не оказывать сопротивления американским силам, продвигавшимся к Праге. (Что, отметим мимоходом, с некоторых пор и так уже имело место.) Именно так надо было понимать его «намерение как можно быстрее окончить войну на западе»¹.

¹ Karl Dönitz. Op. cit.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ТАЙНА» РЕЙМСА

Вторая частичная капитуляция немцев в том виде, в каком она произошла, была не чем иным, как новым этапом на пути к большой конечной операции, о которой мечтали во Фленсбурге: к сепаратной капитуляции на всем западном фронте. Эта операция, по внешнему виду военная, как и две предыдущие, должна была открыть широкие перспективы в политическом плане. Монтгомери резюмировал это в приказе, с которым он обратился к войскам по случаю их победы. «Мы выиграли войну против Германии, — объявлял он. — *Теперь речь идет о том, чтобы выиграть мир*».

«Выиграть мир» — эти слова становятся отныне ключевыми. Этот мир надо было выиграть, пока война еще не была окончена. Так как, если бы военные действия прекратились на позициях, занятых западными державами и русскими, мир не соответствовал бы представлениям о победе ни Англии, ни Соединенных Штатов. Можно было даже считать, что мир проигран для них.

Такой подход к оценке войны на ее последней стадии и перспектив мира был характерен для Черчилля, который выступал в роли непримиримого поборника идеи «выиграть мир» любой ценой, рискуя вызвать самые тяжелые осложнения и навлечь на себя самые большие опасности вплоть до открытого конфликта с русскими. Но эту точку зрения разделяли также некоторые американские круги и, в еще большей мере, немцы, прилагавшие все усилия в этом направлении. Так что союзники русских, которые фактически перестали ими быть, готовы были идти рука об руку с вчерашним врагом. И они продолжали действовать в этом духе и после войны — начиная с политического, экономического и военно-

го восстановления Германии, виновниками которого они были, до включения «нового германского» государства в состав «Европы», какой представлял ее себе «преемник» Гитлера.

Час истины

Именно с такими намерениями собирались перейти от частичных, местных капитуляций к сепаратной капитуляции на всем западном фронте.

Уже 3 мая, в тот самый день, когда Дёниц направил адмирала фон Фридебурга к Монтгомери, чтобы предложить ему капитуляцию немецких сил на северо-западном фронте, фельдмаршал Кессельринг, главнокомандующий немецкими силами на западном фронте, был уполномочен верховным командованием вермахта немедленно вступить в контакт с генералом Эйзенхауэром и направить своего эмиссара в штаб Эйзенхауэра в Реймсе для переговоров относительно капитуляции всех подчиненных Кессельрингу сил.

Кессельринг тотчас же предпринял этот демарш, но не добился успеха. Именно из-за характера сделанного предложения. Это был первый случай, когда вопрос о сепаратной капитуляции на западе ставился официально. Эйзенхауэр был совершенно не расположен вести переговоры на той основе, которую предлагали немцы.

Это было довольно-таки неожиданно. В кругах верховного командования вермахта имели довольно смутное представление о настроениях, которые царили в тот момент в штабе Эйзенхауэра. Было известно, что существовали тенденции, противоположные тенденции командующего и отражавшие настроения кругов, близких к Пентагону. Но невозможно было точно измерить значение этого влияния и роль, которую играл Эйзенхауэр. Его позиция во время двух предыдущих капитуляций была благосклонной. Поэтому командование вермахта было настроено довольно оптимистически.

Между тем, когда речь шла о тех капитуляциях, Эйзенхауэр отстаивал точку зрения, согласно которой они имели лишь тактическое значение. Поскольку на этот раз речь шла о капитуляции на всем западном фронте, вопрос стоял совершенно иначе — дело касалось капитуляции Германии. А в этом случае надо было вы-

бирать: или сепаратную капитуляцию на западе, или же соблюдать соглашения, заключенные союзниками в годы войны, то есть требовать общей безоговорочной капитуляции Германии.

Черчилль до этого времени безуспешно добивался торжества сепаратной капитуляции на западе. Для немцев она была единственным шансом. Он натолкнулся на сопротивление как в Вашингтоне, так и в штабе Эйзенхауэра. Лишь только «официально» был поставлен вопрос о сепаратной капитуляции, главнокомандующий американскими вооруженными силами воспротивился этому, ссылаясь на существующие соглашения. Вот каким образом были отвергнуты предложения Кессельринга.

Маневр немцев был слишком прозрачным. Демарш немецкого фельдмаршала носил, как в Италии и на северо-западе, сугубо военный и местный характер. Отвергнув его, Эйзенхауэр расстроил этот замысел и предложил Кессельрингу обратиться к своему «правительству». Только это «правительство» было, таким образом, полномочно обсуждать вопрос о капитуляции в том виде, в каком он на этот раз ставился. Ибо дело теперь носило исключительно политический характер. «Поскольку компетенция Кессельринга, — замечает по этому поводу Эйзенхауэр в своих мемуарах, — была ограничена западным сектором фронта», он ответил ему, что согласен вести переговоры лишь «на основе капитуляции всех немецких сил», как на востоке, так и на западе.

Маневр немцев потерпел полное крушение. Дёниц следующим образом описывает в своих мемуарах разочарование во Фленсбурге:

«Позиция Эйзенхауэра была совсем иной, чем у Монгомери». Он «не учитывал те изменения, которые произошли в политическом положении в мире». «Он не понял, что с форсированием Рейна американскими войсками Америка достигла своих стратегических целей». «На смену военной задаче пришла задача *политическая: освободить немецкие земли именно с помощью англо-американских войск*, дабы они не были оккупированы русскими». Именно в этом смысле «положение в мире должно было надолго измениться»¹.

¹ Karl Dönitz. Op. cit.

Сказано совершенно ясно. Для Дёница, как и для Черчилля, вина Эйзенхауэра заключалась в том, что он соблюдал соглашения, заключенные с русскими. Поступая таким образом, он недооценивал изменения положения в мире, которые произошли вследствие поражения Германии. Теперь речь могла идти лишь об «освобождении» немецкой территории англо-американцами, так как Германия должна стать после войны их союзницей.

Парадоксальные переговоры

После неудачи попытки Кессельринга для «правительства» во Фленсбурге не оставалось ничего другого, как поставить вопрос на реальную основу. Дёницу следовало самому взять на себя ответственность. Переговоры должны были касаться общей капитуляции.

Как только отрицательный ответ Эйзенхауэра Кессельрингу дошел до верховного командования вермахта, Дёниц вновь поручил Фридебургу, находившемуся в это время в ставке Монтгомери в Люнебурге, отправиться незамедлительно в Реймс. Адмирал прибыл туда в тот же день, 5 мая. Эмиссар фленсбургского «правительства» прибыл туда не затем, чтобы подписывать капитуляцию. Он не имел на это полномочий. Он просто должен был вести переговоры, и вести их ради достижения, вопреки всему, сепаратной капитуляции на западе. Немцы были упорны.

Фридебург должен был попытаться «заключить с Эйзенхауэром соглашение о частичной и чисто военной капитуляции перед американскими войсками», так как «соглашения, подписанные в Италии и на северо-западе, позволяли надеяться на успех»¹.

Без сомнения, штаб Эйзенхауэра нельзя было сравнить со штабом Александра или Монтгомери. Но климат в Реймсе был не менее странный. Ближайшие сотрудники командующего не разделяли его взглядов на общее положение, и в особенности на немецкую капитуляцию перед русскими.

¹ Lüdde-Neurath. Op. cit.

Любопытно, что немецкий уполномоченный не имел никаких прямых контактов с главнокомандующим¹. Он вел переговоры исключительно с начальником его штаба генералом Беделлом Смитом. Именно ему представился Фридебург по прибытии в Реймс. Немецкий эмиссар, прибывший для переговоров о капитуляции, так и не увидел лица человека, который должен был принять эту капитуляцию. И это не все. Эйзенхауэру еще предстояло исчезнуть в день подписания акта капитуляции.

Пытаясь объяснить этот парадокс, ссылались на чрезвычайную скромность Эйзенхауэра, не любившего подобные церемонии. Между тем его адъютант Гарри К. Бучер сообщает, что Эйзенхауэр был настроен подписать немецкую капитуляцию. Он даже прямо высказал такое пожелание в первый момент, когда Монтомгери сообщил ему по телефону 3 мая, что немцы готовы капитулировать². Объяснение, таким образом, не является удовлетворительным.

Переговоры между Фридебургом и Беделлом Смитом велись, несомненно, о капитуляции, но велись в такой форме, которую не допустил бы Эйзенхауэр, если бы он принимал в них непосредственное участие. Все происходило так, словно речь шла о новой частичной капитуляции, только в крупных масштабах, именно так, как того желали немцы.

Любезно предоставив Фридебургу возможность привести свои аргументы, Беделл Смит ответил в духе, свидетельствовавшем об аналогичных намерениях. «Война, — сказал он, — была проиграна [для Германии] с тех пор, как американцы перешли Рейн».

Эта циничная фраза означала, что война касалась в первую очередь американцев и немцев. Следовательно, только им предстояло урегулировать между собой вопрос о мире. Все было совершенно естественно: поскольку Германия потерпела поражение от Америки, то именно перед ней и должен был капитулировать вермахт.

В этом ошеломляющем, исключительно германо-американском диалоге о войне и победе начальник штаба

¹ Официальные американские документы, относящиеся к этому делу — одному из самых темных дел этого периода войны, — возможно, навсегда будут скрыты в архивах Вашингтона.

² См.: Harry C. Butcher. My three Years with Eisenhower. New York, 1946.

генерала Эйзенхауэра до такой степени утратил чувство реальности, что начисто забыл, что американцы, без сомнения, не только не форсировали бы Рейн, но и не высадились бы в Нормандии, если бы Гитлер не напал на Советский Союз, как это признал генерал Иодль перед Нюрнбергским трибуналом.

Игра испорчена

Возникает вопрос: не могли ли немцы выиграть партию и на этот раз, если бы Эйзенхауэр не испортил им игру? Как только ему сообщили о результатах первоначальных переговоров немецкого эмиссара с начальником его штаба, он напрямик дал знать Фридебургу, что примет только безоговорочную капитуляцию на всех фронтах, на востоке и на западе. Поэтому он разрешил адмиралу послать вестника во Фленсбург, чтобы потребовать присылки лица с настоящими полномочиями. Этот посланец, генерал Кинцель из делегации Фридебурга, тотчас же выехал. Капитуляция, задуманная таким образом, должна была быть подписана без промедления от имени адмирала Дёница в качестве главы немецкого государства и главнокомандующего вермахта. Итак, больше не должно было быть частичных капитуляций чисто военного характера.

Однако Эйзенхауэр остановился на полдороге. Он требовал общей капитуляции, но он готов был также принять капитуляцию немецких вооруженных сил с восточного фронта. Это фактически означало, что не будет действительной капитуляции этих войск перед русскими. Таким образом, как и при капитуляции в Италии, русские не участвовали в переговорах. Их оставили в полной неведении относительно того, что происходило между американцами и немцами при подготовке документа о капитуляции.

Дёниц немедленно созвал «военный совет», на котором присутствовали фельдмаршал Кейтель, генерал Иодль, «премьер-министр» и министр иностранных дел граф Шверин фон Крозик, а также два других генерала из верховного командования вермахта, чтобы выслушать посланца адмирала фон Фридебурга.

Его сообщение было лишь отчасти разочаровывающим: Эйзенхауэр отвергал сепаратную капитуляцию, но

зато согласен был практически принять капитуляцию всех немецких вооруженных сил — и восточных, и западных. Тем не менее в завязавшейся дискуссии все, по свидетельству Людде-Нейрата, пришли к согласию объявить неприемлемыми условия, поставленные Эйзенхауэром: «Предоставьте войска восточного фронта русским». Это означало, что они упрямо добивались сепаратной капитуляции на Западе.

Лично для Дёница это была неудача политического маневра, который он начал своими обращениями 1 мая к немецкому народу и к вермахту. На «макиавеллистское» предложение Дёница прекратить войну против англо-американцев, с тем чтобы продолжать ее против русских, Эйзенхауэр — согласно сообщению генерала Кинцеля — ответил, что это «старый нацистский трюк» с целью расколоть западные державы и русских.

Таким образом, партия была окончательно проиграна. Отказ Эйзенхауэра не оставлял больше простора для маневрирования. Приходилось довольствоваться тем, что удалось избежать публичной капитуляции перед русскими. Это было утешением для немецких генералов, которые могли считать, что их побили не русские, а другие. И американцам это льстило.

Было решено тогда послать в Реймс генерала Иодля; ему было разрешено согласиться на капитуляцию только перед западными державами¹. Он, разумеется, был снабжен всеми необходимыми полномочиями, но не должен был ничего подписывать без окончательного разрешения Дёница. Без сомнения, все еще надеялись, что прогерманские тенденции в окружении Эйзенхауэра в конечном итоге возобладают.

Иодль, прибывший в Реймс 6 мая, имел поручение «объяснить со всей откровенностью Эйзенхауэру [с которым он лично так и не встретился], почему капитуляция германских войск восточного фронта перед русскими является неприемлемой для немцев». Он должен был в особенности убедить его, что если немцы желают сепаратной капитуляции, то потому, что ни один немец, занимающий ответственный пост, не может отдать армии приказ капитулировать перед русскими, а также

¹ См.: L ü d d e - N e u r a t h. Op. cit.

потому, что, если даже такой приказ будет отдан, солдаты его не выполнят¹.

На первый взгляд это была необычная претензия, учитывая, что вермахт проиграл войну на востоке. Но, по сути дела, это был последний аргумент не только для того, чтобы избежать крайнего унижения немецкой армии, но прежде всего для того, чтобы любыми средствами добиться резкого сокращения линии фронта и оставить дверь открытой для всякого рода политических спекуляций. Немцы никогда не теряли из виду надежды «перекроить союзы», начав с «поворота фронта», что позволило бы им по возможности сохранить свой военный потенциал.

Оптимизм в кругах верховного командования вермахта доходил до такой степени, что там верили в успех «миссии» Иодля². 6 мая, в тот самый день, когда Иодль прибыл в Реймс, фельдмаршал Кейтель получил из Фленсбурга радиограмму с сообщением, что Эйзенхауэр, хотя он и заявил, что не примет никакой другой капитуляции, кроме безоговорочной капитуляции на всех фронтах, как на востоке, так и на западе, тем не менее, по-видимому, готов вести переговоры о частичной капитуляции немецких сил на западном фронте.

Немецкое правительство, как должен был заверить Иодль Эйзенхауэра, в состоянии гарантировать точное выполнение капитуляции на западе. Американцы оказали бы ему содействие, отказавшись от требования об одновременной капитуляции немецких войск на всех фронтах. А пока Иодль должен был попытаться выиграть время, чтобы дать возможность перебросить значительную часть немецких войск с восточного фронта на запад.

«Хитрость» ясна. Все строится на идее разделения фронтов. «Гарантировать» капитуляцию на западном фронте означало, что немцы будут удерживать восточный фронт, ведя там бои. Война будет продолжаться на востоке, в то время как на западе она прекратится. И неминуемым следствием этого явится разрыв между англо-американцами и русскими.

¹ См.: Lüdde-Neurath. Op. cit.

² Ibid.

Разочарование Иодля

Так обстояло дело у немецкой стороны. Но в штабе Эйзенхауэра, где, казалось бы, все должно было быть просто и ясно, ибо речь шла о капитуляции побежденных перед победителями, царила атмосфера таинственности.

Следует прежде всего отметить первый поразительный факт: немецкий делегат, прибывший в Реймс для подписания капитуляции, так и не встретился лично с Эйзенхауэром. Он ни разу не видел его во время своего кратковременного пребывания в Реймсе. Переговоры он вел исключительно с начальником штаба Эйзенхауэра. Это тем более любопытно, что генерал Иодль прибыл для подписания капитуляции, а между тем он «вел переговоры» с генералом Беделлом Смитом. У Иодля были даже с ним «длительные» беседы, к тому же беседы, не касавшиеся капитуляции.

Согласно сообщению, посланному Эйзенхауэром в министерство обороны в Вашингтоне 6 мая, после первой беседы Иодля с Беделлом Смитом немецкий генерал заявил своему американскому собеседнику, что, «каким бы ни был» ответ главнокомандующего американскими силами на последние предложения эмиссара фленсбургского правительства, Дёниц собирается «отдать приказ» всем немецким войскам, находящимся на западном фронте, «прекратить огонь и отказываться стрелять по британским и американским войскам». Что, кстати, и было тем временем сделано. Немцы старались создать впечатление, что ведут переговоры с американцами на равной ноге, как будто у них было что предложить взамен того, что они требовали.

Действительно, беседы Иодля с Беделлом Смитом носили такой характер, что после первой встречи обоих генералов у немца сложилось впечатление, что начальник штаба Эйзенхауэра расходится с последним во мнениях и что если в Реймсе не все пойдет хорошо для Германии, то исключительно по вине Эйзенхауэра.

В докладе, представленном по возвращении Дёницу, Иодль заявлял, что после того, как он выслушал генерала Беделла Смита, он надеялся избежать капитуляции на востоке. Надежда эта, однако, «рухнула» в результате резкого вмешательства Эйзенхауэра, предпринятого

в «императивной» форме. Главнокомандующий, согласно все тому же докладу Иодля, был «непреклонен» и «резок». Он «в значительной мере» помешал своему начальнику штаба, который проявил «гораздо больше понимания».

Конец надеждам

При таких обстоятельствах немцам не удалось добиться на западном фронте того двойного успеха, которого они легко достигли в Италии и на северо-западе. Всю ответственность за это они возлагали на Эйзенхауэра.

После этой неудачи им оставалось добиваться только одного: переброски максимального количества немецких войск с востока на запад. Они попросили отсрочить на четыре дня подписание капитуляции, на что Беделл Смит охотно дал свое согласие Иодлю. Но и здесь Эйзенхауэр показал себя «непреклонным».

«Мы полностью отдавали себе отчет, — писал Эйзенхауэр по этому поводу в своих мемуарах, — что немцы продолжали стараться выиграть время, чтобы перебросить в наше расположение возможно большее число своих солдат с восточного фронта».

Согласно докладу, представленному Иодлем Дёницу по своем возвращении из Реймса, — докладу, о котором уже говорилось выше, Эйзенхауэр угрожал также отдать приказ стрелять по всем немецким солдатам, даже если они будут в одиночку появляться перед американскими позициями, чтобы сдать в плен. (В этом вопросе он был менее великодушен, чем Монтгомери.)

В этих условиях Иодль был вынужден признать, что переговоры закончены. Он передал радиogramму во Фленсбург, чтобы сообщить об окончательной неудаче переговоров и попросить у Дёница, как это было предусмотрено ранее, окончательного разрешения подписать капитуляцию. Эта плохая весть пришла во Фленсбург после полуночи, в четверть первого 7 мая. Эйзенхауэр настаивал на том, чтобы немцы без промедления подписали полную и безоговорочную капитуляцию. В противном случае переговоры будут прерваны.

«Я не вижу иной альтернативы, кроме хаоса или подписания», — добавлял он, выражая свое собственное

мнение. Он просил, чтобы ему немедленно подтвердили по радио, что он «имеет все полномочия для подписания капитуляции». Последняя должна будет тотчас же вступить в силу, и военные действия прекратятся 9 мая в 00 часов.

Это было крушение всех надежд немцев. Их маневры, интриги и «хитросплетения» были расстроены. Единственное, что усвоили в верховном командовании вермахта из сообщения Иодля по радио, — срок, назначенный для прекращения военных действий.

Оставалось как-никак 48 часов, чтобы «спасти еще значительную часть немецких войск на востоке»¹.

Иодль получил радиограмму с разрешением Дёница. В 2 часа 45 минут 7 мая он подписал капитуляцию всех немецких вооруженных сил, наземных, морских и воздушных, на всех фронтах. Как только в 10 часов 45 минут этот документ был получен верховным командованием вермахта, он был немедленно передан по радио и по телефону всем немецким соединениям во всех концах Европы. Армия Гитлера сдавалась все же американскому генералу.

¹ Lüdde-Neurath. Op. cit.

ПОДМЕНА КАПИТУЛЯЦИИ

Здесь начинается другая, бесконечно более темная и более неправдоподобная история. Апофеоз победы довел невероятность этой истории до высшего предела.

В принципе акт капитуляции не должен был породить никаких проблем. Все было давно согласовано между «великими союзниками». Формула безоговорочной капитуляции исходила от Рузвельта, уговорившего Черчилля на конференции в Касабланке в феврале 1943 года принять ее. Последний сделал это, впрочем, не без некоторых недомолвок; Сталин позднее без всяких возражений присоединился к этой формуле.

Документ, содержащий договор о капитуляции, был составлен Европейской консультативной комиссией (ЕКК), заседавшей в Лондоне; это была межсоюзническая организация, созданная для подготовки мирного договора с Германией после ее поражения. По условиям этого документа капитуляция Германии должна была быть безоговорочной и одновременной на всех фронтах, на востоке и на западе. Немецкие армии должны были оставаться на месте и сложить оружие перед тем противником, который противостал им.

Нежелательная капитуляция

Между тем с приближением окончательной победы сам принцип безоговорочной капитуляции был поставлен под вопрос как англичанами, так и американцами. Они полагали, что этот принцип, толкая немцев на сопротивление до последнего, тем самым приводит к затяжке войны. Но за этим внешне логичным и как будто дельным тезисом скрывались другие соображения, преимущественно политического характера.

Прежде всего этот тезис был выдвинут в такой момент, когда не могло быть и речи ни о какой затяжке войны. Катастрофа вермахта была столь же очевидной, сколь и неизбежной. «Конец войны был виден», он был лишь «вопросом дней», замечает генерал Эйзенхауэр в своих мемуарах, ссылаясь на военные события апреля 1945 года.

С другой стороны, из мемуаров еще одного американца, Роберта Мэрфи — о нем мы уже слышали, — нам известно, что британские офицеры (в штабе Эйзенхауэра) открыто обсуждали со своими американскими коллегами целесообразность безоговорочной капитуляции в условиях, когда немцы были готовы сложить оружие. Риск продолжения войны был столь ничтожен, что военные занимались главным образом политикой.

Трумэн в свою очередь идет еще дальше в своих мемуарах.

«В этот период [то есть в период, когда поражение вермахта было близким] Германия, — пишет он, — подверглась огромным разрушениям, но разрушения даже подобных масштабов не обязательно означали военное поражение. Необходимо было добиться крушения всех организованных усилий со стороны армии, полного развала, и именно этот развал союзники хотели сделать наглядным для немецкого народа». *Между тем именно такого полного развала немецкой армии стремились избежать те, кто пытался саботировать принцип безоговорочной капитуляции.* И Трумэн добавляет, без сомнения желая показать, что те, кто «саботировал», едва не преуспели: «Я не уверен, что мы добились бы ее [безоговорочной капитуляции], если бы немцы сумели остановиться вовремя, если бы Гитлер раньше понял, что он проиграл, и позволил новому правительству взять власть, чтобы подчиниться союзникам»¹.

¹ Согласно книге Аллена Даллеса («Germany underground»), который с 1942 года и до конца войны в качестве главы американской разведывательной службы в Швейцарии находился в контакте с заговорщиками, организовавшими 20 июля 1944 года покушение на Гитлера, их политическая программа предусматривала: сепаратную капитуляцию немецких войск на западном фронте, чтобы тем самым открыть «путь для оккупации Германии американскими и британскими войсками, в то время как русских на восточном фронте продолжали бы сдерживать».

См. по этому вопросу также: Gerhard Ritter. Karl Gördele und die deutsche Widerstandsbewegung, 1954.

В этих нескольких строках Трумэн отмечает самый опасный момент войны. Это был как раз тот момент, когда определенные лица «саботировали» — выражение президента — безоговорочную капитуляцию Германии, чтобы позволить ей избежать полного поражения. Эти лица, несомненно, достигли бы своей цели, если бы немцы не упустили случая. Дело было именно в них, так как они в свою очередь должны были действовать. Именно таков был замысел, когда организовывали заговор 20 июля 1944 года против Гитлера. Идея политического главы заговора, доктора Герделера, заключалась в решении «по образцу Бадольо» в Италии, что позволило бы Германии выйти из войны и превратить войну в антибольшевистский «крестовый поход» с участием самой Германии.

Активность тех, кто «саботировал» безоговорочную капитуляцию, легко объяснима. Их занимала преимущественно политика. Поскольку война была почти окончена, они думали о послевоенном периоде. Под предлогом необходимости для союзников «избежать гибели человеческих жизней» они хотели избавить Германию от полного развала. Ибо они уже рассматривали эту страну как фактор послевоенного «равновесия в Европе». Чем ближе была победа, тем сильнее становилась в Лондоне и Вашингтоне тенденция уберечь немцев и сохранить промышленный и военный потенциал Германии.

Документ о капитуляции

Теоретически было два документа о капитуляции, но в действительности существовал только один — тот, который был выработан Европейской консультативной комиссией и помечен датой 25 июля 1944 года. Второй документ представлял собой полное воспроизведение текста первого с поправками, внесенными «большой тройкой» во время конференции в Ялте. Из этих двух документов был действительным только первый, который был одобрен британским, американским и советским правительствами. Согласия по исправленному варианту текста еще не было достигнуто между правительствами, и до этого оставался в силе первоначальный текст.

Среди упомянутых поправок только одна имела важное значение. Она не имела никакой связи с капитуля-

цией Германии, но касалась важного вопроса, разделявшего англо-американцев и русских, — вопроса о «раздроблении» Германии после ее поражения. Под прикрытием «раздробления» Германии Англия и Соединенные Штаты хотели разделить ее, с тем чтобы полностью предотвратить возможность советского влияния на нее. Как известно, это была идея сепаратного западногерманского государства, которое предполагали впоследствии включить в политическую и военную систему Запада. В то же время русские защищали единство Германии, они хотели расстроить планы Лондона и Вашингтона и обеспечить контроль над всей страной в соответствии с соглашениями относительно раздела Германии на зоны оккупации, заключенными «большой тройкой» в ходе войны.

Вот почему англо-американцы стремились включить упомянутую поправку в первоначальный текст капитуляции, а русские этому противились.

Таким образом, когда немцы запрашивали о возможности сложить оружие, единственным официальным документом, на который надо было ссылаться, был документ от 25 июля 1944 года, выработанный Европейской консультативной комиссией и одобренный «большой тройкой», без поправок, внесенных в Ялте. Европейская консультативная комиссия переслала в марте 1945 года из Лондона в штаб Эйзенхауэра в Реймсе текст именно этого документа.

Метаморфозы документа

Именно с этого момента начались необычайные приключения этого документа. Соглашение о капитуляции, подписанное 7 мая в 2 часа 45 минут утра, не было тем соглашением, которое выработала Европейская консультативная комиссия. Этот документ в последнюю минуту был заменен другим, по внешней видимости «импровизированным», при чрезвычайно неясных обстоятельствах, который, во всяком случае, не имел абсолютно ничего общего с первоначальным документом.

Каким образом это стало возможным? И зачем это понадобилось? Выдвигалось много объяснений этого происшествия, более или менее фантастических, но единст-

венным заслуживающим внимания является то, которое дает в своих мемуарах одно чрезвычайно ответственное лицо, политический советник генерала Эйзенхауэра Роберт Мэрфи¹.

Это он получил в марте 1945 года из Лондона документ с текстом капитуляции, составленным Европейской консультативной комиссией, в голубом конверте, который он тотчас же передал генералу Беделлу Смиту. (Что, заметим мимоходом, доказывает, что законность этого документа единогласно признавалась союзниками, ибо присланный документ предназначался для подписания капитуляции Германии.)

Между тем, когда Мэрфи ознакомился в ночь с 6 на 7 мая с подписанным текстом, он был, по его собственному выражению, «ошеломлен». Он тотчас же «констатировал», что подписанный текст не совпадал с тем, который он получил из Лондона в марте. Поэтому, несмотря на поздний час, он немедленно позвонил по телефону генералу, чтобы запросить его о том, что же произошло.

Сначала генерал бормотал нечто невнятное. Он ничего не помнит, он никогда не видел никакого документа о капитуляции. Однако Мэрфи настаивал, уточнив, что он лично передал ему в марте большой конверт голубого цвета, в который был вложен упомянутый документ, и речь идет об официальном тексте соглашения о капитуляции, одобренном всеми союзниками. Только после этого генерал, «совсем проснувшись, облачился в свой мундир и бросился в штаб», куда явился также и Мэрфи.

Они обшарили ящики с секретными документами, но ничего не нашли. «Обремененный тысячью забот чрезвычайной важности», добавляет Мэрфи, (наивно) пытаясь оправдать генерала, Беделл Смит «проявил рассеянность».

Но эта ошеломляющая история выходит за пределы всякого неправдоподобия и представляет множество удивительных сюжетов, один необычнее другого.

Начнем с Мэрфи. Возникает вопрос, почему политический советник Эйзенхауэра ознакомился с текстом подписанного документа только после окончания церемонии подписания? Церемония, утверждает он, носила

¹ Robert Murphy. Op. cit.

«чисто военный» характер, и ввиду этого факта политический советник Эйзенхауэра на ней не присутствовал. Но каким образом Мэрфи мог до последней минуты не знать текста, который должен был быть подписан, когда этот документ на протяжении нескольких дней обсуждался в штабе? Каким образом это оказалось возможным, учитывая, что он был самым влиятельным человеком в штабе? Можно ли объяснять отсутствие Мэрфи во время церемонии подписания тем фактом, будто он полагал, что текст, который будет подписан, является текстом, полученным им в марте из Лондона и переданным тогда же генералу Беделлу Смитсу? Или же он был попросту отстранен от участия военными и сознательно замалчивает подлинные факты в своих мемуарах?

«Забывчивость» генерала Беделла Смита

Еще один удивительный сюжет. Допустим, что Беделл Смит совершенно забыл о том, что получил в марте какой-то документ от Мэрфи, и по этой причине, опять-таки по рассказу Мэрфи, «предписал трем своим офицерам составить проект в соответствии со всеми *разрозненными документами, валявшимися в штабе*».

Первый вопрос, который возникает при этом: каким образом начальник штаба Эйзенхауэра, перед которым стояла столь важная проблема, не подумал о необходимости проинформировать своего главнокомандующего, свое правительство, межсоюзническую организацию? Почему он по собственной инициативе взялся «соорудить» с помощью трех своих подчиненных текст для данного случая, делая вид, будто не знает о тексте, подготовленном специальной межсоюзнической организацией? Или он, будучи «человеком» тех тайных сил, которые вели игру в Вашингтоне и Лондоне, чувствовал себя до такой степени защищенным, что позволил себе действовать по своему усмотрению при столь серьезных и торжественных обстоятельствах?

При всех обстоятельствах как могли события не освежить отказавшую память начальника штаба Эйзенхауэра с тех пор, как немцы начали разговор о капитуляции? И как могла не прийти ему в голову мысль о необходимости серьезно заняться документом о капитуля-

ции, когда он вступил в переговоры с немцами? И каким образом он, оказавшись перед необходимостью представить для подписания документ о капитуляции, ни разу не полюбопытствовал спросить у Мэрфи, не существует ли такого документа? И почему, прежде чем поручать трем своим офицерам составление текста, он не обратился к тому же Мэрфи или в Вашингтон?

Разве не было бы проще и логичнее, если бы генерал обратился к Мэрфи по вопросу подготовки документа о капитуляции? Тогда политический советник Эйзенхауэра напомнил бы ему о существовании голубого конверта и подлинный документ был бы найден. И даже если бы этот документ остался «ненайденным», как это произошло постфактум, то была бы поднята тревога в Вашингтоне или Лондоне, и все могло бы пройти нормально.

Здесь мы подходим к сути этой истории. Политического советника Эйзенхауэра, очевидно, отстранили от всего дела до момента подписания капитуляции. Невозможно допустить, чтобы Беделл Смит, поручая трем своим офицерам подготовить текст документа о капитуляции, не призвал бы им на помощь политического советника командующего, роль которого именно в этом состояла. Еще труднее допустить, что эти трое офицеров, которые были совсем не подготовлены для выполнения подобной задачи, не обратились бы к Мэрфи, когда, по его собственным словам, они «рылись» в «разрозненных» документах, «валявшихся» в штабе.

И это еще не все. Военные не могли обойтись без политического советника командующего. В штабе не «валялись» «разрозненные» документы, в большей или меньшей степени относившиеся к капитуляции Германии, которыми могли бы руководствоваться три офицера Беделла Смита для изготовления своего собственного текста. Там имелся всего один документ такого рода: подлинный текст соглашения о капитуляции, присланный из Лондона в марте 1945 года. Следовательно, чтобы составить новый текст, абсолютно необходимо было обратиться к первоисточнику, а при этом невозможно было бы игнорировать Мэрфи.

Отсюда можно сделать вывод, что политический советник Эйзенхауэра, а следовательно, и сам главнокомандующий были *сознательно и преднамеренно* отстра-

нены от редактирования окончательного текста соглашения о капитуляции, которым должны были подменить первоначальный текст. Это было сделано, поскольку Мэрфи был единственным человеком, который мог расстроить игру уже одним только своим присутствием. Ибо те, кто вел эту игру в Вашингтоне и Лондоне при соучастии «своих людей» на месте, в штабе Эйзенхауэра, особенно генерала Беделла Смита, считали такую подмену абсолютно необходимой¹.

Исчезновение Эйзенхауэра

Это удивительное исчезновение важнейшего официального документа следует рассматривать, так сказать, в свете поведения генерала Эйзенхауэра в последние дни войны, когда весь западный мир видел в нем и чествовал его как мастера победы.

Самым поразительным фактом, помимо того, что Эйзенхауэр не принимал прямого участия в переговорах с немцами, останется его полное самоустранение в момент подготовки документа о капитуляции, когда начальник его штаба играл более чем подозрительную роль.

Как получилось, что этот генерал, пусть даже он и являлся начальником штаба, смог взять на себя ответственность в столь серьезном деле, не доложив о нем своему начальнику? Более того, допуская даже, что Беделл Смит намеренно оставил в неведении командующего, каким образом получилось, что последний сам не заинтересовался и не задал Беделлу Смиту несколько вполне естественных вопросов относительно капитуляции немцев, текста, который предстояло подписать, и т. д.?

Совершенно очевидно, что в том и другом случае беда коснулась бы этого документа. Эйзенхауэр должен был знать о его существовании. Но если и он страдал потерей памяти, он должен был обязательно обратиться к своему политическому советнику Роберту Мэрфи.

¹ Согласно Аллену Даллесу (см. его уже упомянутую книгу), образцом при составлении документа о капитуляции, подписанного в Реймсе, послужил текст акта о капитуляции немецкой армии в Италии, подписанного в Казерте. Это означает, что текст документа при всех обстоятельствах не был «импровизированным».

Вспомнили бы об официальном документе из Лондона, и не возникало бы вопроса ни о каком другом документе.

Поэтому спрашивается, был ли Эйзенхауэр оставлен в полнейшем неведении относительно фактов своим начальником штаба, что маловероятно, или у него были основания отстраниться, что гораздо вероятнее.

В действительности его личное положение было щекотливым и двусмысленным. Он не мог не знать обо всем, что творилось вокруг него, до такой степени, чтобы внезапно оказаться перед «свершившимся фактом» подписания текста капитуляции, о котором он не имел ни малейшего представления. Так что Эйзенхауэру приходилось выбирать между двумя одинаково неблагоприятными ролями: изобразить из себя жертву неожиданной интриги или стать молчаливым соучастником.

Вот по какой причине он обходит полным молчанием это дело в своих мемуарах. Если бы он написал об этом, не затрагивая сути дела, он оказался бы в таком же смешном положении, как и его бывший политический советник. В противном случае он был бы обязан разоблачить скандал, за который он, как бы то ни было, несет полную ответственность. Каким образом смог бы он объяснить, что в этот решающий момент войны у него не было никаких контактов с Вашингтоном?

Эту совершенно недопустимую ситуацию можно резюмировать следующим образом. В то время как документ о капитуляции, который предстояло подписать, должен был являться главным предметом обсуждения в штабе Эйзенхауэра и контактов с Вашингтоном, все оставалось в полнейшем неведении относительно того, что происходит, до того момента, пока не появился внезапно другой документ, о котором никто ничего не знал и никогда не слышал!

Чтобы оценить истинные размеры этой грандиозной аферы, следует знать, что интрига не ограничивалась штабом Эйзенхауэра, ее нити тянулись в Вашингтон, а также, разумеется, в Лондон. По утверждению Мэрфи, государственный департамент не информировал его относительно существования соглашения о капитуляции, одобренного всеми союзниками. Это означает, что документ, подготовленный и подписанный Европейской консультативной комиссией, не существовал в глазах аме-

риканского правительства, в момент подписания капитуляции. Более того, государственный департамент не послал даже в Реймс текста документа, который предстояло подписать 7 мая! Он предоставил это сделать своим военным на месте.

Что же случилось с голубым конвертом, в который был вложен текст, полученный Мэрфи 25 марта 1945 года, — текст, который, как это хорошо было известно политическому советнику Эйзенхауэра, предназначался для подписания? Или государственный департамент не был в курсе дела? Но если это было так и если к моменту подписания капитуляции не существовало никакого документа, который предстояло подписать, то почему государственный департамент предоставил военным из штаба Эйзенхауэра заботу о составлении такого документа на месте?

И опять встает все тот же вопрос: каким образом все это оказалось возможным?

ОБ ОДНОЙ ВЕСЬМА СОМНИТЕЛЬНОЙ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ИСТИНЕ»

Если верить Роберту Мэрфи, его версия дела с документом о немецкой капитуляции соответствует «исторической истине». Это равносильно утверждению, будто единственной причиной всего этого странного дела была внезапная утрата памяти одним человеком — начальником штаба генерала Эйзенхауэра генералом Беделлом Смитом.

Но эта версия [Мэрфи], как слишком наивная, по видимому, была изобретена, чтобы выгородить дипломатов государственного департамента, которых, как мы увидим, военные сделали посмешищем, а также чтобы оправдать свою собственную роль в этом деле и роль, сыгранную его начальником, генералом Эйзенхауэром.

Историческая истина заключается в другом.

Совершенно очевидно, что ни в коем случае не могло быть и речи о простой «забывчивости» при подобных обстоятельствах.

Человек, слишком сведущий

Для того чтобы принять хотя бы в какой-то степени версию Мэрфи, следовало бы допустить, что генерал Беделл Смит действовал — вольно или невольно, — не поддерживая никаких контактов ни с одним лицом, способным напомнить ему то, о чем он «забыл». На деле это означало бы, что, когда он поручал трем офицерам своего штаба составить текст документа о капитуляции, он ни о чем не знал, никем не был предупрежден, никогда ничего не слышал об известном документе о капитуляции, давно подготовленном в Лондоне, а также о

дискуссиях между Лондоном, Вашингтоном и штабом в Реймсе, предметом которых являлся этот документ. Коротко говоря, генерал Беделл Смит, который должен был подписать капитуляцию, не имел ни случая, ни возможности серьезным образом заняться документом, который он собирался подписывать!

Генерал располагал пятью днями для ознакомления с этим текстом: с 3 мая, дата, когда Монтгомери сообщил Эйзенхауэру, что немцы готовы капитулировать, до 7 мая. В течение всего этого времени он вел переговоры с немцами и не помышлял связаться с Вашингтоном относительно официального документа о капитуляции, с тем чтобы в конце концов сфабриковать свой собственный документ!

Именно начальник штаба Эйзенхауэра имел на это меньше всего прав. Мы увидим, какова была причина того, что с этого времени каждую минуту следовали друг за другом необычайные события, предшествовавшие капитуляции. Все это мы узнаем благодаря свидетелю, гораздо более серьезному и достойному доверия, чем Роберт Мэрфи, а именно американскому профессору Филипу Мосли, в тот период замещавшему посла Соединенных Штатов в Лондоне Вайнанта в Европейской консультативной комиссии, в составе которой он представлял американское правительство. (Напомним, что эта комиссия подготовила предназначавшийся для подписания документ о капитуляции.)

Следует вернуться к этому документу, чтобы лучше понять, почему ему, в конце концов, была уготована такая судьба. В этот момент речь шла только об этом документе, и генерал Беделл Смит был *полностью в курсе дела*.

5 мая, за два дня до того, как была подписана капитуляция Германии, и в то время, как переговоры с немцами в Реймсе были близки к завершению, Вайнант телеграфировал генералу из Лондона, объясняя ему мотивы, по которым следовало принять во внимание текст, подготовленный Европейской консультативной комиссией. Следует подчеркнуть, что высшая авторитетная союзническая организация, уполномоченная высказаться по данному вопросу, действительно считала документ, который она подготовила, имеющим законную силу. И из разговора Вайнанта с Беделлом Смитом по телефону,

как его передает Филип Мосли в своей книге¹, вытекает, что американский посол настаивал на этом факте, поскольку текст с поправками, внесенными в Ялте, не был принят «большой тройкой» и, следовательно, не имел законной силы.

Ловкость рук

Между тем именно в этом вопросе была заложена большая двусмысленность, желанная и заранее предусмотренная! Оказалось, что в действительности документ Европейской консультативной комиссии не был признан в Реймсе, с тем большим правом, что его не признавали более в Вашингтоне. Из чего следует, что Беделл Смит, утверждая, будто он «забыл» об этом документе, присланном из Лондона в марте 1945 года в штаб Эйзенхауэра, игнорировал его намеренно. И если он заменил его другим документом, то лишь потому, что считал себя вправе действовать совершенно свободно и, возможно, поступал так даже с согласия Вашингтона.

Ответ Беделла Смита на телефонный вызов Вайнанта 5 мая доказывал, что в Реймсе очень хорошо знали официальный текст документа капитуляции, выработанный Европейской консультативной комиссией, но не были осведомлены о тексте, в который были внесены исправления во время конференции в Ялте. И не без основания! Этот текст в Реймс никогда не присылали, считая его не имеющим силы, поскольку поправка к нему не была одобрена всеми членами «большой тройки».

Однако в Реймс, как уточнил в своем ответе Беделл Смит, официальный лондонский текст не был прислан из Вашингтона. Более того, в Реймсе не была получена инструкция относительно использования этого документа. Отсюда и двусмысленность. Вашингтон давал понять Реймсу, что лондонский документ не следует подписывать, имея при этом в виду исключительно ялтинский текст с поправками, не имеющий силы. Генерал Беделл Смит со своей стороны считал себя вправе составить новый документ с учетом, само собой разумеется, по-

¹ Philip Mosely. Dismemberment of Germany. The Allied negotiations from Yalta to Potsdam. (Foreign Affairs, april 1950.)

желаний Вашингтона. Вот каким образом был окончательно отвергнут официальный лондонский текст.

Это было сделано просто для того, чтобы проташить идею, содержащуюся в поправке к официальному тексту, которую не вправе были принимать во внимание.

Прежде чем пойти к цели окольным путем, англо-американцы предприняли последнее усилие, чтобы достичь ее нормальными средствами, то есть включить в лондонский официальный текст поправку, внесенную на конференции в Ялте относительно «раздробления Германии», в том смысле, как они это понимали.

Еще 5 мая на заседании Европейской консультативной комиссии Вайнант попытался убедить советского представителя Гусева в необходимости добиться одобрения советским правительством формулы о «раздроблении Германии». Так что, если бы это требование было принято Москвой, не было бы «забывчивости» генерала Беделла Смита и в Реймсе все протекало бы нормально. Был бы подписан документ, разработанный Европейской консультативной комиссией, с поправками, внесенными в Ялте.

Именно вследствие окончательного отрицательного ответа Москвы Вайнант предупредил Беделла Смита, что следует подписать документ, составленный Европейской консультативной комиссией, без поправок. Но начальник штаба Эйзенхауэра сделал отсюда совсем другой вывод. Он «забыл» об этом документе и велел составить другой, в котором была учтена спорная поправка.

Ключ к «тайне» Реймса

Мы видели, что генералу Беделлу Смиту была предоставлена полная свобода переделать по своему усмотрению предназначенный для подписания документ о капитуляции. Но он не мог приступить к подобной операции на свой страх и риск. Разве речь шла не о том, чтобы совершенно не считаться с русскими? Конечно, генерала прикрывал Вашингтон. Но надо было, чтобы кто-нибудь сделал решающий шаг и взял бы на себя в конечном счете всю ответственность. Такое *вмешательство свыше* осуществил Черчилль.

Во время заседания 5 мая Европейской консультативной комиссии неожиданно обнаружилось новое обстоятельство, которое совершенно нейтрализовало деятельность комиссии и предопределило осуществление новой процедуры в Реймсе.

Во время обсуждения британский представитель сэра Уильям Стрэнг был вызван Черчиллем в его резиденцию. В тот же вечер стало известно, что премьер-министр имел длительную беседу по телефону с генералом Бедделлом Смитом, в ходе которой было решено *заменить документ, выработанный Европейской консультативной комиссией, другим, который будет составлен на месте, в штабе в Реймсе*¹.

Вот при каких обстоятельствах официальный документ, одобренный «большой тройкой» для подписания капитуляции Германии, был подменен новым текстом, о котором русские не имели никакого представления.

Следует, однако, добавить, что Черчиллю не стоило никакого труда договориться с начальником штаба Эйзенхауэра. Если верить еще одному американскому дипломату, Чарлзу У. Тайеру, то уже длительное время происходил обмен мнениями именно в этом духе между штабом Эйзенхауэра и Пентагоном. Создается даже впечатление, по мнению того же американского дипломата, что текст, окончательная редакция которого была сделана в Реймсе, вовсе не был «импровизированным», но имел «странное сходство с предложениями, сделанными военными в Лондоне *за год до этого*»².

Говоря яснее, это означает, что текст документа о капитуляции, в конечном итоге подписанного, содержал поправку, которую англо-американцы длительное время пытались заставить принять русских.

Из рассказа об этом необычайном деле запомним следующие факты:

что махинация была заранее задумана;

что 5 мая, когда было решено «сымпровизировать», так сказать, «ввиду спешки» текст документа о капитуляции, который предстояло подписать, немецкий делегат генерал Йодль еще не прибыл в Реймс;

что все это происходило между штабом в Реймсе (хотя и без прямого участия Эйзенхауэра) и Пентагоном

¹ См.: Philip Mosely. Op. cit.

² Charles W. Thayer. The Inquent Germans. New York.

при молчаливом соучастии государственного департамента и при полном участии Лондона.

Что касается государственного департамента, было бы неправильно принимать всерьез рассказы о его роли в этом деле. Дипломатов, дескать, отстранили, «сделали посмешищем» военные, которые вели игру. Согласно Филипу Мосли, военные оставили их в полном неведении относительно того, что происходило между Пентагоном и штабом в Реймсе. Подмена документа Европейской консультативной комиссии другим текстом была-де настоящим «сюрпризом» для государственного департамента. 9 мая, то есть уже после подписания, государственный департамент потребовал от Вайнанта объяснений относительно того, что произошло с документом Европейской консультативной комиссии и по какой причине. Как утверждают дипломаты, им не дали в министерстве обороны никаких разъяснений по этому вопросу! Им сказали, будто ничего не известно ни о происхождении документа, подписанного в Реймсе, ни о причинах отказа от текста, подготовленного Европейской консультативной комиссией.

Как можно утверждать, будто государственный департамент не играл никакой роли в этой комедии? Каким образом судьба документа Европейской консультативной комиссии могла оказаться для него «сюрпризом», когда, как мы видели, сам государственный департамент не послал этот документ в Реймс и даже воздержался от того, чтобы дать инструкции на счет его использования? Разве не государственный департамент, поступая подобным образом, разрешил Реймсу переделать документ, который предстояло подписать?

Ни недостатки дипломатической службы Вашингтона, которые часто отмечают, ни соперничество между Пентагоном и государственным департаментом не могут служить удовлетворительным объяснением этой путаницы, в которой, казалось, нельзя было разобраться. Факты говорят сами за себя. Без сомнения, государственный департамент, не желая обострять свои отношения с Москвой, счел более «дипломатичным» стать «посмешищем» по вине военных, нежели создавать у русских впечатление о своем соучастии в интриге, затеянной в Реймсе.

Что касается решающей роли, сыгранной Черчиллем, то она отнюдь не была импровизированной. Он подгото-

вил почву. В послании Сталину от 28 апреля 1945 года он отстаивал тезис о том, что официального документа для подписания капитуляции не существует. «При отсутствии подписанного документа о капитуляции» он просил Сталина дать «срочное» указание советскому представителю в Лондоне в Европейской консультативной комиссии, с тем «чтобы можно было без промедления выработать окончательный текст»¹.

Поступая таким образом, Черчилль смешивал официальный текст, разработанный Европейской консультативной комиссией, с тем, в который были внесены поправки на конференции в Ялте. Первый из этих текстов существовал и оставался полностью в силе. Текста же с поправками не существовало. Между тем Черчилль помнил только о последнем из них. Он требовал от Сталина объявить о своем согласии с текстом, в который были внесены поправки и который советское правительство всегда отвергало. И именно последнего отказа Сталина ожидали те люди, которые хотели составить новый текст.

Два разных документа

Чтобы понять, какое значение имело вмешательство Черчилля, и в общем представить себе, почему было важно заменить официальный документ, выработанный Европейской консультативной комиссией, следует обратить внимание на важные различия по основным вопросам, существующие между первым текстом и окончательным текстом, который был подписан.

Соглашение о капитуляции, выработанное Европейской консультативной комиссией, представляло собой пространный документ из четырнадцати четко сформулированных статей и носило главным образом *политический* характер. Название этого документа было знаменательным: «Безоговорочная капитуляция *Германии*». В преамбуле уточнялось, что «*германское правительство* и верховное командование вермахта» признают безоговорочную капитуляцию «*Германии*». Наконец, этот документ должен был быть подписан представителями *германского правительства* и вермахта.

¹ «Переписка . . . ». Т. I, стр. 343.

В противоположность этому текст, подписанный в Реймсе, был кратким, содержал всего пять статей, весьма лаконичных, и носил сугубо *военный* характер. Он был озаглавлен: «*Акт о военной капитуляции*» и касался исключительно вопроса о капитуляции немецких армий на поле боя. Лишь в одном месте говорилось о «Германии», а «германское правительство» вообще не упоминалось.

К тому же документ этот был подписан только представителем вермахта генералом Йодлем. На церемонии подписания не было никакого представителя германского правительства. В документе не было и намека на основные политические вопросы, что было характерно для текста, подготовленного Европейской консультативной комиссией.

Именно этим объясняется, почему так стремились заменить этот документ другим, в значительной степени «очищенным». Эта переработка, бросающаяся в глаза, выдает новые тенденции в политике, которую Лондон и Вашингтон намеревались проводить после войны по отношению к Германии и к Советскому Союзу, к вчерашнему врагу и к вчерашнему союзнику.

В момент окончания войны англо-американцы попытались добиться того, чего они не смогли достичь во время войны. Не сумев добиться одобрения Сталиным поправок, внесенных на конференции в Ялте в подготовленный Европейской консультативной комиссией документ о капитуляции, касавшихся «раздробления» Германии, они попытались осуществить двойную операцию с помощью текста, который они предложили подписать в Реймсе. Включив в текст принцип «раздробления» Германии, они тем самым положили начало «другому решению» германской проблемы, которое в их глазах обеспечивало будущее. Они сохранили бы власть, хотя и призрачную, уже интегрированного политически и идеологически в состав Запада фленсбургского «правительства», которое намеревались молча терпеть. Надеясь впоследствии предоставить ему полный суверенитет, англо-американцы подходили к капитуляции как к делу, имеющему чисто военный характер, как того и желали сами немцы.

Лишь благодаря вмешательству *в последнюю минуту* Вайнанта, обратившегося к Черчиллю и в штаб Эйзенхау-

эра, в текст, подготовленный в Реймсе, была добавлена статья 4. Эта статья предусматривала возможность возвращения впоследствии к политическим вопросам, которые трактовались в документе, подготовленном Европейской консультативной комиссией, но были опущены в подписанном тексте¹.

«Акт о военной капитуляции,— ясно гласила статья,— не будет являться препятствием к *замене* его другим генеральным документом о капитуляции, который будет применен к *Германии* и германским вооруженным силам в целом».

Это была единственная фраза в тексте капитуляции, где шла речь о «*Германии*», упоминавшейся отдельно от вермахта. Впрочем, это упоминание было навязано авторам документа.

Следует также отметить, что инициатива посла Соединенных Штатов не могла исходить от него самого. Она, несомненно, явилась следствием вмешательства советского представителя в Европейской консультативной комиссии, единственного, кто был заинтересован во включении статьи 4, практически аннулирующей подписанный текст. Мы увидим далее, что Сталин, ссылаясь именно на эту статью документа, подписанного в Реймсе, добился его замены другим документом, в котором были полностью восстановлены условия политического характера, содержащиеся в тексте, подготовленном Европейской консультативной комиссией, который напрасно надеялись предать забвению.

Призрачная капитуляция

Следует ли удивляться в этих условиях, что сам акт капитуляции претерпел еще новые перипетии?

Еще 5 мая Трумэн, Черчилль и Сталин согласовали между собой день и час, когда одновременно в Вашингтоне, Лондоне и Москве будет объявлено о капитуляции Германии: во вторник, 8 мая, в 9 часов утра по вашингтонскому времени. Это было сделано с целью подчеркнуть, что речь идет о действительно одновременной капитуляции на всех фронтах перед всеми союзниками.

¹ См.: Philip Mosely. Op. cit.

Но вскоре все расстроилось. В своем ответе на послание Трумэна от 7 мая Сталин потребовал отложить на сутки одновременное официальное объявление о капитуляции.

Что же произошло? Сталин ставил в известность о нарушениях, если не уловках со стороны немцев, при выполнении условий капитуляции на восточном фронте.

«У Верховного Командования Красной Армии, — писал Сталин, — нет уверенности, что приказ германского командования о безоговорочной капитуляции будет выполнен немецкими войсками на восточном фронте». «Надо иметь в виду, — отмечал Сталин, — что сопротивление немецких войск на восточном фронте не ослабевает, а, судя по радиоперехватам, значительная группа немецких войск прямо заявляет о намерении продолжать сопротивление и не подчиняться приказу Деница о капитуляции». Это было фактом. Немецкие войска с восточного фронта еще надеялись добраться до западной зоны. Все это было настолько очевидно, что генерал Эйзенхауэр почувствовал себя вынужденным изложить жалобы на этот счет фленсбургскому «правительству». Но на это ему ответили, что генерал Йодль «предупреждал его о такой возможности еще 6 мая», то есть еще тогда, когда шли переговоры в Реймсе¹.

В глазах русских это означало, что общая капитуляция угрожала превратиться в частичную капитуляцию на западном фронте и что документ, подписанный в Реймсе и торжественно провозглашенный как акт о капитуляции Германии, относился только к войне на западе.

«Поэтому мы опасаемся, — добавлял Сталин, — что, в случае объявления сегодня [8 мая] Правительством СССР о капитуляции Германии, мы окажемся в неловком положении и введем в заблуждение общественное мнение Советского Союза».

Послание Сталина заканчивалось следующими словами:

«Поэтому Командование советских войск хотело бы выждать до момента, когда войдет в силу капитуляция немецких войск, и, таким образом, отложить объявление

¹ L ü d d e - N e u r a t h. Op. cit.

Правительств о капитуляции немцев на 9 мая, в 7 часов вечера по московскому времени»¹.

Следует заметить, что с американской стороны возражений не последовало, и по той же самой причине. В уже упоминавшемся послании от 6 мая Эйзенхауэра министерству обороны главнокомандующий обращал внимание Вашингтона на вопрос о дате объявления немецкой капитуляции. Он также предлагал дату 9 мая.

«Если изложенное выше соглашение соответствует предусмотренному, — писал Эйзенхауэр, — я предлагаю, чтобы правительства выступили во вторник [8 мая] с обращениями, в которых объявили бы о том, что среда 9 мая является Днем Победы в Европе, что бои уже прекратились почти на всех фронтах и что по условиям соглашения [текста капитуляции, подписанного в Реймсе] официальное прекращение огня наступит в ноль часов в ночь с 8 на 9 мая».

К этому времени Эйзенхауэру было известно, что 8 мая состоится еще одно подписание капитуляции в Берлине, где русские будут играть главную роль. Так что и по этой причине было бы естественно, если бы официальное объявление о капитуляции было сделано после церемонии в Берлине, которая станет завершающим актом. В то же время, если бы объявление о капитуляции предшествовало церемонии в Берлине, последняя теряла всякий смысл и действительной капитуляцией Германии стала бы та, которая должна была произойти перед англо-американцами в Реймсе 7 мая.

Между тем лица, игравшие первые роли в устроенной в Реймсе махинации, хотели обязательно опередить русских.

Еще одна «странная история»

Еще до того, как Сталин потребовал отсрочки официального объявления о немецкой капитуляции, Черчилль также поднял этот вопрос, но в противоположном смысле. Он хотел ускорить это объявление на двенадцать часов, вызвав тем самым ссору, которая только внешне была бы парадоксальной.

¹ «Переписка...». Т. II, стр. 227—228.

Черчилль, который хотел склонить к своей точке зрения Белый дом, полагал, как утверждает Леги, что общая капитуляция вермахта перед англо-американцами «поднимет престиж Соединенных Штатов и Англии»¹. Но мы видели, что были и другие основания для этого «преждевременного объявления»² о капитуляции. И что Черчилль был не единственным лицом, заинтересованным в этом деле.

Эйзенхауэр принял меры, чтобы предупредить распространение сообщения о немецкой капитуляции до официального заявления «тройки». Это было очень важно с точки зрения точного соблюдения намеченного распорядка при этом великом событии. Официальное объявление должно было быть согласовано со вступлением в силу капитуляции. Полагали, что тем самым капитуляция будет действительной перед всеми союзниками.

Развитие событий доказывало правоту Сталина, когда он требовал отсрочки объявления капитуляции, в то время как ее «преждевременное объявление» было с любой точки зрения неоправданным.

8 мая, как это известно из документов верховного командования вермахта, командованию немецких соединений на восточном фронте было «официально» разрешено «вести переговоры» о своей капитуляции с русскими. Это само по себе было довольно парадоксально, ибо не могло быть и речи ни о какой иной капитуляции, кроме той, которая должна была совершиться в предписанные сроки. Пока бы шли переговоры, эти войска должны были «как можно дольше продолжать борьбу против советских войск», с тем чтобы сделать возможным переброску других немецких соединений этого фронта на запад; да и они сами должны были попытаться с боями проложить себе путь в том же направлении. Именно благодаря этой «тактике проволочек» — которую, впрочем, приписывали Дёницу, — двум с половиной — трем миллионам немцев удалось «ускользнуть от русских»³.

Так, например, даже когда немцы собирались в ночь с 8 на 9 мая подписать в Берлине окончательную капитуляцию перед русскими, на восточном фронте продол-

¹ Leahy. Op. cit.

² Ibid.

³ Lüdde-Neurath. Op. cit.

жались бои. Главнокомандующий немецкими вооруженными силами на этом фронте фельдмаршал Шернер не признавал соглашения о капитуляции, подписанного в Берлине! В приказе по войскам он объявлял:

«Согласно сообщению, переданному по вражескому радио, правительство рейха, так сказать, безоговорочно капитулировало перед Советским Союзом. Это ни в коей мере не соответствует фактам. Ясно, что мы имеем здесь дело с вражеской пропагандой, стремящейся подорвать сопротивление наших войск. *Правительство рейха прекратило борьбу только против западных держав*».

Ожесточенные бои развертывались в то самое время, когда в Берлине происходила церемония капитуляции. И понадобились большие военные усилия русских, чтобы положить этому конец. 8 мая войска Украинского фронта прорвали немецкие линии, бои продолжались еще 10 и 11 мая. Только 12 мая фельдмаршал Шернер сел в самолет, чтобы бежать на Запад.

Причиной изменения предусмотренного порядка официального объявления капитуляции были немцы, больше всех заинтересованные в том, чтобы изобразить ситуацию в искаженном виде. Сообщение о капитуляции было раньше всего передано по Гамбургскому радио, всего лишь через несколько часов после церемонии в Реймсе. Утром в тот же день, 7 мая, премьер-министр «правительства» Дёница граф Шверин фон Крозик в свою очередь объявил народу Германии по Фленсбургскому радио о «капитуляции всех войск», не уточняя, капитулировали ли эти войска также и перед русскими.

Несколькими часами позже, 7 мая, Ассошиэтед Пресс, передавая сообщение о капитуляции, сопровождало его описанием церемонии в Реймсе и изложением содержания подписанного документа.

Черчилль открывает танец

Несомненно, что касается американской прессы, то шестнадцати американским журналистам, которым Эйзенхауэр разрешил присутствовать на церемонии, трудно было сохранить подобный секрет. Но такого рода «нескромность» хорошо известна — всегда существует заинтересованное лицо, допускающее ее в нужный момент. В данном случае речь шла о чем-то более важном, чем

«халатность цензуры», по выражению адмирала Леги. То, что произошло, было серьезно, и смысл этой «нескромности» легко было разгадать. В Вашингтоне ждали реакции Москвы¹.

То, что могло показаться мелкими темными кознями, прояснилось, как только Черчилль принял в этом личное участие. Рано утром 7 мая он направил Трумэну послание, напрямик предлагая перенести на двенадцать часов вперед срок обнародования их обращений. Он имел в виду ни больше ни меньше как односторонний жест глав обоих правительств. Это было настолько неслыханно и до такой степени неприемлемо, что президент резко воспротивился этому. Он тотчас же ответил Черчиллю без обиняков, что ввиду взятых на себя прежде обязательств «он не может действовать без согласия Сталина».

Но Черчилль перешел в атаку. Как только он получил послание президента, он в 11 часов 30 минут позвонил в Вашингтон. К аппарату подошел первый советник президента адмирал Леги, с которым Черчилль имел длительную беседу; Леги говорил от имени президента².

Леги хотел тотчас же закончить разговор, повторив текст только что отправленного послания президента, в котором тот ссылался на соглашение со Сталиным. Но этот аргумент не имел значения для Черчилля. Чтобы оправдать свою поспешность, он сослался на то, что сообщение о капитуляции было сделано премьер-министром немецкого правительства. «Зачем это нужно,— говорил он адмиралу Леги,— чтобы я и президент делали вид, будто только мы двое ничего не знаем о происходящем?»

И Черчилль продолжал настаивать на том, чтобы официальный срок объявления капитуляции Германии был установлен 7 мая в 18 часов, то есть на двенадцать часов раньше срока, согласованного между тремя правительствами. Поскольку весть уже распространилась, рассуждал Черчилль, следует действовать, не заботясь о «дяде Джо» — Сталине³.

Аргумент был несостоятельным. Зачем же было спешить до такой степени, чтобы действовать даже без Ста-

¹ См.: Leahy. Op. cit.

² Ibid.

³ Ibid.

лина, если новость уже распространилась? Официальное сообщение так или иначе запоздало. Оно было, следовательно, лишь формальностью. Поспешить или немного еще подождать, как того требовал Сталин, ничего не меняло в данной ситуации. Но поспешность, проявленная при таких обстоятельствах, выдавала побудительные мотивы Черчилля. Он без стеснения признался в них во время беседы с адмиралом Леги.

Адмирал, говоривший от имени президента, спросил, почему не согласовать это со Сталиным. Но премьер-министр оставался непреклонным. Нет времени, отпарировал он, ждать ответа Сталина.

Но почему было не подождать, раз обстоятельства не вынуждали к спешке? Такова была точка зрения Леги, которую он твердо отстаивал: ничего нельзя предпринимать без согласия Сталина.

В качестве последнего довода Черчилль прибег к небольшому шантажу: он уже сделал все необходимое, чтобы поставить всех перед свершившимся фактом. Все уже предусмотрено, даже час, когда король выступит по радио. «Невозможно, — добавил он, — отменить все это теперь, когда немцы распространили новость».

Все это было до такой степени лишено всякого смысла, что советник Трумэна не смог удержаться от возражений. Вопрос заключается, отвечал он, не во времени (поскольку официальное объявление будет сделано с опозданием), а в торжественности самого факта. «Весь мир в курсе дела, — справедливо заметил адмирал. — Это только вопрос об официальной декларации». Следовательно, не так уж важно, будет ли она сделана днем 7 мая, как того желает Черчилль, или утром 8 мая, как это было согласовано, или, наконец, 9 мая, как того просит Сталин. Так что Леги настоял на том, чтобы немедленно связаться с Москвой по телетайпу. Впрочем, если бы ответ Сталина оказался отрицательным, президент Трумэн выступил бы со своей декларацией в согласованный час — во вторник, 8 мая в 9 часов утра.

Пока Вашингтон пытался установить связь с Москвой, Черчилль проявлял все большее нетерпение. Через час после своей беседы по телефону с адмиралом Леги он снова позвонил: король не может ждать. Это было неправдой, но он непременно хотел добиться от амери-

канцев того, что требовал: ускорить официальное объявление о капитуляции Германии.

В конце концов Черчилль смирился со сроком, согласованным ранее между «тремя». Пока он всеми средствами пытался заставить американцев пойти на уступки, он узнал о послании Сталина, который в свою очередь предлагал отсрочить объявление о капитуляции до 9 мая. Для Черчилля теперь дело заключалось в том, чтобы избежать этой отсрочки. Ему, таким образом, надо было отказаться от своего собственного предложения, чтобы сохранить согласованное «тройкой».

Черчилль сам направил новое послание Сталину, чтобы подтвердить это соглашение. Он только что, писал он, предложил также президенту Трумэну, чтобы «тройка» одновременно обнародовала официальное объявление в тот день и час, которые были согласованы! Самое пикантное заключалось в том, что Черчилль, убеждая Сталина, приводил те же самые аргументы, которые выдвигал перед Трумэном, добиваясь ускорения официального объявления о капитуляции. «Невозможно», дескать, удержать в секрете факт капитуляции до 8 мая. Приказы немецким войскам будут передаваться открыто, и новость, таким образом, распространится.

Черчилль оказался вынужденным отказаться от своего плана и удовлетвориться первоначальным соглашением, чтобы избежать отсрочки, которой требовал Сталин. 9 мая было бы следующим днем после церемонии капитуляции в Берлине, что придавало бы этому событию совсем другое значение и торжественность, чем если бы оно последовало за церемонией в Реймсе.

Без сомнения, чтобы удержаться теперь на этой позиции, Черчилль направил Сталину второе послание, в котором подчеркивал, что в качестве компенсации за отказ Сталина от требования отсрочки объявления о капитуляции он со своей стороны отказался от предложения ускорить это событие. «С большим сожалением», заявлял он откровенно, пришлось отложить объявление о капитуляции, которое ему хотелось сделать уже в этот день, 7 мая, «до того времени, которое было условлено первоначально». Он даже великодушно предложил оттянуть этот момент с 9 часов утра до 3 часов дня 8 мая.

Поскольку стало ясно, что он не добился желаемого, теперь это было уже неважно.

Знаменательная ссора

Эта ссора из-за даты может показаться пустяковой, но на ней следовало остановиться, так как она тесно связана со всем темным делом немецкой капитуляции. Все сводилось, в сущности, к следующему: изобразить это великое событие в Реймсе так, словно война закончилась капитуляцией вермахта перед англо-американцами. Черчилль, как мы видели, открыто говорил в данном случае о «престиже» Англии и Соединенных Штатов.

Все делалось, чтобы действительно создать такое впечатление, и прежде всего сама процедура подписания капитуляции.

С того момента, когда Эйзенхауэр поставил в известность советское верховное командование относительно предложения немцев о капитуляции, русские подняли вопрос о второй церемонии подписания капитуляции после Реймса, в Берлине. Это предложение, по-видимому, не сразу было принято Вашингтоном, так как Москва «настаивала», как написано в сообщении Эйзенхауэра от 6 мая военному министерству. Несомненно, именно благодаря настойчивости русских Эйзенхауэр согласился с советским верховным командованием. Черчилль сообщил Сталину об этом 8 мая; у Сталина, разумеется, были основания настаивать.

То, что вскоре произошло в Реймсе, полностью оправдывает эту настойчивость. Акт капитуляции отнюдь не носил характера капитуляции вермахта перед *всеми* союзниками, как англо-американцами, так и русскими. К этому следует добавить и текст, который был подписан. Документ был подписан американским генералом, генералом Беделлом Смитом, *«от имени верховного командования экспедиционных войск»*. То есть от имени американских и британских армий. О советских армиях не было и речи. Все было так, словно капитуляция вермахта касалась исключительно Соединенных Штатов и Англии!

От Реймса до Берлина

Разумеется, состоялась и церемония капитуляции перед русскими, 8 мая в Берлине.

Как утверждает Трумэн, соглашение о капитуляции, подписанное в Реймсе, было лишь «кратким документом

о безоговорочной военной капитуляции», и Эйзенхауэр «намеревался отправиться на следующий день в Берлин, чтобы там подписать капитуляцию *окончательно* и *официально*; на этой процедуре подписания маршал Жуков (победитель Берлина) должен был представлять советскую сторону». Как пишет сам Эйзенхауэр, он предупредил генерала Йодля после церемонии в Реймсе, что «немецкие командующие» должны будут «явиться в Берлин» в назначенное советским правительством время для капитуляции вермахта перед русскими.

Наконец, со своей стороны Черчилль в своем послании Сталину от 7 мая высказывался, как мы видели, в том же духе. «Мне известно от генерала Эйзенхауэра,— писал Черчилль,— что он согласует с Вами вопрос о том, чтобы *официальное* подписание соглашения, достигнутого сегодня утром» (7 мая в Реймсе), «состоялось в Берлине во вторник» (завтра).

Все это казалось точным и правильным, но для англо-американцев «окончательным и официальным» актом капитуляции Германии была процедура в Реймсе. Все прочее было лишь «оформлением». Если бы Сталин не вмешался, не было бы никакой церемонии капитуляции в Берлине. Если эта последняя церемония должна была действительно стать «решающей и официальной», то она должна была состояться перед *всеми* союзниками, русскими и западными союзниками, так как в Реймсе Германия капитулировала только перед англо-американцами. Но мы сейчас увидим, при каких условиях немцы капитулировали в Берлине.

Вначале, как мы знаем, должна была иметь место только одна капитуляция, в Реймсе или где-либо в другом месте, так же как должен был существовать только один текст соглашения о капитуляции. Однако этот текст был ловко подменен, так что фактически англо-американцы присвоили себе право принять капитуляцию, в то время как она должна была произойти перед *всеми* союзниками. Так что оказалось необходимым по требованию Сталина сделать все снова в Берлине.

В Реймсе все прошло хорошо и гладко. Все было так, как того хотел Черчилль, который дал это понять Сталину. В послании Сталину от 8 мая он писал об «*официальной ратификации*» в Берлине акта, подписанного в Реймсе. Зато для русских документ, подписанный в Реймсе,

был лишь «предварительным протоколом» о капитуляции. «Окончательным актом» должен был стать тот, который собирались подписать на следующий день (8 мая) в Берлине¹. («Кратким документом о военной капитуляции» называет Трумэн в своих мемуарах соглашение в Реймсе.)

В этом и состояла большая двусмысленность того что произошло в Реймсе. Она обнаружилась лишь тогда, когда документ был получен в Москве; убедившись в подмене первоначального текста, советское правительство немедленно выступило с протестом перед Вашингтоном. Замешательство, последовавшее за этим, было безгранично. Государственный департамент, по свидетельству Роберта Мэрфи, направил 7 мая телеграмму в штаб Эйзенхауэра, ставя его в известность о советском протесте.

Тогда, пытаясь все уладить, штаб главнокомандующего «распутал» дело, по выражению Мэрфи, опубликовав коммюнике, в котором уточнялось, что капитуляция, подписанная в Реймсе, была лишь «предварительной», а «официальная» капитуляция германских армий будет подписана в Берлине, не приводя, таким образом, как отмечает тот же Мэрфи, «никаких оснований для столь сложной процедуры»².

Это объясняет, почему Сталин придавал такое важное значение церемонии в Берлине и почему он настаивал на том, чтобы «Днем Победы» был провозглашен следующий день, 9 мая. Однако эта запутанная и ошеломляющая история еще далеко не была закончена!

Если текст, подписанный в Реймсе, был, как утверждает Трумэн, всего лишь «кратким документом о военной капитуляции», церемония, имевшая место в Реймсе, должна была быть повторена в Берлине перед всеми союзниками, поскольку этого не произошло в Реймсе. Вот о чем думал еще Трумэн, когда говорил об «окончательном и официальном» акте капитуляции. Берлин должен был также и в этом смысле исправить то, что было сделано в Реймсе. Но на деле церемония в Берлине не трогала англичан и американцев. Для них фактической капитуляцией вермахта была та, которую они приняли в Реймсе.

¹ См.: «Переписка . . .». Т. I, стр. 405, примечание 107.

² Robert Murphy. Op. cit.

По этой причине Сталин потребовал присутствия главнокомандующего вермахта фельдмаршала Кейтеля, а также командующих морскими и воздушными силами рейха адмирала фон Фридебурга и генерала Штумпфа. Но позиция англичан и американцев была иной. На этот раз «от имени верховного командования экспедиционными силами» акт подписывал англичанин маршал авиации Теддер. Соединенные Штаты были представлены отдельно другим высшим офицером, генералом Спаатсом, присутствовавшим в качестве «свидетеля». Генерал Делатр де Тассиньи представлял Свободную Францию. Вне всякого сомнения, что присутствие американского представителя в таком качестве, так же как и отсутствие Эйзенхауэра, было преднамеренным.

Тем самым пытались преуменьшить значение церемонии в Берлине, сведя ее фактически к параду статистов, поскольку вся эта церемония имела место тогда, когда «День Победы» был официально отпразднован накануне как в Вашингтоне, так и в Лондоне.

Реванш Сталина

Спрашивается, как мог Сталин в этих условиях смириться с подобным положением вещей. Тем более что текст, подписанный в Берлине, был, за исключением некоторых деталей, касавшихся главным образом формы капитуляции немецких войск, повторением текста, подписанного в Реймсе. Сталин не потребовал даже присутствия в Берлине представителей «правительства» Дёница, чтобы они подписали акт вместе с представителями вермахта. (Это не имело места также и в Реймсе.) Так что берлинский документ тоже носил чисто военный характер.

Но в этот момент Сталин не был заинтересован в том, чтобы форсировать события. Отношения между русскими и англо-американцами достигли такой точки, что требовалось очень немного, чтобы вызвать серьезный кризис. Сталин мог удовлетвориться статьей 4 документа, подписанного в Реймсе¹, включенной также и в берлинский документ, которая предусматривала «замену»

¹ См. стр. 142.

подписанных текстов «генеральным документом о капитуляции», в котором можно было бы восстановить все те пункты *политического* характера, которые содержались в документе, подготовленном Европейской консультативной комиссией, но не были использованы ни в Реймсе, ни в Берлине. Благодаря этой статье оба последних текста были фактически лишь «предварительными».

Сталин взял реванш спустя месяц с появлением нового документа, декларации 5 июня 1945 года, опубликованной в Берлине четырьмя союзными главнокомандующими в Германии по случаю их первой встречи после победы. Этот документ, который был прежде всего творением русских, и «заменил» фактически документы, подписанные в Реймсе и Берлине. Четыре союзных главнокомандующих, выступая от имени своих правительств, заявили, что правительства Соединенных Штатов, Великобритании, Советского Союза и Французской Республики берут на себя верховную власть в Германии, напоминая в преамбуле декларации, что в этой стране не существует более центрального правительства. Сталин между тем взял на себя ликвидацию марионеточного правительства Дёница, на которое англо-американцы собирались сделать ставку в своей послевоенной политике.

В декларации четырех главнокомандующих подчеркивался *политический* характер немецкой капитуляции: «Германские вооруженные силы... потерпели полное поражение и безоговорочно капитулировали, и Германия, которая несет ответственность за войну, не способна больше противостоять воле держав-победительниц». В рамках этого решения четыре главнокомандующих опубликовали в тот же день еще одну декларацию, касавшуюся механизма осуществления контроля над Германией.

Таким образом, политическая интрига, затеянная вокруг немецкой капитуляции, в конце концов ни к чему не привела. То, чего хотели избежать посредством документа, подписанного в Реймсе — применения текста соглашения о капитуляции, выработанного Европейской консультативной комиссией в Лондоне, — тем не менее свершилось, поскольку декларация 5 июня 1945 года почти целиком воспроизводила лондонский текст.

Одни немцы впоследствии попытались использовать обстоятельства, при которых произошла их капитуляция. Они считали действительным лишь текст, подписанный в Реймсе, оспаривая юридическую законность декларации 5 июня 1945 года, поскольку последняя не была подписана немецкими представителями. Это обстоятельство, по их мнению, освобождало немецкий народ от всяких обязательств¹.

Но военные, подписавшие документ в Реймсе, получили свои полномочия от главы германского государства адмирала Дёница. Кроме того, решения четырех союзных главнокомандующих, о которых было объявлено в декларации от 5 июня 1945 года, были приняты в силу статьи 4 документа о капитуляции, подписанного в Реймсе. Впрочем, союзники действовали по праву победителей, освобождая их от обязанности спрашивать о чувствах побежденных, прежде чем принимать решения.

¹ См.: Wilhelm G. Grewa. Deutsche Aussenpolitik der Nachkriegszeit.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧЕРЧИЛЛЬ РАСКРЫВАЕТ КАРТЫ

В день капитуляции Германии Черчилль послал Сталину по этому случаю телеграмму необычного содержания. Желая придать этому посланию больше торжественности и теплоты, а также, без сомнения, чтобы сильнее растрогать «дядю Джо», он просил (как он сам об этом пишет) «передать» это послание свою жену, которая в это время находилась в Москве. Послание было адресовано «маршалу Сталину», «Красной Армии и русскому народу». В нем говорилось от имени британского народа:

«Я шлю Вам сердечные приветствия по случаю блестящей победы, которую Вы одержали, изгнав захватчиков с Вашей земли и разгромив нацистскую тиранию».

Далее высказывалось следующее убеждение:

«Я твердо верю, что от дружбы и взаимопонимания между британским и русским народами зависит будущее человечества».

И непосредственно после этого говорилось:

«Здесь, в нашем островном отечестве, мы сегодня очень часто думаем о Вас, и мы шлем Вам из глубины наших сердец пожелания счастья и благополучия. Мы хотим, чтобы после всех жертв и страданий в той мрачной долине, через которую мы вместе прошли, *мы теперь, связанные верной дружбой и взаимными симпатиями, могли бы идти дальше под сияющим солнцем победоносного мира*»¹.

Легко вообразить, какое усилие пришлось сделать Черчиллю над собой, чтобы с такой силой лирики изложить на бумаге эти сентиментальные излияния. Сталин не остался равнодушным. В своем ответе, приветствуя главу британского правительства, «доблестные британ-

¹ «Переписка . . . ». Т. I, стр. 357—358.

ские вооруженные силы и весь британский народ» и «сердечно» поздравляя Черчилля с великой победой, одержанной над «общим врагом — германским империализмом», он далее писал:

«Эта историческая победа завершила совместную борьбу советских, британских и американских армий за освобождение Европы».

В заключение говорилось:

«Я выражаю уверенность в дальнейшем успешном и счастливом развитии в послевоенный период дружественных отношений, сложившихся между нашими странами в период войны».

Черчилль и его «задача»

Между тем в этот момент Черчилль думал о новой войне, которая должна последовать за только что окончившейся. У этой войны не будет ничего общего с предыдущей. Вчерашние союзники и противники не останутся в прежних лагерях.

Капитуляция Германии в том виде, в каком она имела место, не соответствовала его желаниям. Он рассчитывал на капитуляцию, которая разделила бы войну на две части: сражения на западном фронте должны были прекратиться, в то время как на восточном фронте борьба продолжалась бы. Даже подменная капитуляция была для него личным поражением. Она расстроила его планы. Если бы все развивалось, как он хотел, то после сепаратной капитуляции на западе возникла бы идеальная ситуация: на востоке продолжалась бы война между немцами и русскими, таившая в себе большие перспективы для ближайшего и более отдаленного будущего.

Напротив, общее прекращение военных действий как на востоке, так и на западе создало в корне иную ситуацию. Исчезновение бесчисленных армий вермахта полностью изменяло соотношение сил в лагере союзников, то есть между англо-американцами и русскими. В течение всего последнего периода войны немцы, как мы видели, почти не сражались против первых, в то время как на востоке продолжались ожесточенные бои; это усиливало позицию западных держав, и они надеялись извлечь выгоды из такого положения.

В создавшихся условиях задача, стоявшая перед Чер-

чиллем, состояла в том, чтобы исправить положение вещей, целиком благоприятное для русских. Поскольку продолжить войну на востоке не удалось, он рассчитывал на восстановление в какой-то степени вермахта, потерпевшего поражение, в качестве фактора, благоприятного для западных держав.

Эти мысли не давали Черчиллю покоя в конце войны. Уже незадолго до капитуляции Германии он рассматривал вопрос о перевооружении некоторых соединений вермахта, которые сдались британским войскам. Впоследствии он даже хвастал, что был «первым человеком, обладавшим какой-то известностью», который понял, что англичане должны *«иметь немцев на своей стороне против агрессии коммунистической России»*.

Накануне капитуляции он послал Монтгомери телеграмму, требуя от него *«бережно собирать немецкое оружие... чтобы оно могло послужить солдатам»*, с которыми войска западных держав, возможно, были бы *«вынуждены действовать совместно, если бы наступление продолжилось»*. (Черчилль сам высказал все эти откровения в предвыборной речи, произнесенной им 23 ноября 1954 года в Вудфорде. Эти слова были перепечатаны всей британской прессой.)

Впоследствии Черчилль попытался отречься от этого. Его слова были, как утверждал он, приведены неточно. Но в этой же речи Черчилль подчеркивал, что он все предвидел и что, если бы в свое время его послушали, западные державы выиграли бы мир, так же как они выиграли войну.

В 1954 году Германия [ФРГ] была союзницей западных держав. «Если бы тогда, — говорил Черчилль все в той же речи, — когда немцы шли на безоговорочную капитуляцию, кто-нибудь предсказал, что они позднее станут нашими союзниками, нашлось бы крайне мало людей, особенно в Англии, которые поверили бы в это пророчество». Но он-то все предвидел, более того, он сознательно способствовал такому повороту.

О чем «беспокоился» Черчилль

Следует действительно убедиться в том, что речь шла не о случайном жесте, не о какой-то преходящей мысли. В этом высказывании нашел отражение определенный

план, который систематически и методически проводился в жизнь.

9 мая 1945 года, то есть на следующий день после немецкой капитуляции, он послал Эйзенхауэру телеграмму, выражая свое «беспокойство» по поводу того, что немцев «собираются заставить *на месте* уничтожить все самолеты».

В этом послании, опубликованном в его мемуарах, Черчилль выражал также надежду, что от «подобного образа действий» по отношению к «оружию и другим видам материального снаряжения армии» откажутся по той причине, что *«они в один прекрасный день могут очень понадобится западным союзникам»*.

17 мая он обратился с указанием к начальнику штаба министра обороны генералу Исмею:

«Никакое сокращение или уничтожение итальянской авиации в настоящий момент не должно иметь места».

В тот же день он послал еще одну телеграмму генералу Исмею:

«Ни немцы, ни мы сами не должны уничтожать бывшие вражеские самолеты, в том числе и запасные части к ним, находящиеся под британским контролем и могущие еще пригодиться для боевых действий, не получив на то предварительно санкции кабинета».

20 мая он снова обратился с посланием к генералу Исмею, чтобы напомнить о своих прежних инструкциях:

«Я, конечно, полагаюсь на Совет начальников штабов в том, что касается рекомендаций относительно лучших и наименее бросающихся в глаза способов, какими могут быть осуществлены эти необходимые меры».

Эти меры соответствовали общему плану Черчилля. Он сам свидетельствует об этом в своих мемуарах.

«С самого начала [на следующий день после капитуляции], — пишет он, — я принимал все практические меры, которые были в моих силах, дабы удержать позиции и помешать тому, чтобы армии Запада растаяли».

Только в эти «армии Запада» он включал, как увидим, также и немцев. К тому же Черчилль не был одинок в этом. Американцы действовали в том же духе. Они со своей стороны связались с начальником штаба люфтваффе генералом Карлом Коллером.

9 мая — отметим совпадение дат — Коллер просил Шварца, казначея нацистской партии, выступить через

своих «офицеров связи» в роли посредника перед американцами «по одному личному делу»¹. По-видимому, этот высокопоставленный чиновник партии Гитлера был в хороших отношениях с американцами. Как бы там ни было, но контакт был быстро установлен. Американцев особенно интересовали немецкие военно-воздушные силы.

13 мая Коллеру, отступившему со своим штабом в Тироль, вручили пропуск от генерала Тэйлора, командующего американской воздушной дивизией и защитника Бастони во время [немецкого] наступления в Арденнах в декабре 1944 года. В Штрубле, где Коллер обосновался со своим штабом, он располагал многочисленным персоналом: офицерами, чиновниками, солдатами, женским персоналом из вспомогательных служб. Как генералу, так и всем его офицерам было разрешено сохранить личное оружие и награды.

В тот же день, 13 мая, когда генерал Коллер получил свой пропуск, он вступил в переговоры с другим американским генералом, которого сопровождала многочисленная свита. Предметом этой беседы была *реорганизация главного командования люфтваффе*². Впоследствии ему представили схему, отражавшую структуру люфтваффе.

18 мая прибыла другая группа американских офицеров, дабы вместе с генералом Коллером посетить Турмерсбах, где находились его главные сотрудники, чтобы собрать все сведения, которые желали иметь американцы. На этот раз беседа касалась также *«существующего положения и перспектив будущего»*³. Эти беседы продолжались в течение двух дней. Тем временем генералу Коллеру удалось вновь собрать в полном составе своих бывших сотрудников и офицеров штаба, которым была предоставлена свобода передвижения. Когда они собрались, Коллер дал им директивы «относительно линии, которой следует придерживаться» и которая главным образом касалась *будущего Германии*. Он им, в частности, сказал:

«Германия не может одна оправиться от этой катастрофы. Расположение страны в сердце Европы не поз-

¹ Karl Koller. Les derniers mois. Payot,

² Ibid.

³ Ibid.

воляет высказаться за ее нейтрализацию». Германия «должна решиться примкнуть к тому или другому лагерю». Но она «принадлежит Европе». «Так как Европа не может жить без Германии точно так же, как не может жить человеческое тело, если у него удалят сердце...»

Само собой разумеется, что начальник штаба люфтваффе находился в тесном контакте с адмиралом Дёницем и его «правительством» в то время, как его контакты с американцами развивались столь благоприятно. Но в данном случае, как и в случае с фленсбургским «правительством», эта военно-политическая идиллия должна была скоро окончиться вследствие вмешательства русских.

Политическая борьба

Между тем борьба между «великими союзниками» развертывалась именно в области политики. То, что происходило в военной области, являлось лишь отражением этой борьбы. Именно в связи с этой борьбой Черчилль старался полностью сохранить позиции западных союзников, усилив их, насколько это было возможно, остатками военного потенциала Германии.

В послании, с которым Черчилль 9 мая 1945 года обратился к Сталину, поздравляя его с победой, он писал: «Я твердо верю, что от дружбы и взаимопонимания между британским и русским народами зависит будущее человечества». Но не оставалось уже ни дружбы, ни взаимопонимания. Черчилля пожирала теперь новая страсть, возвращавшая его к дням молодости: желание «освободить» страны Восточной Европы в духе его политики «санитарного кордона» после первой мировой войны.

«Битва за мир» шла теперь вокруг стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Если бы эти страны оказались в советской «сфере влияния», то было бы нарушено то «европейское равновесие», которое на протяжении веков поддерживала Англия. Поэтому надо было любой ценой помешать этому революционному потрясению в Европе, пока Англия и Соединенные Штаты держали свои армии в Европе во всей их мощи.

Страсть эта была в самом деле необычайной. Никогда в самые черные предвоенные годы Англия не ин-

тересовалась этими странами. Когда Гитлер распространил свое господство на страны Центральной и Юго-Восточной Европы при посредстве диктаторских режимов, которые он им навязывал, Англия попустительствовала этому. В Лондоне признавали, что эти страны принадлежат к «сфере влияния» Германии. И их тем охотнее предоставляли своей судьбе, что именно с территорий этих стран в один прекрасный день Гитлер должен был напасть на Советский Союз. Самой зловещей иллюстрацией к этой политике, безрассудной и глупой, был Мюнхен.

В этот период, когда демократы этих стран обращались в Лондон к британскому правительству с просьбой оказать им поддержку в борьбе за восстановление конституционных свобод, их отсылали в Берлин. Впрочем, Англия уже подготовила почву для Гитлера, систематически и неустанно саботируя все усилия Франции сохранить стабильную политическую карту Центральной Европы в том виде, в каком она сложилась в результате первой мировой войны. Это была долгая драма союзов Франции со странами Восточной Европы. Это была также драма Малой Антанты, которая являлась результатом усилий этих стран укрепить свое положение собственными силами.

Теперь же Англия, а вместе с ней и Соединенные Штаты внезапно стали проявлять необычайную симпатию к этим странам с целью втянуть их в свою «сферу влияния» под предлогом «свободы». В действительности их политика выражалась в стремлении создать вдоль западной границы Советского Союза цепь стран, более или менее враждебно к нему настроенных. Зато они отказывали русским в праве иметь в качестве соседей дружественные страны.

Именно здесь таились истоки глубокого кризиса, приведшего к обострению отношений между англо-американцами и русскими и уже доминировавшего в Ялте, подлинного разрешения которого так и не удалось там достигнуть. Сталин изложил советскую точку зрения со всей откровенностью в ходе бесед, которые он имел с Гопкинсом, направленным Трумэнном в Москву со специальной миссией в мае 1945 года.

За двадцать пять лет, сказал он, немцы дважды вторгались в Россию через Польшу. Ни англичане, ни аме-

риканцы не испытали подобных ужасных нашествий, последствия которых нелегко забыть. Нашествие немцев напоминало нашествие гуннов... Если Германия смогла вторгнуться в Россию, то это произошло только потому, что на Польшу смотрели как на часть «санитарного кордона», окружающего Советский Союз, а также потому, что в этот период европейская политика требовала, чтобы польское правительство было враждебным по отношению к России. В этих условиях Польша была или слишком слаба, чтобы сопротивляться Германии, или же она предоставляла немцам свободный проход через свою территорию. Поэтому Польша оказывалась коридором для походов немцев против России. Слабость и враждебность Польши поставили Советский Союз в неблагоприятное положение и позволили немцам действовать так, как им хотелось на востоке, а рикошетом также и на западе. Поэтому для России имеет жизненно важное значение, чтобы Польша была сильной и вместе с тем настроенной к ней дружелюбно¹.

Несмотря на это, Черчилль надеялся навязать Варшаве правительство по своему выбору, правительство Миколайчика, обосновавшееся в Лондоне, которое Черчилль противопоставлял люблинскому правительству*, а это последнее Москва в свою очередь надеялась видеть в Варшаве. Чтобы добиться своей цели, Черчилль рассчитывал на давление, которое он мог оказать на Россию с помощью Соединенных Штатов.

«Предотвращение агрессий в будущем»

В этом вопросе Черчилль чувствовал достаточную поддержку, чтобы попытаться довести до конца свою политику. 12 мая 1945 года он получил телеграмму от Трумэна, которая преисполнила его радостью. Президент

¹ См: "Le Memorial de Roosevelt". Plon.

* 21 июля 1944 года в условиях начавшегося изгнания гитлеровских захватчиков в Польше был создан временный орган исполнительной власти — Польский комитет национального освобождения. Резиденцией ПКНО стал г. Люблин. ПКНО издал манифест, в котором изложил программу строительства народно-демократической Польши. 31 декабря 1944 года Крайова Рада Народова издала декрет о преобразовании ПКНО во Временное правительство Польской Республики. — *Прим. ред.*

обсуждал положение в Югославии, но положение в Польше было точно таким же. Трумэн предлагал «предупредить Сталина» о «планах» американского и британского правительств «в соответствии с Ялтинскими соглашениями» и заканчивал следующим выводом:

«Если мы проявим твердость в этом вопросе, как это мы делаем в польском вопросе, то можем надеяться избежать множества других подобных посягательств».

Черчилль тотчас же ухватился за этот случай. Он находил подобный язык «энергичным» и «ободряющим». Он беспрестанно повторял, что получил это послание с чувством «удовлетворения» и «облегчения» и находит его «бесценным»¹. Он ответил Трумэну в тот же день, 12 мая, чтобы сообщить о своем «согласии с каждым словом» президента и заверить его, что будет стараться изо всех сил проводить предлагаемую линию. Он только спешил напомнить президенту о необходимости *претворить эту твердость в конкретные и энергичные дела*.

«Если мы проявим твердость в этой ситуации до того, как наши силы начнут рассеиваться, — подчеркивал Черчилль, — мы сможем избавить Европу от новой кровавой бойни. Иначе мы рискуем потерять все плоды нашей победы и не достичь ни одной из целей, стоящих перед Всемирной Организацией, — *предотвращение агрессий и войн в будущем*».

Но Черчилль на этом не остановился. Воздав хвалу «твердости», он предложил немедленно предпринять практические меры в этом духе.

«Я полагаю, — добавлял он, — что можно было бы отдать приказ о *приостановке перемещения американских армий и авиации из Европы [на Дальний Восток]*, по крайней мере на несколько недель... Даже если этот приказ о приостановке перемещения станет известен, то последствия могут быть только положительными».

Для Черчилля настойчивость русских в вопросе о послевоенных правительствах в Польше и в других восточноевропейских странах представляла «территориальную агрессию», которой Соединенные Штаты и Англия должны были дать отпор, разумеется, от имени Объединен-

¹ Winston Churchill. The Second World War. Vol. VI. Triumph and Tragedy.

ных Наций. По его мнению, если бы возобладала советская точка зрения, следовало ожидать «новой кровавой бойни» в Европе. В этот момент «все будущее было неопределенным».

Между тем радость британского премьер-министра по поводу послания Трумэна от 12 мая была преждевременной. В Вашингтоне прекрасно отдавали себе отчет в ситуации и следили за ней не без некоторых опасений, которые проявились в новом послании Трумэна, датированном 16 мая. Президент заявлял, что «он не может, да и не желает *втягивать свою страну в войну с югославами*». (Так Черчилль резюмирует содержание послания президента.)

Действительно, Черчилль зашел так далеко, что возник риск общего конфликта, причиной которого могло стать «*новое Сараево*». И Трумэн, по-видимому, осознал, что допустил ошибку в послании 12 мая, рекомендуя держаться «твердо».

В третьем послании, помеченном датой 21 мая, Трумэн объявил Черчиллю, что нельзя «оставлять дела в существующем положении». Но он ни в коем случае не соглашался выйти за пределы более или менее ограниченных мер. Необходимо, писал он, отвергнуть требования Тито (относительно Триеста и Истрии)* и «без промедления послать подкрепления» американским и британским войскам, «чтобы у югославов не было никаких сомнений относительно намерений Соединенных Штатов и Англии». И Трумэн ставил в известность, что он предложил Эйзенхауэру и Александеру «устроить демонстрацию силы на земле и в воздухе, приурочив ее к моменту, когда будут отвергнуты последние требования Тито».

* 15 мая 1945 года Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) завершила освобождение всей страны. Были освобождены также Триест, Риека, Истрия, Словенское приморье, Коружка и Пула. Эти земли населены преимущественно югославскими народами, однако после первой мировой войны они были закреплены за Австрией и Италией. Хотя по требованию западных держав югославское правительство отдало свои войска, однако оно потребовало воссоединения этих земель с Югославией. По мирному договору с Италией (1947) эти земли (за исключением Триеста и его зоны) были благодаря позиции, занятой СССР на Парижской мирной конференции 1946 года, воссоединены с Югославией. — *Прим. ред.*

Он полагал, что, «если демонстрация будет достаточно мощной, она, возможно, приведет Тито в чувство», но, если «завяжутся бои», их следует трактовать как «пограничный инцидент».

В отличие от Черчилля американцы ни за что не хотели сильно увязнуть в Европе. В этот момент их взоры были обращены к Тихому океану, где продолжалась война. Послание Трумэна заканчивалось следующим образом:

«Я не должен допускать никакого вмешательства, если только оно не является неизбежным, которое могло бы стать препятствием для перемещения американских войск в район Тихого океана».

Но Черчилля «демонстрация силы» в Югославии интересовала гораздо больше, чем «перемещение» американских сил в район Тихого океана. 21 мая он телеграфировал Трумэну:

«Я полагаю, что *если наша демонстрация будет достаточно внушительной*, то все может решиться и без столкновений».

Черчилль был тем более настойчив, что за Тито и «югославской проблемой» он видел Сталина и «советскую проблему».

«Я полагаю, — прибавлял он, — что *наша твердая позиция в этом деле окажется весьма полезной в наших дискуссиях со Сталиным*».

Перспективы для Германии

В вопросе о Германии Черчилль продолжал идти своим путем с полным знанием дела. Когда на следующий день после капитуляции Германии он увидел, как последняя превращается в послевоенного союзника, он знал, что люди, которые пришли на смену Гитлеру, со своей стороны готовы вновь взять на себя роль «авангарда» Запада против красного Востока.

Они видели в капитуляции, которая похоронила их мечту о мировом господстве, только средство сохранить свое «правление». Они поздравляли себя с тем, что вышли невредимыми из руин третьего рейха, чтобы снова восстановить в духе его основателя то, что уже было разрушено. У них было более чем достаточно оснований рассчитывать на попутный ветер.

В послании, с которым Дёниц обратился к немецкому народу 8 мая 1945 года по Фленсбургскому радио, уже чувствовалась его уверенность в том, что он вместе со своим «правительством» пережил потоп. Он был убежден, что западные державы будут склонны его поддерживать.

«От западных держав, — говорил он, — зависит, сможет ли назначенное мной правительство и я сам продолжать нашу деятельность». И он великодушно предлагал свои услуги этим державам, будучи убежден, что они не замедлят принять его предложение.

«Если мое присутствие может пойти на пользу и служить отечеству, я *сохраню свои функции* до тех пор, пока немецкий народ не изберет нового главу государства или пока западные державы не отстранят меня от занимаемого поста». У фленсбургских деятелей было странное представление о сложившейся ситуации. «Если немецкий народ...», «если западные державы...» — все, в их представлении, зависело либо от первого, либо от последних. От существования Советского Союза они полностью абстрагировались. Если западные державы разрешат «преемнику» Гитлера, он останется во главе рейха, как того хотел сам фюрер, словно никакой войны вовсе и не было. И немцы сами создадут новое правительство по своему выбору. Во всем этом русские, которые все же кое-что сделали во время войны, чтобы избавить мир от нацистского варварства, не должны были принимать никакого участия!

Премьер-министр «правительства» Дёница, граф Крозик, был даже еще более откровенен. 7 мая, объявляя по Фленсбургскому радио о капитуляции, Крозик, воздав должное «героической борьбе» и «выдержке» немецкого народа, рассматривал будущее Германии в связи с Европой, ссылаясь на справедливость, в то время как эта самая Германия под руководством своего фюрера потерпела провал в попытке ввергнуть Европу в рабство.

«Уважение к подписанным договорам, — говорил Крозик, — должно быть для нас столь же священным, как и сознание нашей принадлежности к великой семье европейских народов».

И далее: «Сохраняя чувство гордости за нашу борьбу, мы будем со всей готовностью трудиться, чтобы мирными средствами внести в качестве членов западной

цивилизации вклад, достойный лучших традиций германской расы».

Для фленсбургских деятелей открывалась новая страница истории Германии. Сам факт поражения, которое было нанесено Германии ценой неисчислимых жертв европейских народов, давал ей право причислять себя к «европейской семье»! И «героическая борьба» солдат Гитлера во имя порабощения Европы и всего мира прославлялась и записывалась в актив западной политики. Солдаты Гитлера также боролись «за Европу»! Все остальное было лишь «недоразумением».

В условиях нового антикоммунистического климата, который уже установился в Европе, эти люди позволяли себе смешивать нацистское варварство с западной цивилизацией. Они говорили о «вкладе» «германской расы» в эту цивилизацию, в то время как при гитлеровском режиме во имя «превосходства» этой расы совершались омерзительные гнусности расизма — преступления, от осуждения которых фленсбургские деятели тщательно воздерживались.

Одним словом, во Фленсбурге ничего не изменилось после капитуляции. Дёниц и его министры по-прежнему могли свободно выступать по радио. Они смотрели в будущее с уверенностью.

В интервью, данном 14 мая 1945 года корреспонденту агентства Рейтер, граф Шверин фон Крозик говорил о «миссии» своего «правительства», которая состояла, по его словам, в «заключении мира»¹. Это правительство действительно всерьез относилось к своей роли. Оно располагало многочисленным административным аппаратом. Еще одна «миссия» «правительства» Дёница состояла, по словам его премьер-министра, в том, чтобы «одеть немецкий народ» и «обеспечить его работой».

Этим дело не исчерпывалось. Это марионеточное правительство занималось привычной игрой в политику, пытаясь даже направлять сами западные державы. Оно обсуждало вопрос о том, не было ли бы более «тонким ходом» подать в отставку², чтобы добиться укрепления своей позиции и больших уступок в отношении свободы действий и более гибкого осуществления условий капи-

¹ Агентство Рейтер, 14 мая 1945 года.

² См.: D ö n i t z. Op. cit.

туляции. В глазах этих мастеров такой маневр был бы прибыльным шантажом, так как американцы продолжали бы сотрудничать с «правительством» Дёница¹. Но они сочли более выгодным не уходить в отставку, дабы обеспечить «преемственность» рейха.

«Правительство» Дёница уже оспаривало и самый факт капитуляции. Оно выдвинуло тезис, что капитулировал только вермахт, а германское государство, как таковое, не капитулировало!

Старались также укрепить «правительство» «преемника» Гитлера, развертывая административную деятельность, но не упуская при этом из виду «большую политику».

Германско-союзническая идиллия во Фленсбурге

Именно в рамках отношений с западными державами фленсбургское «правительство» могло считать себя прочно утвердившимся.

12 мая 1945 года во Фленсбург прибыла Союзная контрольная комиссия, на которую возлагалась задача осуществления капитуляции. Вначале ее возглавляли только американский генерал Рокс и британский генерал Форд, представлявшие соответственно штаб Эйзенхауэра и штаб Монтгомери. Дёниц тотчас вступил в контакт с вновь прибывшими. Но помимо вопросов, касавшихся деятельности Контрольной комиссии, Дёница интересовала главным образом «большая политика». Он прежде всего вручил обоим генералам доклад, содержащий *«предложения относительно внутренней политики на востоке»*².

В целом Контрольная комиссия была принята во Фленсбурге с распростертыми объятиями. В факте ее прибытия усматривали признание «правительства» Дёница западными державами³. Это впечатление еще более укрепилось несколько дней спустя, когда Черчилль 16 мая заявил напрямик, что Англия и Соединенные Штаты не намерены «брать на себя управление Германией», что было равносильно утверждению, что управ-

¹ См.: L ü d d e - N e u r a t h. Op. cit.

² Ibid.

³ Ibid.

ление Германией — дело «правительства» Дёница. (О Ялтинских соглашениях больше не вспоминали...)

Ни для кого больше не было секретом, что верховное командование экспедиционных сил союзников поддерживало контакт с верховным командованием вермахта. По сообщению агентства Рейтер (16 мая 1945 года), в штабе Эйзенхауэра было объявлено, что «адмирала Дёница и других немецких офицеров используют временно» и что «деятельность этих немецких офицеров официально контролируется союзниками». Это дало повод лейбористской газете «Дейли геральд» заявить, что в англо-американских кругах существует тенденция превратить в немецкое правительство то, которое уже существует во Фленсбурге.

И действительно, отношения между главами Контрольной комиссии (русские пока еще не были представлены) и «правительством» Дёница складывались так, словно они были вполне законными. Адмирал был в полном восторге. Ему представился «столь желанный случай оказывать политическое влияние на развитие событий»¹.

На борту стоявшего на якоре во Фленсбургском заливе немецкого трансатлантического лайнера «Патриа», служившего резиденцией Контрольной комиссии, происходили регулярные беседы. Памятные записки и прочие предложения министров «правительства» Дёница принимались комиссией «с явным интересом»².

Сам Дёниц дважды посетил генерала Рокса с «официальным» визитом; и каждый раз его встречали со всеми почестями, предписанными уставом: гудок корабля, почетный караул, приветствие офицера. Тот факт, что Дёница 13 мая пригласили к телефону, чтобы поставить его в известность об аресте фельдмаршала Кейтеля, главнокомандующего вермахта, не помешал ему сохранить контакт с комиссией. Этот тягостный эпизод не повлиял на его отношения с главами комиссии. К тому же инициатива в этом случае, по-видимому, исходила от Москвы. Фельдмаршала Кейтеля на посту главнокомандующего вермахта тотчас заменил генерал Иодль. Главное командование германской армии полностью

¹ Lüdde-Neurath. Op. cit.

² Ibid.

функционировало. «Правительство» также осуществило свою власть, назначив, с согласия западных держав, главнокомандующего вермахта.

Любопытно, что до этого момента никого не тревожил вопрос о «законности» этого «правительства», фактически признанного. Такой вопрос возник лишь спустя неделю после капитуляции. Дёница вызвали вторично, на этот раз присутствовал политический советник Эйзенхауэра Роберт Мэрфи. Можно было полагать, что это расследование — так как, по существу, речь должна была идти о расследовании — должно было кончиться плохо для Дёница и его «правительства», принимая во внимание, что его «законность» была более чем сомнительной. Но он остался цел и невредим и его «правительство» продолжало функционировать!

Два дня спустя адмиралу еще раз представился случай встретиться с главами Контрольной комиссии. Он их принимал «официально» в своем рабочем кабинете. Он непременно хотел встретиться с ними до прибытия, уже скорого, советского представителя в Контрольной комиссии.

По этому случаю Дёниц распорядился снять портреты фюрера и других нацистских главарей, «дабы избежать всего, что победители могли расценить как вызов и что могло бы помешать сотрудничеству с ними, без которого нельзя обойтись». Впрочем, «эти портреты были убраны только из залов, где должны были происходить встречи с англо-американцами». Дёниц убрал также «на время совещания» бюст фюрера, украшавший его кабинет¹.

Между тем наступил решающий момент для «преемника» Гитлера. Прибытие русских не предвещало для него ничего хорошего. Неужели те, кем до сих пор пренебрегали, поставят все под вопрос? Неужели их прибытие явится сигналом к прекращению сотрудничества? Мэрфи вновь взялся за проверку полномочий «немецкого правительства». Адмирал для доказательства того, что он действительно является «преемником» Гитлера, предъявил первую радиограмму Бормана. Но относительно этого пункта его сразу же успокоили — никто со стороны западных союзников в этом не сомневался. Дё-

¹ См.: Lüdde-Neurath. Op. cit.

ниц ухватился за представившуюся возможность укрепить свои позиции в их глазах, повторяя вновь уже известные тезисы. Он «касался главным образом отношений Востока и Запада»¹. Он еще раз заверил, что остается верен намеченной Гитлером антикоммунистической линии, которую изложил в своем обращении к немецкому народу 1 мая 1945 года.

«Все народы Запада, включая и немцев, — сказал он, — должны ставить перед собой только одну цель: *воспрепятствовать большевизации Европы*»². И Дёниц добавил, что себя он уже целиком посвятил этой задаче. Благодаря фленсбургской радиостанции, оставленной англичанами в его распоряжении после капитуляции, он «побудил» большое число немецких солдат бежать на Запад, чтобы не попасть к русским. Дёниц хвастал, кроме того, «что он действовал в том же духе среди немцев, особенно солдат, которые еще понадобятся Западу»³.

Он был настолько наивен, что поверил, что англичане и американцы изыщут возможность оставить его на месте, если русские, как того следовало ожидать, предпримут соответствующие шаги во Фленсбурге, чтобы ликвидировать его «правительство». Его беседы с английскими и американскими членами Контрольной комиссии были более чем обнадеживающими. В частности, во время последней беседы Мэрфи констатировал, что «преемник» Гитлера был убежден, что в Германии будет сохранено центральное правительство, действующее в силу полномочий, полученных от Гитлера, и что последний назначил гроссадмирала своим преемником, чтобы обеспечить преемственность третьего рейха⁴.

Доклад, который Мэрфи послал генералу Эйзенхауэру, несомненно, был составлен в этом духе. Но в дальнейшем игра была расстроена вмешательством русских.

Конец иллюзий

Все изменилось с прибытием во Фленсбург 17 мая 1945 года советских представителей в Союзной контрольной комиссии. Между англо-американцами и рус-

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ См.: Robert Murphy. Op. cit.

скими, с тех пор как правительство Дёница обосновалось во Фленсбурге, не было согласия относительно того, как с ним обращаться и каким образом его ликвидировать¹.

Прибытию советских представителей предшествовала энергичная кампания в московской печати против того, что называли (в кавычках) «правительством Дёница».

Насколько энергичным было вмешательство русских, можно представить себе по тому, как англо-американцы сами взялись за дело, чтобы положить конец фленсбургскому «правительству», невзирая на «нормальные» отношения, которые они с ним поддерживали, проча ему долгое существование к взаимной выгоде обеих сторон.

22 мая Дёницу дали знать, что он должен «предстать» на следующий день вместе со своими главными сотрудниками, адмиралом фон Фридебургом и генералом Иодлем, перед Союзной контрольной комиссией в полном составе, то есть с участием советских представителей. Их ожидали на борту «Патрии». На сей раз не было никаких «официальных» приемов «главы немецкого государства». Его заставили явиться, чтобы объяснить ему устами американского представителя генерала Рокса, и притом в самой резкой форме, что верховное командование союзников не признает его правительства, что последнее с этого момента прекращает свое существование, что сам он, гроссадмирал, его министры, так же как и верховное командование вермахта, арестованы и должны считать себя военнопленными².

По сообщению корреспондента агентства Рейтер, присутствовавшего при этой сцене, Дёниц «сделал над собой большое усилие, чтобы произнести несколько слов», которые никто не понял. Генерал Иодль хранил «молчание». Затем немцев под усиленной охраной препроводили в комиссариат полиции во Фленсбурге, где они подверглись обыску, а затем их перевели в тюрьму Бад Мондорф в Люксембурге. Все это произошло за несколько часов. До этого с Дёницей обращались со всеми почестя-

¹ См.: Robert Murphy. Op. cit.

² См.: Karl Dönitz. Op. cit. Такая же судьба постигла начальника штаба люфтваффе генерала Карла Коллера, о котором мы уже упоминали. 25 мая ему также передали вызов явиться на следующий день со своими высшими офицерами в штаб Эйзенхауэра. Они были отправлены в лагерь немецких военнопленных близ Лондона.

ми, подобающими главе государства. Теперь он был всего-навсего военнопленным. В тюрьме Бад Мондорф он видел, как туда доставляли его «министров» и сотрудников, а также и офицеров верховного командования вермахта.

Эта необычайная авантюра окончилась как водевиль. Утром, в тот день, когда его арестовали, Дёниц принял у себя в кабинете своего «премьер-министра» графа Шверина фон Крозика, чтобы заслушать его ежедневный доклад. Их беседу прервали британские солдаты, явившиеся, чтобы увести Дёница¹. Дела в верховном командовании вермахта также были в полном разгаре, когда его начальники были арестованы².

До 23 мая 1945 года, как заключает один западногерманский историк, между западными державами и правительством Дёница существовало взаимопонимание, до того самого дня, когда советское вмешательство положило этому конец. «Арест главы германского государства, — прибавляет он, — был беспрецедентным фактом»³. Но разве не все было «беспрецедентным» в этом деле? «Преемник» Гитлера, который выступал от имени немецкого народа, который обращался почти как равный с западными державами, который готовился играть большую роль в послевоенной политике, — все это могло быть лишь плодом большой мистификации.

Еще не ясно, как бы окончилось это невероятное дело, если бы не вмешательство русских.

¹ См.: Lüdde-Neurath. Op. cit.

² Сообщение агентства Рейтер 23 мая 1945 года.

³ Walter Görlitz. Op. cit.

К «ОБЪЯСНЕНИЮ» СО СТАЛИНЫМ

Черчилль красноречиво описывает свою драму в последнем томе своих мемуаров, в главе под названием «Открылась пропасть». Он видел, как эта «пропасть» открывается перед ним, пропасть нового мирового конфликта. Он созерцал ее хладнокровно, готовый взять на себя ответственность за конфликт.

Победа в войне — это хорошо. Но оставался мир. Мысль об этом его неотступно преследовала. Мир, как известно, представлялся ему в мрачных красках. Он оказался слишком благоприятным для того из союзников, кто внес наибольший вклад по сравнению с другими в общую победу. Это было фактом, а вернуться к прежнему положению было невозможно. В таком виде мир не принес исполнения его желаний и не казался ему достойным одержанной победы.

Поэтому война для него не была окончена. Ее надо было завершить другим миром, не тем, который уже наступил. И Черчилль с таким же нетерпением стремился переделать мир на свой лад, с каким английские и американские солдаты стремились вернуться домой.

Когда он, пишет Черчилль, «проходил сквозь ликующие толпы лондонцев во время праздника, который они более чем заслужили после всего того, что им пришлось испытать», его *«одолевали» «опасения за будущее»*.

Для этих толп *«гитлеровская опасность... казалось, растворилась в сиянии яркого пламени славы»*, *«грозный враг... только что капитулировал»*. *«Трем победоносным державам оставалось всего лишь установить справедливым и прочный мир, на страже которого будет стоять всемирная организация, возратить солдат домой к близким, страдавшим в разлуке с ними, и вступить в новый, золотой век процветания и прогресса...»*

Однако мысль о будущем, скрывавшаяся за этой идиллической картиной, «неотступно преследовала» Черчилля. Мир «справедливый» и «прочный» не был тем миром, о котором он мечтал. Этот мир ускользал от него. Западные державы не будут более господствовать в нем, а тем более определять его. Действительная победа, которой закончилась война, была полным искажением образа той, которую он себе представлял.

«Медаль, — продолжает далее Черчилль, — имела, возможно, и свою оборотную сторону . . .»

«Узы общей опасности, главного, что объединяло великих союзников, исчезли в одну ночь», и «советская угроза», в его глазах, «уже заняла место нацистского врага».

В нескольких словах Черчилль охарактеризовал свою новую политику, оценивая серьезность того, что он называл «советской угрозой». «Новым врагом был доблестный вчерашний союзник». И теперь надо было развертывать силы против него так же энергично, как это делалось против нацистского врага, ибо, в глазах Черчилля, они стояли друг друга. Кроме того, новая борьба должна была также вестись за «Демократию», что обеспечивало ей характер «крестового похода».

Было бы ошибкой полагать, что речь здесь шла о смутных размышлениях. Эти мысли полностью созрели и отражали определенную политику. Надо было добиться оставления англо-американских сил в Европе. В случае их вывода все оказалось бы под угрозой.

Перед лицом «советской угрозы» Черчилль не мог избавиться от «страха, что победоносные армии Демократии вскоре рассеются, тогда как *настоящее и самое трудное испытание еще впереди*».

Этой новой, решающей для него конфронтации он желал и усердно стремился к ней. Новая конференция с участием Сталина представила бы для этого случай.

Зачем понадобилась новая конференция?

После конференции в Ялте, состоявшейся за три месяца до окончания войны, какой-либо новой встречи «большой тройки» до мирной конференции не предусматривалось. В Ялте уже пришли к соглашению по

всем главным проблемам, которые поставила война. Пространный документ, подписанный там 13 февраля 1945 года, должен был послужить основой для работы мирной конференции.

Но Ялтинская декларация рассматривалась в Лондоне и Вашингтоне как слишком благоприятная для русских в силу того, что Советский Союз являлся тогда главным победителем в войне. Во время конференции Красная Армия перешла в наступление на восточной границе Германии. Кроме того, в Ялте главной заботой Рузвельта была Япония. Он рассчитывал на советскую помощь, чтобы быстро закончить войну. Если бы на мирной конференции обсуждения велись на основе ялтинских соглашений, дело западных держав можно было бы считать проигранным. Следовательно, надо было до того, как состоится мирная конференция, вернуться к ялтинским решениям путем созыва новой конференции «тройки». У англо-американцев были бы тогда сильные позиции, чтобы разговаривать с русскими иным языком.

Трумэн в своих мемуарах претендует на то, что идея новой конференции, которая должна была состояться в Потсдаме, принадлежала ему. «Естественно, — писал он, — что после смерти Рузвельта следовало установить новые отношения с Черчиллем и Сталиным». Затем он добавляет: «Для этого мне необходимо было встретиться с двумя главами правительств». Вот почему он сообщил 4 мая 1945 года Гопкинсу, первому советнику Рузвельта, которого он оставил у себя на службе, о своем намерении доверить ему миссию посещения Сталина, а в Лондон он собирался направить Джозефа Дэвиса, бывшего посла Соединенных Штатов в Москве.

Адмирал Леги утверждает, что это он предложил президенту Трумэну созвать новую конференцию «тройки», — еще одно доказательство относительной исторической ценности индивидуальных свидетельств. Когда Трумэн намеревался послать двух эмиссаров в Москву и в Лондон, он еще и не помышлял о новой конференции. Эти эмиссары должны были доставить ему информацию из первых рук, касающуюся Сталина и Черчилля¹. Что касается адмирала Леги, то он сделал свое

¹ См.: Н. С. Труман. Мемуары. Согласно запискам Гопкинса,

предложение Трумэну 14 мая¹. Итак, к этой дате вопрос о будущей конференции в Потсдаме был уже решен. На совещании, состоявшемся в Белом доме 15 мая, пришли к решению о необходимости и даже неотложности встречи со Сталиным при условии, чтобы местом встречи была не Германия. «На этот раз, — писал Трумэн, — ему следует выехать для встречи с нами». В качестве места встречи он предложил Аляску...

На самом же деле не кто иной, как Черчилль, выдвинул идею новой конференции и прилагал усилия, чтобы она состоялась. У него одного было ясное и четкое представление о ее целях. Речь шла не просто о престиже, а о коренном изменении того положения, которое сложилось в результате капитуляции Германии. По его мысли, новая конференция должна была стать дипломатическим Ватерлоо для Сталина, только разве в случае, если бы Сталин не уступил, эта первая «битва за мир» привела бы к новому мировому конфликту. Западные державы были достаточно сильны. Черчилль называл это «объяснением» со Сталиным.

«Сильные козыри» Черчилля

Черчилль задумал конференцию еще до того, как была подписана капитуляция. 3 мая 1945 года в телеграмме Идену, находившемуся на конференции в Сан-Франциско, он полностью изложил свою идею. Можно было действовать смело, на руках были *сильные козыри*: оккупация английскими и американскими войсками значительной части немецкой территории, входившей в советскую оккупационную зону. Поэтому «объяснение» со Сталиным должно было быть «быстрым», и предпринять его надо было в максимально благоприятных условиях, пока американцы еще не покинули Европу.

Черчилль думал предварительно встретиться с Трумэном, чтобы изложить ему свои мысли и согласовать с ним все вопросы. «Я надеялся, — замечает он по этому

идею о возможности посылки президентом Трумэном Гопкинса в Москву для основательного объяснения со Сталиным и Молотовым высказал президенту с «большими колебаниями» сотрудник госдепартамента Дж. Болен.

¹ См.: Leahy. Op. cit.

вопросу в своих мемуарах, — что президент Трумэн, направляясь туда [на конференцию «тройки»], остановится в Лондоне». Все предельно ясно. Черчилль хотел установить единый англо-американский фронт против русских, так как речь шла не о том, чтобы *обсуждать* что-то со Сталиным, а о том, чтобы припереть его к стене, *навязать* ему точку зрения западных союзников.

Черчилль придавал тем большее значение этому свиданию с Трумэном, что он полностью сознавал, какие серьезные препятствия ему надо преодолеть, чтобы добиться создания такого единого фронта. Он знал, что в Вашингтоне с подозрением относятся к «честолюбивым притязаниям» Англии (по словам самого Черчилля), которые могут «привести к новому расколу в Европе» (и это было верно). Поэтому Соединенные Штаты должны были «остерегаться, чтобы не позволить втянуть себя во враждебные отношения с Советской Россией» (каким было отношение Англии). Кроме того, и это главное, надо было «сконцентрировать все американские силы против Японии».

Этот последний момент особенно беспокоил Черчилля. Он понимал, что продолжение войны на Тихом океане парализовало Соединенные Штаты в Европе, поскольку американцы по-прежнему полагали, что не смогут обойтись без советской помощи, чтобы покончить войну с Японией. Действительно, хотя Вашингтон и склонен был равняться на политику Черчилля, он не хотел «переходить к действиям» (то есть следовать за Черчиллем), поскольку он был заинтересован в соглашениях, заключенных в Ялте¹. Сталин взял на себя обязательство вступить в войну против Японии через три месяца после окончания войны в Европе. Этот вопрос должен был быть одной из главных тем в беседах Гопкинса со Сталиным, как уточняет Трумэн на страницах своих мемуаров, посвященных упомянутой миссии.

14 мая Черчилль направил послание лорду Галифаксу, послу Великобритании в Вашингтоне, предлагая ему сообщить государственному департаменту, «что британское правительство желает, чтобы Россия как можно

¹ См.: Herbert Feis. *Between War and Peace...* Princeton University Press, 1960.

скорее вступила в войну против Японии». «Учитывая важные интересы русских на Дальнем Востоке, их не придется долго упрашивать»; во всяком случае, «их вмешательство не должно быть куплено ценой уступок, которые могут нанести ущерб *делу свободы и справедливости в Восточной Европе и на Балканах*».

Конференция стала реальностью

6 мая, накануне немецкой капитуляции, Черчилль направил послание Трумэну с предложением «возможно скорее» устроить трехстороннюю встречу со Сталиным. Он обосновывал это предложение соображениями процедуры: невозможностью обсуждать текущие вопросы путем переписки. Но выдавал свои истинные намерения, подчеркивая в своем послании, что «тем временем» американцы и британцы должны «твердо сохранять» позиции, которые они занимают в Югославии, Австрии, Чехословакии и «*на немецком фронте*».

В этом же послании Черчилль раскрывал существо своего замысла. «Мы должны со всей серьезностью, — добавлял он, — рассмотреть нашу позицию по отношению к Советам и дать им как следует понять, на что мы можем согласиться, а на что не согласимся».

Трумэн ответил 9 мая полным одобрением идеи Черчилля. Он только выразил пожелание, чтобы предложение о созыве конференции исходило от Сталина, а не от американцев или англичан. В тот момент планы Трумэна ограничивались просто установлением личного контакта со Сталиным.

11 мая Черчилль отправил Трумэну новую телеграмму, настойчиво требуя «послать совместно или одновременно приглашение Сталину». Конференция должна была состояться в июне и «происходить в пункте, который не находился бы в зоне, фактически оккупированной русскими». Последнее условие выдвигалось по соображениям престижа. «Уже два раза, — отмечает Черчилль, присоединяясь к мнению Трумэна, — мы ездили к нему». И он вновь повторял идеи, изложенные в посланиях, направленных президенту до капитуляции Германии.

Выразив свой оптимизм относительно исхода парламентских выборов в Англии, которые должны были сос-

тояться в июле, Черчилль далее писал: «Мы могли бы затем отправиться на встречу, назначенную в Германии, чтобы провести *серьезное обсуждение, от которого зависит ближайшее будущее всего мира*».

Тем самым внимание Трумэна было обращено на важное значение, которое Черчилль придавал *своей* конференции, а также на причину, по которой он непременно хотел перед этим встретиться с президентом.

«Поэтому я настоятельно просил бы Вас прибыть сюда [в Лондон]. Его Величество пришлет Вам самое сердечное приглашение. И мы вместе отправимся на встречу с д. Дж. [дядей Джо] в наиболее удобном месте, расположенном за пределами территории, оккупированной русскими».

И Черчилль, возвращаясь к своей навязчивой идее, сам подчеркнул в тексте телеграммы, воспроизведя это и в мемуарах, следующие слова:

«А пока я искренне надеюсь, что американские войска не будут отведены от тактической линии, которую мы занимаем в настоящий момент». И он вновь повторил: «... *Самые серьезные проблемы будут решены в течение двух следующих месяцев*».

На столь настойчивое послание Черчилля не последовало никакой реакции со стороны Трумэна. Вряд ли было бы возможным, чтобы президент его не понял. Скорее, наоборот, причина заключалась в том, что Трумэн слишком хорошо его понял и предпочел не касаться предложений британского премьер-министра, чтобы не вступать с ним в дискуссию. Поэтому он ограничился ответом, что предпочел бы, чтобы предложение о конференции исходило от Сталина.

Расплата за «великий союз»

Черчилль, без сомнения, отдавал себе отчет, что Трумэн избегал дискуссии с ним, несмотря на настойчивость, с которой он обращал его внимание на серьезность положения. Черчилль надеялся, что в конечном итоге в Вашингтоне восторжествует его точка зрения, согласно которой американские и британские войска ни в коем случае не должны были уходить с территорий, занимаемых ими в советской зоне оккупации.

Чтобы произвести более сильное впечатление на президента, Черчилль во втором послании, датированном 11 мая, подвел нечто вроде итогов победы, которые выглядели довольно безрадостно для западных держав. Отход американских и британских войск, писал он, «означал бы, что *волна русского господства хлынет еще на 120 километров в глубину*». Составленный им список территорий, «попавших под русское господство», был довольно длинным. В него он включил Прибалтийские республики, значительную часть Германии до демаркационной линии американской и британской зон оккупации, Чехословакию и большую часть Австрии. Словом, «русское господство распространяется на все столицы Центральной и Юго-Восточной Европы: Берлин, Прагу, Вену, Будапешт, Бухарест, Белград и Софию».

«Такое положение, — подчеркивал Черчилль, — не имеет параллели в истории Европы, и союзники [западные] не приняли его во внимание, занятые долгой и опасной борьбой».

Это было тем, что Черчилль называл «оборотной стороной медали» или «расплатой» за «великий союз», — цена, которую англо-американцы не могли себе позволить заплатить, не попытавшись сначала коренным образом изменить положение.

«Нельзя дальше откладывать, — заявлял Черчилль, — рассмотрение великими державами этих *страшных вопросов* во всей их совокупности». Это было необходимо, поскольку Соединенные Штаты и Англия были пока в состоянии «*кое-что изменить*». «Мы располагаем, — добавлял Черчилль, — разнообразными и могучими средствами воздействия, применение которых могло бы привести к мирному соглашению» с русскими.

Как понимал Черчилль это «мирное воздействие»? Первым и самым важным средством (мы его уже знаем) было сохранение в полном составе американских и британских армий в советской зоне оккупации с целью оказания необходимого давления на русских. Он еще раз уточнял механизм проведения этой операции в своем втором послании Трумэну от 11 мая. Эти войска должны оставаться на месте до тех пор, пока Соединенные Штаты и Англия не придут к взаимопониманию с рус-

скими по основным вопросам, пока не выяснится характер советской оккупации Германии, а также пока положение многих стран, оказавшихся под «советским господством», в частности Венгрии, Австрии и Чехословакии, равно как и Балканских стран, не станет «удовлетворительным».

Именно в целях такого пересмотра должны были англо-американцы использовать свое «временное превосходство», чтобы попытаться «урегулировать» отношения с русскими.

«Все эти вопросы, — повторял Черчилль, — должны быть урегулированы до того, как будут ослаблены американские армии в Европе. Если они не будут урегулированы до того, как американские армии уйдут из Европы и западный мир демобилизует свою военную машину, не будет больше никакой надежды на их удовлетворительное решение и мало шансов на то, чтобы избежать третьей мировой войны».

Черчилль всегда носился с этой идеей. Она лежала в основе всех его спекуляций и его политической стратегии. «Мирные» средства прямо вели к мировой войне так как ничто не позволяло предполагать, что Сталин под давлением этих мер пойдет на уступки и согласится на «удовлетворительное решение» «основных вопросов», интересовавших англо-американцев. Одним словом, Черчилль мыслил только категориями новой мировой войны. Его политические идеи сводились к следующему: никогда больше не представится подобного случая покончить со смертельным врагом, красной Россией, поскольку к его услугам были американцы.

«Железный занавес»

12 мая 1945 года Черчилль возобновил атаку в своем знаменитом послании, известном как послание о «железном занавесе» — образ, который был использован здесь впервые.

Черчилль начал с откровенного признания президенту Трумэну, что испытывает «глубокую» озабоченность в связи с положением в Европе, поскольку он узнал, что уже началась переброска половины американской авиа-

ции в район Тихого океана. Он испытывает *страх* при мысли, что «через короткий промежуток времени военная мощь западных держав на Европейском континенте растает, за исключением скромных контингентов, предназначенных для оккупации Германии». И он ставит вопрос: «Как будут обстоять тем временем дела с русскими?» Ему внушали «чрезвычайное беспокойство» многие обстоятельства, в частности позиция Советского Союза в польском вопросе, а также его «подавляющее влияние» на Балканах.

Перед ним вставал и другой вопрос: какое положение сложится «через два года», когда американские и британские армии «растают» и Соединенные Штаты и Англия будут располагать лишь «горсткой дивизий», тогда как Советский Союз будет «волен решать», если он захочет сохранить 200—300 дивизий. И чтобы заставить президента Соединенных Штатов задуматься, Черчилль рисует апокалипсическую картину положения в Европе на следующий день после победы:

«Над их передним краем [передним краем русских] опускается *железный занавес*. Мы не знаем, что происходит за ним. Более чем вероятно, что все районы восточнее линии Любск—Триест—Корфу будут вскоре полностью в их руках». К этому он прибавляет «огромную территорию» советской зоны оккупации, в настоящее время занятую американскими и британскими войсками, которая должна быть уступлена русским в силу соглашений, заключенных со Сталиным во время войны. «И затем железный занавес снова опустится очень низко, возможно до самой земли».

И вот, в то время как внимание американского и британского народов будет «поглощено тем, какую кару должна понести Германия», «русские смогут свободно продвигаться», если им будет угодно, «до самых берегов Северного моря и Атлантического океана».

По всем этим причинам было жизненно важно «сейчас достичь взаимопонимания с русскими или выяснить отношения» с ними. «Сейчас» означало: «до того как англо-американцы роковым образом ослабят свои армии» или «уйдут из советской зоны оккупации». И для того чтобы всего этого добиться, было бы достаточно одной встречи со Сталиным.

Следует заметить, что Черчилль испытывал «беспокойство» отнюдь не перед «советской угрозой», но, скорее, перед исчезновением военной мощи Соединенных Штатов, без которой было бы невозможно проводить агрессивную политику, направленную на то, чтобы полностью изменить совершенно невыгодное для западных держав, с точки зрения Черчилля, положение, возникшее в результате победы союзников. Беспокойство Черчилля усиливалось еще и потому, что американцы не верили в «советскую угрозу», поскольку они собирались покинуть Европу.

Англо-американские разногласия

К этому патетическому призыву оказать сопротивление не могли, как полагал Черчилль, не прислушаться в Вашингтоне. Последние послания, как он надеялся, склонили президента к его мнению. Послание Черчилля от 11 мая 1945 года было уже довольно оптимистическим на этот счет.

«Я радуюсь, — писал Черчилль, — что Вы сейчас настроены строго придерживаться нашего правильного толкования ялтинских соглашений и твердо стоять на нашей нынешней, уже широко известной позиции по всем спорным вопросам». «Позвольте мне добавить, — заканчивал Черчилль, — что послания, которыми мы обмениваемся в течение месяца, породили у меня чувство глубокого доверия».

Между тем оптимизм британского премьер-министра относительно того, как разворачивается дело с новой конференцией «тройки», был неоправданным. По обе стороны Атлантики его рассматривали с разных точек зрения. Начать хотя бы с того, что Черчилль, как мы видели, придавал большое значение встрече с Трумэном в Лондоне, до конференции! Он считал ее настолько важной, что готов был даже отправиться в Вашингтон¹, несомненно, чтобы не упустить возможности предварительной англо-американской встречи наедине. Надо было показать Сталину, что существует единый англо-американский фронт. Тогда позиция британского премьер-министра на конференции имела бы иное значение.

¹ См.: Leahy. Op. cit.

Трумэн на это не поддался, он проявил даже большую склонность сначала встретиться со Сталиным. Он предполагал вести дискуссии на конференции в ином духе. Еще раньше, когда конференция не предусматривалась, он намеревался обменяться мнениями со Сталиным и Черчиллем относительно положения, сложившегося непосредственно после немецкой капитуляции и после смерти Рузвельта. Именно с этой целью он хотел послать Гопкинса и Дэвиса с особыми миссиями в Москву и в Лондон.

Инструкции, данные президентом каждому из них, весьма отличались друг от друга по характеру. Гопкинс, которого Трумэн принял 19 мая, должен был прежде всего заверить Сталина, что Соединенные Штаты будут придерживаться политики, намеченной президентом Рузвельтом, и что он прибыл в Москву для обсуждения с маршалом вопросов, интересующих Соединенные Штаты и Советский Союз. Кроме того, Гопкинс должен был передать Сталину, что президент желает «заложить основы полного взаимопонимания с советским правительством» и что правительство Соединенных Штатов «никогда» не подпишет «соглашения», из которого был бы исключен Сталин¹. На следующий день, 20 мая, Трумэн направил Сталину телеграмму, чтобы сообщить ему о предстоящем визите Гопкинса.

«Я уверен, что Вы, так же как и я, понимаете, насколько трудно решать сложные и важные вопросы, которые встают перед нами в результате обмена посланиями. Поэтому, пока не представится возможность для нашей встречи, я посылаю в Москву г-на Гарри Гопкинса с Послом Гарриманом, с тем чтобы они могли обсудить эти вопросы лично с Вами»².

Трумэн, совершенно очевидно, желал определить характер американско-советских переговоров, как тех, которые должны были вести его эмиссары со Сталиным, так и тех, которые должны были впоследствии произойти на конференции. Трумэн фактически подчеркнул этот момент во второй телеграмме, которую он послал Сталину на следующий день. Он уточнял, что Гопкинс прибывает, чтобы обсудить со Сталиным «некоторые вопросы, по

¹ См.: Трумэн. Memoirs.

² «Переписка...». Т. II, стр. 231.

которым, по-видимому, имеются недоразумения между обеими странами»*.

У Сталина не было никаких возражений. Он ответил, еще 20 мая, что принимает предложение президента. Он даже дал понять, что пять предстоящих бесед с эмиссаром Трумэна не доставляют ему никакого неудовольствия.

В свою очередь Джозеф Дэвис должен был на месте убедиться в том, что происходит в британской столице. В Белом доме, так же как и в государственном департаменте, сильнее, чем когда-либо прежде, подозревали, что Черчилль умышленно ведет дело к разрыву с Москвой. Все телеграммы, полученные в Вашингтоне в этот период, создавали впечатление, что Черчилль *«способен прибегнуть к опрометчивым действиям, которые могли бы поставить под угрозу союз Большой тройки»*¹.

Воинственный клич

Итак, Вашингтон наблюдал разные политические картины в Москве и в Лондоне. И новая конференция рассматривалась в Вашингтоне и в Лондоне с разных точек зрения.

Черчилль ждал от этой встречи решительного «объяснения» со Сталиным и надеялся на его капитуляцию; в противном случае Черчилль считал возможным вооруженный конфликт с Советским Союзом. Он был уверен в реальности последней из этих двух возможностей и считал первую маловероятной.

Великой проблемой и великой неизвестностью для него оставалась позиция Соединенных Штатов. «Объяснение» со Сталиным, как Черчилль его задумал, было невозможным без активного участия американцев. Отсюда его непрерывные попытки добиться неограниченной поддержки Трумэна. Отсюда и его драма: президент колебался и был сдержан. Недоверие американцев

* Очевидно, речь идет о послании Трумэна Сталину от 23 мая 1945 года, гласившем: «Г-н Гопкинс... направляется в Москву вместе с Послом Гарриманом для бесед с Вами по вопросам, которые теперь обсуждаются между нашими Правительствами». См.: «Переписка...». Т. II, стр. 235. — *Прим. ред.*

¹ Leahy. Op. cit.

парализовало усилия Черчилля. В Вашингтоне разгадали его игру. Там были убеждены, что он ведет дело к войне и хочет во что бы то ни стало втянуть в нее и Соединенные Штаты.

Однако американский народ ни от чего не был так далек, как от мысли о вооруженном конфликте с вчерашним русским союзником, и солдаты не помышляли ни о чем другом, кроме возвращения домой. Кроме того, при таком конфликте англо-американцы оказались бы на стороне наследников Гитлера тогда, когда мир содрогался от преступлений, совершенных нацистами в концентрационных лагерях, которые только что стали достоянием гласности.

На новой конференции «тройки» Трумэн предполагал прежде всего вести более или менее «откровенный» разговор со Сталиным. Безусловно, при этом должны были быть затронуты сложные, возможно неразрешимые, проблемы, однако их обсуждение не носило бы характера «объяснения» со Сталиным. Мысль об «атомном шантаже», едва только возникавшая в умах вашингтонских «ультра», не должна была играть никакой роли на предстоящей конференции. Поскольку среди всех прочих самой главной заботой была война с Японией.

Как велика была дистанция, разделявшая концепции Черчилля и Трумэна, касавшиеся отношений англо-американцев с русскими! В то время как президент намеревался перед конференцией «тройки» вступить в предварительный диалог со Сталиным, Черчилль бросил воинственный клич, который должен был послужить сигналом сбора для всех, кто думал так же, как он, в западном лагере.

Он выбрал 13 мая 1945 года (то есть следующий день после своего послания о «железном занавесе»), чтобы выступить по радио с обращением к английскому народу по поводу капитуляции Германии. Он избрал именно этот торжественный случай, чтобы публично изложить в основных чертах свою послевоенную политику в следующих многозначительных выражениях.

«На Европейском континенте, — сказал Черчилль, — нам еще следует оградить себя от того, чтобы простые и благородные цели, ради которых мы вступили в войну, не были отброшены или преданы забвению в месяцы, которые последуют за нашим успехом, и чтобы слова

«свобода», «демократия» и «освобождение» не были искажены и сохранили свой подлинный смысл, который мы в них вкладываем».

Он продолжал далее:

«Какой смысл карать гитлеровцев за их преступления, если право и справедливость не восторжествуют и если тоталитарные или полицейские государства займут место немецких захватчиков»¹.

Было ясно, Черчилль еще раз повторял, подчеркивал сильнее, чем когда-либо прежде:

что война еще не окончена, «поскольку еще остается достичь целей», за которые сражалась Англия;

что этими целями всегда остаются «свобода», «демократия», «освобождение»;

что это не туманные слова, поскольку, если «свобода» и «демократия» выражают лишь желания, «освобождение» означает активную политику. Просто желать можно только «свободы» и «демократии», но необходимо сражаться, чтобы добиться «освобождения» страны;

что эта политика «справедлива» и, следовательно, оправданна, так как страны, которые надо «освободить», находятся под господством такого же режима, какой они познали при немецком вторжении.

Короче говоря, для Черчилля не было никакой разницы между советским союзником и вчерашним врагом — немцами. Продолжая войну, Англия будет по-прежнему сражаться за те же самые цели. По сути дела, Черчилль возобновлял свою политику *«санитарного кордона»*, начало которой было положено после первой мировой войны, приспособивая ее к периоду после второй мировой войны.

¹ Текст обращения Черчилля опубликован в приложении к его мемуарам (W. S. Churchill. The Second World War. Vol. VI Triumph and Tragedy. London, 1954, p. 666—673).

«ДОБРО» И «ЗЛО»

Характер, который Черчилль собирался придать новой конференции трех держав, вынуждал американцев отмежеваться от него. Все происходило так, словно президент Трумэн шел своим собственным путем, не заботясь о британском премьер-министре, лишь наблюдая за ним с близкого расстояния с явно выраженной тенденцией сдерживать его.

22 мая 1945 года Трумэн объявил о предстоящем отъезде двух своих эмиссаров, Гарри Гопкинса и Джозефа Дэвиса, соответственно в Москву и в Лондон. Это был не только, как мы уже видели, его способ подготовки к конференции — он хотел и сам точно знать, что думают Сталин и Черчилль о состоянии отношений Соединенных Штатов с Советским Союзом и Англией.

В Москве Гопкинс нашел довольно благоприятный климат. Вскоре после смерти Рузвельта Сталин заявил Гарриману, послу Соединенных Штатов в Москве, что хотел бы «незамедлительно засвидетельствовать американскому народу свое желание продолжать сотрудничать» (с Соединенными Штатами)¹. Единственным пятном на этой картине была «эволюция ситуации», о которой сигнализировал Гопкинс в своем первом докладе Трумэну после первой беседы со Сталиным. Но в этой эволюции был повинен Черчилль с его позицией по отношению к русским.

Американо-советский диалог

Сталин, как явствует из того же доклада Гопкинса, «перешел в наступление», упрекая англо-американцев в «неправильных действиях» и заявляя, что, если они не

¹ Le Memorial de Roosevelt.

хотят «обращаться дружественно с Советским Союзом, последний имеет достаточно сил, чтобы одному выйти из всех затруднений»¹.

В дальнейшем пять продолжительных бесед Гопкинса со Сталиным с 26 мая по 6 июня протекали уже совсем в иной атмосфере. Эти беседы касались главным образом польского вопроса и Японии, они не выявили расхождения точек зрения.

Польский вопрос разделял прежде всего Англию и Советский Союз. Сталин прекрасно понимал, что интерес Черчилля к Польше является проявлением его непримиримой антисоветской политики. С самой первой беседы с Гопкинсом он не скрывал своих мыслей.

«Если по польскому вопросу не было найдено никакого решения, — сказал Сталин, — то потому только, что Советский Союз хотел иметь дружественную Польшу, Великобритания же пыталась *восстановить систему санитарного кордона*».

По этому пункту Гопкинс ответил тотчас же, без колебаний, сформулировав позицию Соединенных Штатов: «Ни у американского правительства, ни у народа Соединенных Штатов нет подобного намерения». Сталин ответил на это, что «он говорит только об Англии и что британские консерваторы не желают Польши, дружественной по отношению к Советскому Союзу». В конце концов «польский вопрос» получил оценку Соединенных Штатов в следующей недвусмысленной декларации Гопкинса:

«Соединенные Штаты желали бы видеть дружественную Советскому Союзу Польшу и действительно хотели бы, чтобы вдоль всей границы Советского Союза были бы дружественные страны». Как известно, именно на этой основе строилась советская политика.

Как только Гопкинс приступил к вопросу о Японии, его успокоили на этот счет. В докладе, который он послал Трумэну после этой третьей беседы со Сталиным, он следующим образом резюмировал достигнутые результаты, в целом совершенно удовлетворительные.

«8 августа, — писал он, — Советская Армия будет развернута как надлежит на позиции» в Маньчжурии.

¹ Труман. Memoirs.

Сталин не оставил у нас никаких сомнений относительно своего намерения атаковать в августе». Сталин уточнил, что Советский Союз хочет «довести дело до безоговорочной капитуляции со всеми вытекающими отсюда последствиями». Это означает, что, если Япония не уступит, ее следует «уничтожить, как это было с Германией».

От Польши до Китая

Сталин также затронул в беседе всю совокупность вопросов о положении на Дальнем Востоке, чтобы полностью успокоить американцев. «Он категорически заявил, — продолжал в своем докладе Гопкинс, — что делает все, что в его силах, чтобы осуществить объединение Китая под властью Чан Кай-ши. Он затем объявил, что Чан Кай-ши должен оставаться у власти после войны, поскольку нет никого другого, кто был бы достаточно силен [чтобы осуществлять эту власть]. Несмотря на то что Сталин сдержанно относится к генералиссимусу Чан Кай-ши, он все же окажет ему поддержку»¹.

Эти заявления Сталина должны были вызвать сенсацию в Соединенных Штатах. Единство Китая было целью № 1 политики Соединенных Штатов на Дальнем Востоке, и американское правительство придавало большое значение позиции Москвы в этом вопросе.

Наконец, согласно докладу Гопкинса, Сталин «вновь подтвердил все заявления, сделанные им в Ялте, относительно того, что он выступает за объединение и стабилизацию положения в Китае и полагает, что Китай должен контролировать всю Маньчжурию как часть территории объединенного Китая».

Одним словом, из бесед со Сталиным Гопкинс сделал вывод, что генералиссимус был готов возвратиться к решениям, принятым в Ялте, и осуществлять их на деле.

Трумэн поручил также Гопкинсу передать Сталину предложение о созыве новой конференции «трех» в ближайшем будущем. Этот вопрос был затронут во время первой беседы между ними, 26 мая. Сталин сразу же

¹ Труман. *Op. cit.*

заявил о своем согласии. На следующий день Сталин телеграфировал Черчиллю, сообщая ему эту новость, он отмечал, что встреча «необходима» и «удобнее всего» было бы организовать ее в окрестностях Берлина, добавив при этом, что так было бы «правильно и политически».

Итак, конференция должна была состояться все же в советской зоне.

29 мая Черчилль ответил, что не имеет возражений. Но рассмотрим этот вопрос подробнее.

Необходимое наизидание

С совершенно иной атмосферой пришлось столкнуться второму эмиссару президента Трумэна в Лондоне, совершенно иной характер носили и его беседы с Черчиллем. Джозеф Дэвис не получил даже возможности обсудить с ним основные текущие вопросы или вопросы предстоявшей конференции «трех». Он встретился с человеком, который метал громы и молнии против Сталина, с человеком, готовым пойти на любой риск ради того, чтобы раз и навсегда покончить с русскими.

У Дэвиса было три беседы с Черчиллем в течение 26—29 мая. Первая из них продолжалась пять часов, с 11 часов вечера и до 4 часов утра. Трумэн узнал о деталях этих бесед только из пространного доклада, представленного ему Дэвисом 31 мая, по возвращении в Вашингтон.

Из этого доклада вытекает, что эмиссару Трумэна было главным образом поручено образумить Черчилля.

Дэвис без дальних слов приступил к беседам. Он сразу же коснулся сути дела, заявив, что «серьезное ухудшение отношений Советского Союза с Великобританией, так же как и с Соединенными Штатами, вызывает большую озабоченность [у президента], и [тот] убежден, что не может быть никакой разумной перспективы мира, если не будет сохранено единство трех великих держав».

Таким образом, американцы прямо возлагали на британского премьер-министра ответственность за сложившуюся ситуацию. Они лишали его всякой надежды на то, что Соединенные Штаты примкнут к его политике

Дэвис действительно объяснил, что «все соглашения, подписанные президентом Рузвельтом, будут соблюдаться и выполняться со всей скрупулезностью» новым президентом и что «если когда-либо возникнут расхождения в толковании смысла этих соглашений», то «его самым горячим желанием будет устранение разногласий».

Эти категорические слова эмиссара президента Соединенных Штатов главе британского правительства, по-видимому, были следствием беспокойства, которое внушала политика Лондона Трумэну, чувствовавшему, что миру угрожает опасность, когда война едва успела закончиться.

Дэвис (как явствует из его доклада Трумэну) сказал также Черчиллю: «Президент убежден, что сейчас, после победы, главной целью действительно должно быть *сохранение мира*. Он полагает, что долг трех наций, выигравших войну, не упустить ничего из того, что может быть сделано, без ущерба для их чести, для устранения возникших между ними трудностей, дабы сохранить единство, которое сделает возможным установление длительного и прочного мира».

Далее в докладе говорилось:

«У президента имеются определенные основания полагать, что положение является тем более серьезным, что Советский Союз подозревает Великобританию и Соединенные Штаты, так же как и Объединенные нации, в том, что они сговариваются между собой, *подобно жуликам на ярмарке*. В действительности для таких подозрений нет оснований и их следует *рассеять*, для чего необходимо восстановить *веру* в добрую волю и честность каждой из сторон, — веру, которая может возродиться только в ходе встреч и откровенных дискуссий, которые позволяют узнать и оценить друг друга». Поэтому президент «желал иметь возможность встретиться с маршалом Сталиным» и был также «убежден, что премьер-министр [расценит] эту позицию как вполне разумную и будет [способствовать] такому соглашению».

Эмиссар президента Трумэна старался образумить опасного человека. Ибо манера, в которой президент изобразил внушавшее тревогу положение и обращал на это внимание британского премьер-министра, свидетельствовала со всей очевидностью, что он считал Черчилля

прямо ответственным за сложившуюся ситуацию. В тексте, зачитанном Дэвисом от имени президента Трумэна, не было ни малейшего намека на «советскую угрозу», которая могла бы служить оправданием для позиции, занятой Черчиллем, — «угрозу», против которой Соединенные Штаты и Англия должны были бы выступить единым фронтом. В это же самое время другой эмиссар президента, Гопкинс, проводил беседы со Сталиным, протекавшие в дружественной атмосфере и направленные на урегулирование спорных вопросов, касавшихся Соединенных Штатов и Советского Союза. «Ухудшение ситуации» было прежде всего следствием политики Черчилля, и призыв президента «сохранить мир» был обращен исключительно к нему. Это Черчилль подвергал мир опасности.

«...Как жулики на ярмарке»

Тем временем Трумэн, пока он ожидал доклада Дэвиса, получил 27 мая пространную ноту британского премьер-министра, являющуюся ответом на беседы с эмиссаром президента. Эта нота, как и многие другие документы, написанные лично самим Черчиллем, не фигурирует в его мемуарах. Но большие выдержки из ноты приводятся в мемуарах Трумэна, который называет ее «поразительной», и не без основания!

Нота была написана человеком, самолюбием и достоинству которого, как премьер-министра правительства Его Величества, было нанесено глубокое оскорбление, но вместе с тем и человеком, полным решимости приложить крайние усилия, чтобы склонить на свою сторону президента Соединенных Штатов.

Главное, что он усвоил из слов Дэвиса, это намерение Трумэна встретиться один на один со Сталиным, прежде чем они соберутся втроем на конференцию. Это была последняя капля! Черчилль ведь сам просил о встрече с президентом до конференции, а президент, отклонив это свидание, в то же время высказал желание встретиться со Сталиным! Нет, это было уж слишком, и Черчилль отказывался ехать на *свою* конференцию!

«Черчилль, — как говорит Трумэн, — не мог допустить своего присутствия на встрече, которая была бы

всего лишь продолжением конференции между [президентом] и Сталиным». «Трое» должны были «встретиться одновременно и на равной ноге». Таково было требование Черчилля, из чего следует, что в своей ноте Трумэну он поднял вопрос о намерении президента встретиться со Сталиным прежде, чем отправиться на конференцию. «Премьер-министр, — говорилось в ноте, — узнал с некоторым удивлением о предложении, переданном г-ном Дэвисом и предусматривающем встречу президента Трумэна и маршала Сталина в каком-либо условленном месте. Но представитель правительства Его Величества не может прибыть ни на какую встречу, в которой он не принимал бы участия с самого начала, что было бы, безусловно, достойно сожаления».

Далее в ноте Черчилля говорилось: «Премьер-министр не видит никакой необходимости поднимать вопрос, столь оскорбительный для Великобритании, для Империи и Британского Содружества наций». Но Черчилль тем не менее поднимал этот вопрос.

Вот что шокировало и возмущало Черчилля:

что президент Соединенных Штатов не делал никакой разницы между Англией и Советским Союзом;

что Соединенные Штаты готовы прийти к взаимопониманию с Советским Союзом, не считаясь с Англией;

что президент Трумэн склонен и даже решил встретиться со Сталиным до конференции «трех»;

что президент Соединенных Штатов фактически дезавуировал и осудил политику главы британского правительства, считая ее в большей или меньшей степени причиной возникновения напряженности между западными державами и Россией и опасной для дела мира;

что Америка отвергла черчиллевскую идею единого англо-американского фронта против Советского Союза, с тем чтобы проводить вышеупомянутую политику.

Трумэн, без сомнения, пытается в своих мемуарах утаить (в связи с нотой Черчилля) факты, свидетельствующие о замешательстве и противоречиях в отношениях между Соединенными Штатами и Англией в этот период. Он категорически утверждает: «Я никогда не собирался встретиться со Сталиным один на один, то есть на сепаратной конференции. То, чего я действительно желал, — это сесть за один стол со Сталиным и Черчиллем».

Но Черчилль со своей стороны утверждает в своих мемуарах, что во время первой беседы с Дэвисом он запомнил следующий «решающий момент»: «Президент Трумэн предполагает встретиться со Сталиным один на один где-либо в Европе».

Черчилль добавляет с горечью:

«Я, конечно, был удивлен этим. Мне не понравилось выражение *«сговариваемся, как жулики на ярмарке»*, которое президент употребил в одном из предыдущих посланий по поводу встречи между ним и мною. Великобританию и Соединенные Штаты объединяют принципы и согласие относительно политики, которой надлежит следовать во многих областях, и у обеих стран существуют глубокие разногласия с Советами по многим важнейшим спорным вопросам».

Черчилль продолжает далее в том же тоне:

«Беседы президента и британского премьер-министра на этой общей основе, которые так часто имели место во времена президента Рузвельта, не заслуживают столь порочащего названия. В то же время, когда президент [Трумэн] в обход Великобритании собирается один на один встретиться с главой Советского государства, это, конечно, не «сговор жуликов на ярмарке» — ибо такое невозможно, — а попытка достигнуть в одиночку взаимопонимания с Россией по главным вопросам, по которым мы сами были единодушны с американцами».

Черчилль говорил также, что «ни при каких обстоятельствах не мог бы согласиться на то, что может явиться оскорблением» для Англии, которая «столь верно служила делу свободы с первых дней войны». Он особенно возражал даже против подспудной мысли о том, «что *новый спор с Советами разделял только Англию и Россию*». Он «касался и затрагивал» Соединенные Штаты в такой же мере, как и Англию.

«Великое дело» и «великие принципы»

Черчилль коснулся здесь самого больного места — своего рода «изоляциялизма» в отношении Англии, поскольку дело касалось ее взаимоотношений с Советским Союзом, словно они вовсе не интересовали американцев. Это обстоятельство крайне тревожило его, и он вновь

чрезвычайно решительно высказывает это в другом месте своей ноты Трумэну:

«Премьер-министр не может смириться с мыслью, что Соединенные Штаты ставят на одну доску Великобританию и Советский Союз, что для них это лишь две равнозначные иностранные державы, с которыми надо урегулировать затруднения, возникшие в результате последней войны».

Суть своей политической доктрины, проникнутой духом «крестового похода», он резюмировал в нижеследующей лапидарной фразе:

«Если только речь идет не о силе, не может быть равенства *между добром и злом*. Великое дело и великие принципы, ради которых страдали и во имя которых восторжествовали Великобритания и Соединенные Штаты, нельзя сводить только к вопросу о равновесии сил. Ибо от них действительно зависит спасение мира».

Черчилль, это совершенно очевидно, ушел далеко от принципа равновесия сил — святая святых, во имя которого Англия на протяжении веков господствовала в Европе. Новым принципом, делившим мир на две части, был принцип «добра» и «зла», причем последнее было представлено красной Россией, которая тем самым изгонялась из лоно человечества. Речь не шла больше о политической или идеологической борьбе. Эта борьба велась теперь в более высоком плане, «моральном» и религиозном. Та самая «священная» борьба, во имя торжества которой все было дозволено и все оправдано.

Разве после подобной постановки вопроса можно было оставаться равнодушным к политике британского премьер-министра? И разве можно было ставить на одну доску Соединенные Штаты и Советский Союз?

«Премьер-министр, — говорилось далее в ноте Черчилля, приводимой Трумэном, — на протяжении многих прошедших лет неустанно трудился, добиваясь подлинной дружбы между народами России и Великобритании... Он полон решимости и впредь добиваться этой цели, несмотря на величайшие трудности. Он отнюдь не теряет надежды добиться *счастливого решения*, которое принесло бы большие выгоды России...»

Но «подлинную дружбу с Россией» Черчилль понимал на свой лад. У «*России*», которую он имел в виду, не было ничего общего с Советским Союзом. «Счастли-

вое решение» существующих трудностей, которое принесло бы выгоды «России», предполагало осуждение и уничтожение Советского Союза. Оно предусматривало *«суверенную независимость и внутреннюю свободу множества государств и наций, которые оккупировала Красная Армия».*

Так он изображал Советский Союз: «оккупированные» государства и нации. Эта концепция, претворенная в политику, вела бы к полному «освобождению» наций, то есть исчезновению СССР.

Человек, точно сорвавшийся с цепи

Надо ли говорить, что вследствие всего этого миссия Джозефа Дэвиса в Лондоне потерпела полную неудачу: идеи, высказанные Черчиллем в ноте Трумэну и в беседе с эмиссаром президента, носили такой характер, что еще более усилили беспокойство, которое внушала Вашингтону его политика. В самом деле, эмиссар президента прибыл в Лондон, чтобы порекомендовать большую умеренность в политике и даже сдержать расхвалившегося премьер-министра. Эта попытка оказалась тщетной. Черчилль оставался непреклонным. Он, напротив, воспользовался случаем, чтобы выразить свои идеи в более резкой форме, чем когда-либо раньше. Это был человек, точно сорвавшийся с цепи, способный, если его не остановить, поджечь мир.

«Когда Черчилль стал говорить о Советском Союзе», писал Дэвис в своем докладе Трумэну, он «пришел в ярость и резко критиковал его». «Черчилль явно жил в страхе перед тем, что может произойти, если американские войска покинут Европу». Это было бы «ужасно». Они оставят «Европу обессиленной, на милость Красной Армии и коммунизма».

По словам того же Дэвиса, Черчилль придерживался взгляда, что «позиции, которые американские и британские войска занимали в центре Германии, имели стратегическое значение и должны были быть сохранены, уступить их можно было разве что в качестве разменной монеты в переговорах с Советами». В ответ на замечание Дэвиса, что существует конкретное соглашение, предусматривающее отвод армий в свою зону оккупации,

Черчилль сослался на то, что «обстоятельства претерпели большие изменения». «Было бы трагичным,—настаивал он,—разрешить американским армиям, которые зашли далеко на восток за демаркационную линию, отойти обратно»¹.

Разговоры с Черчиллем привели Дэвиса к заключению, что Черчилль «больше озабочен... защитой позиций Англии в Европе, чем обеспечением мира». Этот вывод «совпадал с тем, который был сделан американским Объединенным штабом родов войск на основании позиции, которую занимал британский премьер-министр на протяжении всей войны»².

В своем докладе Дэвис следующим образом резюмировал впечатления от долгих бесед с Черчиллем.

«Послушав, какие гневные речи он произносил против угрозы советского господства и против распространения коммунизма в Европе, послушав, как он выражает полное недоверие к убеждениям советских руководителей, я спросил себя, не готов ли Черчилль открыто объявить миру, что он, премьер-министр, и британский народ совершили ошибку, не оказав поддержки Гитлеру. Ибо, если я его правильно понял, *Черчилль излагает теперь доктрину Гитлера и Геббельса*, которую они беспрестанно вновь и вновь публично провозглашали на протяжении четырех прошедших лет, чтобы расколоть единство союзников, разделить их, чтобы властвовать. *Они рисовали в точности ту же картину и делали те же выводы, что и он теперь*».

Этот необычайный диалог британского премьер-министра и посланца Вашингтона проливает свет на агрессивную политику Черчилля. Так как за его ссорой с Трумэном по поводу вывода американских и британских войск с территорий, которые они занимали в советской зоне оккупации, скрывался вопрос о том, восторжествует или будет осуждена эта политика. Если бы точка зрения Черчилля возобладала в Вашингтоне, партия была бы им выиграна и мир был бы обречен.

¹ Leahy. Op. cit.

² Truman. Op. cit.

ВОЙНА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Конференция «трех» в том виде, как Черчилль задумал эту операцию, предполагала оставление американских и британских войск на территориях, занятых ими в советской зоне оккупации, и вообще присутствие американских войск в Европе. Без этого сильного козыря конференция теряла смысл для ее инициатора. «Объяснение» со Сталиным было бы невозможным, если бы на конференции англичане и американцы не выступали перед лицом русских единым фронтом, опираясь на свое военное могущество.

Конференция должна была привести к «быстрому урегулированию» спорных вопросов, которое явилось бы для западных держав «вознаграждением за все усилия и страдания в борьбе»¹, или, иначе говоря, привести к такой победе, какой ее мыслил себе Черчилль. Отсюда его неустанные усилия убедить президента Трумэна в необходимости удержать военные позиции англо-американцев в Германии.

Черчиллю было известно, что американцы не разделяют его точки зрения, что они с недоверием относятся к его политике и приняли решение эвакуировать свои войска. Поэтому он непременно хотел завязать «сражение» на конференции в надежде, что Соединенные Штаты окажутся втянутыми в конфликт с русскими, — конфликт, который автоматически развивался бы в силу событий, а Черчилль со своей стороны всячески бы этому способствовал.

В общем, у Черчилля были основания считать себя обманутым. Все шло не так, как он хотел. Американцы

¹ Churchill. Op. cit. Vol. VI.

отводили свои войска, вынуждая тем самым англичан последовать их примеру. К тому же и конференция должна была состояться не в те сроки, которые он наметил.

«Роковое событие»

Ожесточенное «сражение», которое Черчилль вел за советскую оккупационную зону, окончилось его полным поражением. Он сам признал этот печальный конец в телеграмме, посланной Трумэну 5 июня 1945 года.

«С глубоким опасением смотрю я на отход американской армии к нашей линии оккупации на центральном участке, отход, который ведет к советскому господству в центре Западной Европы и к *железному занавесу*, который отделит от нас все, что находится к востоку».

Черчилль полагал, что «этот отход, если уж его следовало осуществить, должен был сопровождаться решением многих важных вопросов, которое явилось бы *подлинной основой для мира во всем мире*».

Он подразумевал, что, прежде чем отходить, англо-американцы должны были урегулировать на конференции *под давлением* присутствия своих войск все вопросы сообразно с тем представлением, *которое было у Черчилля о «мире во всем мире»*. Телеграмма заканчивалась фразой, которая звучит одновременно и как ужасное обвинение, и как предостережение:

«Ни один сколько-нибудь важный вопрос еще не решен, и *на Вас и на меня ложится огромная ответственность за будущее*».

Этот день, 5 июня, был роковым для Черчилля. В этот день в Берлине собрались четверо союзных главнокомандующих в Германии, чтобы подписать знаменитую декларацию, о которой мы обстоятельно рассказали в предыдущей главе, — декларацию, которая решила вопрос о судьбе американских и британских войск, находившихся в советской зоне оккупации. Четверо командующих пришли к соглашению о предстоящем выводе этих войск.

Кроме того, Контрольный совет союзников, учрежденный декларацией от 5 июня, должен был приступить к выполнению своих функций во всех зонах. Следовательно, эвакуация англо-американских войск из советс-

кой зоны должна была быть осуществлена без промедления.

Наконец, если Черчилль был готов игнорировать соглашения, заключенные со Сталиным, Трумэн намерен был их соблюдать. В послании от 12 июня, отвечая на телеграмму Черчилля от 5 июня, президент ссылаясь на то, что чувствует себя связанным этими соглашениями. Они, писал Трумэн, были одобрены Рузвельтом «после долгих размышлений и детальных обсуждений» с будущим президентом Соединенных Штатов, в то время вице-президентом; последний поэтому был «не в состоянии оттягивать эвакуацию американских войск из советской зоны, ибо надо было поспешить с решением других проблем».

Следовало также считаться с реакцией русских.

«Его [Монтгомери] предупредили, — пишет Черчилль по этому поводу в своих мемуарах, — что оттяжка выполнения этого мероприятия до нашей встречи в июле может повредить нашим отношениям с Советами».

15 июня Трумэн телеграфировал Сталину, что он «готов дать указания всем американским войскам начать отход в их зону 21 июня по договоренности между соответственными командующими»¹. Черчилль также был тотчас же предупрежден телеграммой.

Черчилль, конечно, ожидал этого решения. Но оно «отозвалось похоронным звоном» в его душе. «Но мне оставалось только покориться», — заключает он со смирением и горечью, которая легко угадывается. В тот же день Черчилль телеграфировал Трумэну, чтобы сообщить ему, что он, Черчилль, «очевидно, обязан» «подчиниться» «решению» [принятому Трумэном и Сталиным] и что «необходимые инструкции будут даны». Ему больше ничего не остается, как «выразить в заключение надежду, что решение президента будет способствовать со временем установлению прочного мира в Европе».

15 июня Черчилль направил другое послание Сталину, сообщая о том, что он только что прочел копию телеграммы относительно отвода американских войск, которую президент отправил в Москву. В связи с этим он заявлял, что «готов также дать указание фельдмар-

¹ «Переписка ...». Т. II, стр. 242.

шалу Монтомгери договориться... о необходимых мероприятиях по подобному же отводу британских войск [одновременно с американскими войсками] в их зону в Германии»¹.

Отход американских и британских войск начался 1 июля 1945 года. «Советская Россия обосновалась в сердце Европы. Это было роковое событие в жизни человечества». Так драматически выражает Черчилль в мемуарах свое глубокое разочарование, вспоминая об этих событиях.

Интересно отметить, что американское правительство даже не попыталось использовать как «разменную монету» вопрос об отводе своих войск, чтобы добиться от Советов существенных уступок, касающихся доступа в Западный Берлин, а именно создания на территории советской оккупационной зоны коридора, ведущего в бывшую столицу, — вопрос, который оживленно дебатировался в то время в Лондоне и в Вашингтоне. Посол Соединенных Штатов в Англии Вайнант направил государственному департаменту предложение в подобном духе, но на него не отреагировали².

В своем послании Сталину от 15 июня Трумэн старательно избегал связывать как бы то ни было вопрос о Берлине с отводом американских войск. Президент удовлетворился лишь указанием на параллельное осуществление отвода этих сил, ввода в Берлин войск, составляющих гарнизон бывшей столицы, и открытия переговоров относительно свободного доступа в город. Послание Трумэна Сталину гласило:

«Что касается Германии, то я готов дать указания всем американским войскам начать отход в их зону 21 июня по договоренности между соответственными командующими, включая договоренность об одновременном вводе национальных гарнизонов в Большой Берлин и предоставлении *вооруженным силам Соединенных Штатов* свободного доступа по воздуху, шоссе и железной дороге в Берлин из Франкфурта и Бремена»³.

Только немцы впоследствии, когда было создано

¹ «Переписка...». Т. I, стр. 371.

² См.: P. H. Mosely. Op. cit.

³ «Переписка...». Т. II, стр. 242.

западногерманское государство, притязали на то, что свободный доступ в Западный Берлин был гарантирован соглашениями, заключенными с русскими в связи с отводом англо-американских войск из советской оккупационной зоны. Из текста послания Трумэна Сталину вытекает со всей очевидностью, что между двумя этими вопросами нет никакой связи. Трумэн говорил о договоренности по поводу свободного доступа в Берлин, которая существовала еще до соглашения об отводе американских войск. Кроме того, соглашения относительно свободного доступа в Берлин носили чисто *военный* характер и затрагивали лишь передвижение американских войск в Германии.

В довершение всего в окончательной директиве, с которой генерал Маршалл, начальник Объединенного штаба родов войск, обратился 25 июня к генералу Эйзенхауэру относительно отвода американских сил из советской зоны, подчеркивалось, что данная директива не предусматривает никаких действий «для того, чтобы добиться права свободного прохода к Берлину».

«Сражение» за дату Потсдамской конференции

Известно, какой большой интерес представляла для Черчилля *его* конференция «трех» и почему он так настаивал, чтобы она состоялась возможно быстрее. Он поднимал этот вопрос еще тогда, когда даже не было принято решение о созыве конференции.

В телеграмме, посланной Трумэну 22 мая 1945 года, Черчилль настаивал на «срочной необходимости» встречи со Сталиным «в самое ближайшее время». Объясняя причины своей настойчивости, он писал: речь идет о том, чтобы «сформулировать» «ряд демаршей» англо-американской стороны перед Сталиным.

«Я опасаясь, — добавлял он, — как бы он [Сталин] не попытался выиграть время, чтобы остаться всемогущим в Европе, когда наши силы растают».

Спустя пять дней в своей ноте от 27 мая Трумэну Черчилль возобновил атаку. (Это было в той же самой ноте, в которой Черчилль провозгласил свою «доктрину» «добра и зла».) Накануне ему стало известно, что Гопкинс предложил Сталину созыв новой конференции

«трех». Черчилль снова уточнял, насколько «необходимо», чтобы дата созыва конференции была «возможно более близкой».

В его представлении вопрос о дате созыва конференции приобретал такое же значение, как и сами проблемы, которые должны будут на ней обсуждаться, а также те условия, в которых она соберется. Он не может «согласиться», писал Черчилль все в той же ноте от 27 мая, что было бы «разумно» пренебречь всеми прочими соображениями политического характера, упомянутыми в его ноте, «чтобы удовлетворить империалистические требования советской и коммунистической России». И Черчилль настаивал на следующем:

чтобы конференция состоялась как можно скорее;

чтобы три великие державы были приглашены на нее на равных началах.

По словам Черчилля, Трумэн отнесся к этой ноте благожелательно и с пониманием. Но мы уже знаем, какой прием оказал президент ноте премьер-министра. Он был обманчивым для Черчилля, особенно в вопросе даты созыва конференции.

В действительности все было решено в Москве во время первой беседы между Гопкинсом и Сталиным, 26 мая. Но Черчилль не складывал оружия. 29 мая он телеграфировал Сталину, сообщая о том, что будет «очень рад» встретиться с ним, а также с президентом Трумэном, настаивая вместе с тем, чтобы это имело место «в самом ближайшем будущем». Он даже наметил уже и дату — 15 июня.

Между тем это дело от него уже ускользнуло.

1 июня Трумэн объявил ему, что конференция состоится 15 июля в Берлине.

Для Черчилля все шло плохо. Еще можно было махнуть рукой на место созыва конференции — в советской зоне. Но дата ее созыва была для него гораздо важнее. Черчилль еще не считал себя побежденным. Но все его маневры оказались тщетными.

Тогда же, 1 июня, он направил Сталину новое послание. Черчилль снова заявил, что «будет рад» приехать в Берлин со своей делегацией, но считал, что «15 июля... является очень поздней датой». Обосновывая это, он приводил доводы; хотя они были и не совсем ясные, однако смысл их сводился к следующему: чем скорее

соберется конференция, тем сильнее будет позиция англо-американцев.

Эта дата (15 июля), писал Черчилль, является поздней «для срочных вопросов», которые требуют внимания «трех»; последние «нанесут ущерб надеждам и единству всего мира», если позволят «личным и национальным требованиям помешать более ранней встрече». И Черчилль «повторял», что сам он предлагал 15 июня. Но если это невозможно, то «почему не 1 июля, 2 июля или 3 июля?»¹ Черчилль направил копию этой телеграммы Трумэну, разумеется, чтобы в том же духе воздействовать и на президента. Но на сей раз ничего не вышло, все было кончено.

2 июня Трумэн телеграфировал Сталину: «Я уведомил Премьер-Министра Черчилля, что *Вы и я согласны встретиться около 15 июля вблизи Берлина*»². Со своей стороны Сталин послал 5 июня телеграмму Черчиллю в ответ на его телеграмму от 1 июня. Сталин «еще раз» заявлял, что дата 15 июля была согласована с президентом Трумэном. 6 июня Черчилль прислал Сталину окончательный ответ, подтверждая свое согласие с датой 15 июля, о котором он только что сообщил Трумэну.

Вслед за этим Черчилль стал проявлять заботу о том, чтобы не выступать на конференции в роли «бедного родственника» рядом с «двумя великими», дабы они не вздумали и дальше продолжать его игнорировать, согласуя все между собой. Он специально потребовал от Трумэна, чтобы с Англией обращались на конференции как «с равной». Эту заботу, несколько унижительную для достоинства Великобритании, он доводил до деталей.

В послании, которое Черчилль 9 июня направил Трумэну, он заявлял, что, выразив свое принципиальное согласие на встречу 15 июля, он надеется, что президент потребует, чтобы три делегации — американская, британская и советская — «были бы размещены каждая в совершенно отдельной резиденции и располагали бы собственной охраной», а также чтобы заседания конференции происходили «в четвертом помещении, подготов-

¹ «Переписка...». Т. I, стр. 368.

² Там же. Т. II, стр. 238.

ленном для этой цели». Он не может согласиться, добавляя он, «чтобы мы поехали в Берлин, на который, как это согласовано, мы все трое или, вместе с французами, все четверо имеем равные права, просто в качестве гостей советского правительства и армии», «как в Ялте». И Черчилль повторял, что они должны «иметь возможность встречаться на основе равенства».

Сталин, которому Трумэн передал о желании премьер-министра, не выдвинул никаких возражений. Три делегации были размещены на пространстве между Бабельсбергом (предместье Берлина) и Потсдамом, где происходили заседания конференции в специальном помещении — в летней резиденции кронпринца, во дворце Сесилиан-Хоф.

Небезынтересно отметить в связи с датой конференции, что «новое оружие» западных держав еще не входило в расчеты Черчилля в качестве предмета его политических спекуляций. А между тем он был в курсе дела относительно работ по созданию атомной бомбы в США. Если бы у Черчилля была хоть какая-то уверенность в том, что первый взрыв бомбы предстоит в ближайшее время, он, напротив, сделал бы все, чтобы отодвинуть дату созыва конференции, с тем чтобы англо-американцы смогли выложить этот свой главный козырь.

Мотивы Черчилля

Итак, условия были, скорее, неблагоприятными для Черчилля, когда начиналась Потсдамская конференция, где он собирался дать самый большой дипломатический бой в своей жизни. Именно в соответствии с планом этой битвы Черчилль прилагал все усилия, чтобы помешать президенту Трумэну отвести американские войска с территорий советской зоны, которые они оккупировали, или чтобы добиться созыва конференции в самом ближайшем времени.

Аргументы Черчилля, само собой разумеется, носили «оборонительный» характер, но все меры, которые он рекомендовал, исходили из перспективы акции западных держав против Советского Союза. Западным державам следовало сохранять позицию силы в предвидении этой акции.

«Основной причиной, которая побуждала меня торопить с датой созыва [конференции], — объясняет Черчилль в своих мемуарах, — был, конечно, предстоявший отвод американской армии от линии, на которую она вышла в результате сражений, в зону, предусмотренную соглашением об оккупации».

Он боялся, что в Вашингтоне «в любой момент могло быть принято решение уступить этот огромный район протяженностью в 400 миль, достигающий 120 миль в самом широком месте, в котором проживали миллионы немцев и чехов».

Но эта территория интересовала Черчилля прежде всего по другим соображениям:

«Оставление этого района увеличило бы территориальный разрыв» между западными державами и Польшей и лишило бы их *«всякой возможности влиять на ее судьбу»*.

Черчилль желал не просто отсрочить отвод англо-американских войск. Он хотел прибегнуть к еще более радикальным мерам, чтобы полностью изменить ситуацию: к пересмотру соглашений, заключенных в ходе войны им самим и Рузвельтом со Сталиным относительно оккупационных зон в Германии.

«Оккупационные зоны, — заявляет Черчилль в своих мемуарах, — были определены два года назад». Эти соглашения поэтому устарели. «Безусловно, эти вопросы следовало обсудить во всей их совокупности, и время для этого наступило сейчас. Сейчас, пока британская и американская армии и их авиация представляли еще грозную военную силу, и до того, как они растаяли бы вследствие демобилизации и отвлечения больших сил для войны против Японии». Вот почему *«наступило время — последний час, когда надо было достичь общего урегулирования»*.

Великое неизвестное

Вот почему Черчилль, несмотря ни на что, не терял надежды и не считал партию окончательно проигранной, хотя открывавшаяся перспектива была омрачена неизвестностью.

Лично Черчилль — Англия была накануне парламентских выборов — не имел никаких оснований для беспо-

койства. Его слава гарантировала ему успех на выборах, и благодаря этому обстоятельству он прибыл бы на конференцию, обладая еще большим авторитетом, чем прежде. Черчиллю не могло прийти в голову, что английский народ его дезавуирует после первых же публичных выступлений, раскрывающих его политику. После того как он выиграл войну против нацизма, он явится на конференцию «трех» как «новый человек», полный решимости выиграть войну также против большевизма. Если бы Черчилль проиграл на выборах, он исчез бы с политической сцены в разгар конференции, оставив свою «задачу» невыполненной. Но кто бы мог это предполагать?

Между тем великим неизвестным оставалось поведение американцев. Будут ли они по-прежнему придерживаться «нейтралитета» в англо-русских отношениях? Или же они все-таки объединятся с Черчиллем, когда окажутся перед лицом «требований» Сталина?

«Месяц тому назад, — пишет Черчилль в своих мемуарах, — было бы лучше. Но и сейчас было еще не слишком поздно. Кроме того, уступать весь центр, сердце Германии, более того, центр и ключевую позицию всей Европы, как изолированное мероприятие казалось мне слишком опрометчивым решением и серьезной ошибкой. Если это вообще должно было бы быть сделано, то только в рамках общего и прочного урегулирования».

Англо-американцы должны были бы идти в Потсдам с пустыми руками, «не располагая никакой разменной монетой для сделки, и все надежды на будущий мир в Европе могли бы улечься». Тогда осталось бы только «горько плакать по поводу упущенных возможностей», но не ему, Черчиллю, было это решать.

«Все, что я мог сделать, — признает он, — это, во-первых, добиваться приближения срока встречи «трех» и, во-вторых, в случае неудачи, попытаться отложить отвод [войск], пока мы не смогли бы встретиться лицом к лицу на равных правах и обсудить всю совокупность стоявших перед нами проблем».

По обоим этим важнейшим вопросам Черчилль потерпел поражение. Но он отправился в Потсдам, не отказавшись от своих прежних намерений. После того как он против воли был вынужден признать свою неудачу, он не отказался от борьбы, хотя она должна была про-

исходить не в тех условиях, каких он желал. Ведь он шел на конференцию не затем, чтобы просто обсудить со Сталиным спорные вопросы. Он шел туда с обширной программой *пересмотра* — пересмотра победы, которая его не устраивала, с тем чтобы достичь «общего и прочного урегулирования».

«Еще не слишком поздно» — эта идея доминировала в его мыслях и побуждала его к непрерывной активности. Он сознавал, что участие в борьбе титанов ему не по плечу, ибо его Англия не была больше титаном. Но он не отказывался от «объяснения» со Сталиным. Но и эта задача была ему не под силу, ибо он не мог выполнить ее, не вовлекая в борьбу американцев.

Призыв к предательству

Черчилль откровенно излагает свою «философию» в XXXVI главе [VI тома] своих мемуаров под названием «*Роковое решение*». Он фактически рассчитывал на изменения, происходившие в Белом доме начиная с апреля 1945 года.

«Не следует упускать из виду того факта, — пишет Черчилль, — что президент Трумэн не участвовал в первоначальном определении [оккупационных] зон и с ним не консультировались по этому вопросу». (Что, как мы видели, было неверно). Таким образом, весь вопрос сводился к тому, чтобы выяснить в связи с этим фактом, считает ли себя новый президент связанным соглашениями, в которых он не принимал непосредственного участия.

«Вопрос, который встал перед ним [Трумэном] спустя столь немного времени после его прихода к власти, заключался в следующем: должен ли он *отойти, в известном смысле отречься от политики американского и британского правительств, согласованной при его знаменитом предшественнике?*»

Все ясно, отойти от политики Рузвельта означало, в понимании Черчилля, отречься от соглашений, заключенных во время войны между американским, британским и советским правительствами, и примкнуть к его (Черчилля) политике. В действительности Черчилль едва ли задавался вопросом, «настолько ли основательно

изменились обстоятельства, чтобы следовало полностью изменить образ действий, идя на риск быть обвиненным в *вероломстве*.

В действительности этот вопрос для него и не вставал. Раз уж обстоятельства изменились, западные державы были вольны изменить и свою политику по отношению к вчерашнему советскому союзнику вопреки существующим соглашениям. Разве он не прибег к этому «аргументу», чтобы убедить президента Трумэна именно так и поступить, то есть пойти на «вероломство»?

Это требование было чрезмерным для нового президента Соединенных Штатов. Для американцев условия совершенно не изменились. Они все еще находились в состоянии войны с Японией и продолжали нуждаться в русских. Поэтому умеренность и сдержанность неукоснительно соблюдались в Вашингтоне. И помимо всего прочего, американская политика отличалась от политики Черчилля в двух следующих моментах, имевших фундаментальное значение:

а) в Вашингтоне не верили в «советскую опасность», о которой твердил Черчилль, чтобы обосновать и оправдать свою политику;

б) там были убеждены, что Черчилль намеренно ведет дело к войне против СССР.

Когда Черчилль готовился в отъезд в Потсдам, он получил 7 июля 1945 года послание от посла Великобритании в Вашингтоне лорда Галифакса, рисовавшего самым разочаровывающим образом ситуацию в американской столице.

«Я также надеюсь, — докладывал посол премьер-министру, — что американцы, в своих отношениях с нами, будут более восприимчивы к аргументам, подчеркивающим опасность экономического хаоса в европейских странах, чем к нашим *слишком прямым заявлениям об угрозе со стороны крайне левых правительств или угрозе распространения коммунизма*».

Другими словами, в Вашингтоне не принимали всерьез эти более «*прямые заявления*», которые должен был в изобилии расточать британский посол в своих беседах с американскими руководителями с целью поддержать политику премьер-министра. Напротив, американцы проявляли беспокойство по поводу возможных последствий этой политики.

«Американцы, — писал далее Галифакс, — проявляли некоторые признаки нервозности, когда я изображал Европу... как арену столкновения идей, где советское влияние и влияние Запада, весьма вероятно, противостоят друг другу как враждебные и *ведущие к конфликту*». Галифакс выразился затем еще яснее:

«В глубине души у них [американцев] еще таится подозрение, что мы хотим оказать поддержку правительствам правого крыла и монархиям ради них самих, как таковых».

Все это, по словам того же Галифакса, отнюдь «не означает, что американцы откажутся выступить на нашей стороне против русских, когда это станет необходимым». Но они, «возможно, выберут момент с большей осторожностью» и надеются «играть или по крайней мере делать вид, что играют роль арбитра в отношениях между русскими и англичанами».

Эти слова наблюдателя с места были способны лишить Черчилля оставшейся еще у него смелости. Но из всех рассуждений посла он обратил внимание лишь на одно, что во всяком случае Соединенные Штаты выступят на стороне Англии в конфликте с русскими. Все остальное было лишь «выбором момента». Разве такой момент неизбежно не наступил бы, если бы «объяснение» Черчилля со Сталиным привело к конфликту?

Черчилль и атомная бомба

В сущности, великим неизвестным для Черчилля был президент Трумэн. Черчилль очень рассчитывал на личный фактор. Когда Черчилль отправлялся в Потсдам, как он рассказывает в своих мемуарах, ему «не терпелось» встретиться с человеком, о котором он задавал себе вопрос: решится ли тот в конце концов отойти от идей своего предшественника и примкнуть к его идеям?

Итак, встреча с самого начала носила не слишком обнадеживающий характер. Трумэн прибыл в Берлин-Бабельсберг 16 июля, за день до Черчилля. На следующий день он принял главу британского правительства, сделавшего ему первый визит. Этот визит носил, скорее, протокольный характер. Во всяком случае, они не выезжали вместе, чтобы осмотреть столицу, лежавшую в

развалинах. Через день они завтракали вдвоем; но, если следовать рассказу каждого из них, в их беседе не затрагивались темы, бывшие предметом многочисленных посланий, которыми они обменивались с тех пор, как Трумэн обосповался в Белом доме. Все же Черчилль, по-видимому, поддерживал разговор. Говорили об Объединенных нациях, о привилегиях английского короля, о дожде и хорошей погоде...

Такая же беседа имела место у Черчилля со Сталиным во время обеда, продолжавшегося с 20 часов 30 минут до 1 часа 30 минут ночи. Премьер-министр держался в рамках общих фраз, заметно, впрочем, стараясь польстить своему собеседнику. Он сказал Сталину, что британское правительство готово «приветствовать Россию как [новую] великую морскую державу» и что он (Черчилль) желал бы видеть, «как русские корабли будут пересекать мировые океаны». Что было очень великодушно с его стороны...

Между тем в этот момент Черчилль смотрел на мир и на будущее уже другими глазами. Разочарование, сомнения и неуверенность, которые одолевали его на пути в Потсдам, исчезли словно по мановению волшебной палочки. 16 июля, в канун открытия конференции, в Вашингтон пришла, как выразился Черчилль, «*весть, способная потрясти мир*», — весть о взрыве первой экспериментальной атомной бомбы в Аризоне.

Черчилль сразу же понял огромное *политическое* значение этого нового оружия. Он был в отчаянии от потери своего главного «козыря» — присутствия американских и британских войск в советской оккупационной зоне, а тут неожиданно у западных держав появился «козырь» гораздо более грозный, это невиданное устрашающее оружие, которое и вообразить никто не мог.

Кроме того, и это сейчас было наиболее важным, бомба делала излишней советскую помощь в войне против Японии, расчет на которую парализовал свободу действий Соединенных Штатов по отношению к СССР и сводил на нет усилия Черчилля склонить на свою сторону Трумэна.

«Вот оно — средство быстро положить конец второй мировой войне, а возможно, и *многому другому*»¹.

¹ W. Churchill. Op. cit. Vol. VI.

Этим «многим другим» была могущественная советская держава, какой она вышла из войны и которая теперь внезапно оказалась безоружной перед угрозой применения против нее этого нового оружия. Черчилль взвешивал последствия этого переворота. Соединенные Штаты могли теперь говорить другим языком с СССР. Они могли разговаривать на конференции с позиции силы.

Черчилль следующим образом резюмирует в мемуарах все свои размышления и расчеты:

«...Русские нам были больше не нужны. Конец войны с Японией не зависел больше от притока их армий для последнего и, возможно, длительного кровопускания. Нам не было нужды просить их об одолжении».

Через несколько дней после получения «великой вести» Черчилль набросал записку для Идена: «Совершенно ясно, что Соединенные Штаты в настоящее время не желают более участия России в войне против Японии».

Что касается Европы, то Черчилль надеялся на другое счастливое событие. Он пишет по этому поводу в своих мемуарах:

«Вся совокупность европейских проблем могла теперь рассматриваться по существу и в соответствии с широкими принципами Объединенных наций».

Поясняя смысл сказанного, Черчилль отмечает далее:

«Казалось, мы внезапно стали обладателями средства, способного сразу положить конец войне на востоке». Разумеется, но это средство, атомная бомба, «открывало» также и *«гораздо более серьезные перспективы в Европе»*. Черчилль удачно выразил их в самом начале: «Новое оружие давало возможность быстро положить конец мировой войне... а также многому другому».

Все было обоснованно. «21 июля, — замечает в своих мемуарах Роберт Мэрфи, — на четвертом пленарном заседании конференции, на котором председательствовал Трумэн, мы заметили *изменение* в манере поведения президента, бросавшееся в глаза. Он казался гораздо более уверенным в себе, более решительно принимал участие в дискуссии, резко возражал против тех или иных утверждений Сталина. Очевидно, что-то случи-

лось». Впрочем, такая же перемена произошла, по словам Мэрфи, и с Черчиллем¹.

Действительно, изменение в поведении обоих глав правительств было следствием получения новых, дополнительных сведений о бомбе. 16 июля военный министр Стимсон, сопровождавший президента, получил только краткую телеграмму об успешном взрыве бомбы. Лишь спустя четыре дня со специальным курьером военного министерства прибыл подробный и точный доклад об успехе первого атомного эксперимента. Этот доклад, как отмечает тот же Мэрфи, «изменил поведение Трумэна и Черчилля». (Что касается последнего, то он не дожидался доклада, чтобы оценить политическое значение нового оружия и извлечь политический урок относительно того, каким должно быть отношение англо-американцев к русским.)

Новые надежды

С этого момента Черчилль более не сомневался, что «мысли», на которые вдохновляла его бомба, «занимали» также умы американцев. Фактически теперь между Вашингтоном и Лондоном существовало полное единство в оценке ситуации, возникшей в результате появления нового оружия. Возможность его использования рассматривалась с *политической* точки зрения. Идеи Черчилля при этом были тождественны тем, которые восторжествовали в Вашингтоне.

Тогда обсуждался вопрос относительно того, следует ли применить его против Японии или надо взорвать бомбу в пустыне на территории Соединенных Штатов в качестве устрашающего предупреждения японцам с целью заставить их немедленно прекратить войну. Для Черчилля, разумеется, этот вопрос не вставал «ни на одно мгновение». Бомба должна была быть применена против Японии. Он так спешил — он всегда спешил, — что дал свое согласие на это в качестве британского премьер-министра «4 июля, еще до того, как имело место испытание» бомбы. По этому вопросу согласие в его

¹ См.: Robert Murphy. Op. cit. Заметим, что Мэрфи присутствовал на заседании конференции в качестве одного из лиц, сопровождавших Трумэна.

правительстве было «единодушным и автоматически бесспорным» и он не слышал «никогда ни от кого других предложений»¹.

Он оправдывал эту спешку «гуманными» соображениями, что в конечном счете оправдывало и само применение бомбы.

«Предотвратить огромную и бесконечную бойню», «покончить с войной, дать миру мир, пролить бальзам на раны истерзанных народов, продемонстрировав непреодолимую силу ценой всего нескольких взрывов, казалось после всех мучений и опасностей чудесным избавлением...»

Но суть дела ясна. Применение атомной бомбы диктовалось соображениями *политического* порядка. Война с Японией была лишь предлогом. Она практически кончилась и была бы сразу же завершена с помощью вмешательства Советской Армии. Черчилль сам опровергает свои рассуждения в оправдание применения атомной бомбы, и опровергает самым категорическим образом, когда пишет в своих мемуарах:

«Было бы ошибочным полагать, что судьба Японии была решена с помощью атомной бомбы. Ее поражение стало неизбежным еще до того, как упала первая бомба, и было предопределено подавляющей морской мощью, уже это одно позволило захватить океанские базы, откуда могла быть предпринята завершающая атака, перед тем как принудить ее армию в метрополии к безоговорочной капитуляции».

За исключением Трумэна, который в своих мемуарах повсюду защищает тезис, что атомная бомба была применена исключительно с целью положить конец войне против Японии, все остальные, те, кто непосредственно или косвенно принимал участие в изготовлении нового оружия или способствовал его первому испытанию, выступали против этого, прекрасно отдавая себе отчет в ужасных политических последствиях этого шага.

Этот аспект проблемы в равной степени интересовал как Трумэна, так и Черчилля. Секрет бомбы эти двое ревниво хранили между собой. Сталин, как признает Черчилль в своих мемуарах, «был великолепным союзником в войне против Гитлера». Поэтому «ему следова-

¹ Churchill. Op. cit.

ло сообщить о великом новом факте, *который доминировал над всем*. Но это должна была быть только информация.

Раскрыть секрет существования нового оружия надо было внезапно, чтобы запугать Сталина. Если верить Черчиллю, вставал «щекотливый вопрос»: надо ли объявить эту новость Сталину немедленно или же дожждаться конца конференции? И каким образом сделать это в первом случае? Ждать же конца конференции означало лишиться себя сильнейшего «козыря», который позволял теперь англо-американцам оказывать непреодолимое давление на русских.

Если верить тому, что Черчилль набросал в записке для своего Военного кабинета, Трумэн, по-видимому, решил сообщить Сталину новость, но колебался в выборе момента, «полагая, что лучше всего было подождать конца конференции». Это вполне возможно. Черчилль, тот, напротив, думал, что если президент «решил сообщить об этом Сталину, то лучше всего сделать это, сославшись на испытание». Когда бомбу применят, «будет трудно ответить на вопрос Сталина: «Почему нам не сообщили об этом раньше?»

Совершенно очевидно, что для Черчилля, нетерпеливо стремившегося к цели, все доводы были хороши. И в конце концов он достиг цели. Трумэн больше не возражал, но договорились о том, чтобы ни в коем случае не сообщать русским «никаких деталей»¹. Речь шла теперь о том, как разыграть сцену раскрытия тайны, чтобы добиться самого верного эффекта. Думали над тем, сообщать ли новость «письменно или устно», во время «официального или специального» заседания или же в ходе ежедневных деловых встреч на конференции.

Трумэн в конце концов избрал последнее решение. И он взялся за дело довольно любопытным способом, не имевшим ничего общего с обычным сообщением и выдававшим истинные намерения устроителей демарша. Но здесь мы вновь обратимся к рассказу Черчилля в его мемуарах.

После окончания пленарного заседания 24 июля, когда все встали из-за стола, за которым происходили заседания конференции, и разошлись по сторонам, Тру-

¹ W. Churchill. Op. cit.

мэн вместе со Сталиным и обоими их переводчиками отошли к единственному в зале большому окну.

Черчиллю было известно, что собирался сказать президент. «*Важно* было оценить, какое впечатление произведет это на Сталина». Черчилля можно понять. Он, без сомнения, ожидал, что Сталин побледнеет и рухнет под тяжестью ужасной вести о «великом Новом Факте, который доминировал над всем».

«Сталин, — пишет Черчилль дальше, — казалось, был в восхищении». «Новая бомба? Необычайной мощности? Вероятно, может оказать решающее воздействие на войну против Японии? Какая удача!»

Такое впечатление, по словам Черчилля, произвела эта новость на Сталина. Он даже уверился в том, что «Сталин не имел ни малейшего представления, насколько важно то, о чем ему сообщили».

Сталин, несомненно, прекрасно понял смысл сообщения и разгадал намерения Трумэна, объявившего ему эту новость в разгар конференции. Сталин отнюдь не пребывал в неведении. Атомные исследования в Советском Союзе велись с самых первых дней войны.

Черчилль подчеркивает свое разочарование, раскрывая тем самым, какого именно эффекта ожидали от сделанного сообщения:

«Было очевидно, что атомная бомба не занимала никакого места в напряженных трудах и заботах [Сталина]. Если бы у него было хотя бы малейшее представление о *той революции, которая начинается в мире*, его реакция бросилась бы в глаза».

Но Сталин сохранял «веселое и добродушное выражение лица, и разговор между двумя могущественными руководителями быстро закончился». У выхода, пока ждали машин, Черчилль подошел к президенту: «Как это подействовало?» Это вообще не «подействовало». Трумэн был так же разочарован, как и Черчилль. Он рассказал, что Сталин «не задал ни одного вопроса». Сталин до такой степени не проявил интереса — Трумэн впоследствии повторил это в своих мемуарах, — что можно было подумать, что он ничего не понял.

Несомненно, операция с сообщением о бомбе не произвела никакого впечатления на Сталина. Но самый

факт существования нового оружия имел от этого не меньшее значение на конференции и не меньшее влияние на «мировые дела».

«Если бы английские избиратели...»

Потсдамская конференция, собравшаяся после стольких перипетий и в условиях, которые отнюдь не соответствовали желаниям ее инициатора, приняла непредвиденный оборот для этого последнего в результате сообщения об атомной бомбе. Желания Черчилля исполнились. У него были все шансы достичь цели своей политики. «Козырь», которым он отныне располагал для «объяснения» со Сталиным, превзошел все его мечты. Его конференция должна была знаменовать его победу.

Но вот как он с глубокой печалью описывает в мемуарах свое конечное разочарование:

«Этой последней конференции, в Потсдаме, суждено было прозвучать похоронным звоном для моих надежд».

Но похоронила надежду Черчилля не сама конференция. Он был вынужден покинуть эту конференцию, которой желал и которую был полон решимости и способен довести до конца сообразно со своими желаниями. Событие, которое нельзя было ни предвидеть, ни ожидать, помешало Черчиллю выполнить до конца свою «задачу» — парламентские выборы в Англии заставили его уйти с политической сцены.

25 июля Черчилль покинул конференцию, чтобы на следующий день в Лондоне узнать о поражении своей партии. Он больше не должен был возвращаться в Потсдам. 27 июля он вручил королю прошение об отставке своего правительства, а уже 28 июля место Черчилля за столом конференции занял его преемник, лидер лейбористов Клемент Эттли. С этого момента ход событий должен был измениться.

В преамбуле декларации, которую должны были подписать 2 августа 1945 года, при закрытии конференции, можно было прочесть следующий параграф, в котором был выражен дух подписавших эту декларацию:

«Президент Трумэн, Генералиссимус Сталин и Премьер-Министр Эттли покидают эту Конференцию, которая укрепила связи между тремя Правительствами и

расширила рамки их содружества и понимания, с новой уверенностью, что их Правительства и народы, вместе с другими Объединенными Нациями, обеспечат создание справедливого и прочного мира*.

Не вызывает сомнения, что, если бы Черчилль вернулся в Потсдам, он никогда не подписал бы этот текст. Более того, не было бы никакой «потсдамской декларации» и исход конференции был бы совсем другим. Черчилль, как он это заявляет на последних страницах своих мемуаров, не взял бы на себя «ответственность ни за одно из соглашений, достигнутых в Потсдаме».

На конференции в Потсдаме существовали «разногласия, которые не могли быть урегулированы» ни в ходе пленарных заседаний, ни в ходе ежедневных встреч министров иностранных дел, — разногласия, противопоставлявшие Черчилля и президента Трумэна Сталину. Это было неизбежно. Прежде всего это был, как называл его Черчилль, *«ужасный вопрос о польской границе»*.

Этот вопрос был поднят на первых же заседаниях конференции Сталиным, предложившим в качестве новой западной границы Польши линию по Одеру—Нейсе. Черчилль никогда не признавал этой границы.

Действительно «ужасный вопрос». Черчилль, уже решивший дать большое сражение на конференции, был готов взять на себя ответственность за открытый конфликт с Советами.

«Я намеревался, — признает он, — если бы меня вновь выбрали избиратели, как этого все ожидали, схватиться с советским правительством» по вопросу об этой демаркационной линии (Одер—Нейсе).

Если бы Черчиллю удалось посадить в Варшаве удобное ему правительство, то этот «ужасный вопрос» никогда бы не возникал и вообще вся «польская проблема» приняла бы другой характер. Польша стала бы участницей «западного блока», уже имевшегося в зародыше, и ей ни в чем не было бы отказа. Подобно тому как ей сразу после первой мировой войны отдали [Западную] Белоруссию. И Черчилль ссылался бы тогда на огромные жертвы, которые понесли поляки во второй мировой войне, в оправдание новой западной границы

* «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», Т. III. М., ОГИЗ, 1947, стр. 336—337.

Польши, указывал бы на законность присоединения к Польше этих территорий с исторической и этнической точки зрения.

С того момента, как Польша ускользнула из-под его влияния и в Варшаве обосновалось «красное правительство», она больше не интересовала Черчилля. Отныне его интерес был обращен на Германию как на «завтрашнего» союзника. Он негодовал при мысли о том, что Польша выйдет из войны выросшей территориально и дружественной Советам. «Было много других дел, — как пишет Черчилль, — по которым надо было дать отпор советскому правительству, а также и полякам, которые поглотили огромные куски немецкой территории...»

Черчилль был единственным, кто столь ревностно защищал этот тезис, единственным, кто доводил его до конца, до самых крайних его последствий. Это было лишь предлогом, чтобы «схватиться с советским правительством». Когда он хотел созвать *свою* конференцию для «объяснения» со Сталиным, «ужасного вопроса о польской границе» не существовало. Сталин его еще не поднял.

Поэтому и не могло быть также «преемственности» британской политики. Политика, которую начал проводить Черчилль с приближением германской капитуляции и которую он продолжал в Потсдаме, была только его личной политикой. В случае его ухода с политической сцены она должна была прекратиться. Так оно и случилось.

«Результаты всеобщих выборов, — жалуется Черчилль в своих мемуарах, — рассекли переговоры на две части, прервали их раньше времени». Министры нового правительства, которые отправились в Потсдам, не могли «серьезно подготовиться» к этому.

Но дело было не в «неподготовленности» или в «неспособности». Преемники Черчилля не могли следовать его политике. Черчилль это открыто признал. Деятели нового правительства, говорит он, «не были осведомлены о моих идеях и моих планах».

Зато, если бы Черчилль вернулся в Потсдам, он бы реализовал свои «планы», «особенно план «объяснения» (кавычки принадлежат Черчиллю) в конце конференции, и в случае необходимости *пошел бы скорее на от-*

крытый разрыв, чем разрешил уступить Польше какую-либо территорию западнее Одера и восточной Нейсе».

Английский народ вовремя остановил его на этом опасном пути. Британские избиратели своим спасительным вмешательством отстранили от власти самого авторитетного человека своей страны, имевшего наибольшие заслуги перед родиной, лишив его возможности проводить политику, которая привела бы к войне.

Вот так и не состоялась эта война, которая могла вспыхнуть тогда, когда другая едва только кончилась.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«ФУЛТОНСКИЙ НАБАТ»

Черчилль, хотя и отстраненный от власти, продолжал всей силой своего авторитета оказывать влияние на политику западных стран. Самым характерным для периода, наступившего непосредственно после войны, было то, что все политические идеи на Западе носили клеймо: «Сделано в Англии», а идейным вдохновителем являлся Уинстон С. Черчилль. Он был только лидером оппозиции, но обаяние его личности и его престиж были так велики, что он и издали господствовал над своими современниками и не только в английском политическом мире, но и в других странах Запада.

Между тем главным для него было полностью склонить к своей политике Соединенные Штаты. В Вашингтоне еще не нашли нового пути, которым следовало идти. Одно было несомненно — Америка Трумэна не будет Америкой Рузвельта. Тем не менее, ничего еще не было решено, еще царило смятение и шли поиски, еще колебались между новыми идеями и идеями старыми. Эра Рузвельта еще не была окончательно мертва, и в числе тех, кто старался положить ей конец, были не только американские реакционеры, но и Черчилль, который очень на них рассчитывал. На протяжении всей войны он, как известно, находился в постоянном конфликте с Рузвельтом по вопросу о том, какой политики и стратегии следовало придерживаться в отношении советского союзника.

С другой стороны, британская политика при лейбористском правительстве следовала путями, весьма близкими к политике правительства консерваторов. Если лейбористы и победили на выборах, разоблачая «политику войны» Черчилля, то они в свою очередь проявляли

не меньшую заботу о том, чтобы на свой лад обеспечить преемственность имперской политики.

Между тем этот аспект британской политики был не слишком популярен в Соединенных Штатах. Вот почему задача Черчилля была не из легких.

Трудная задача

Известная англофобия проявлялась во всех американских кругах; «антианглийский комплекс», имевший глубокие корни в истории Соединенных Штатов, был еще очень силен. Этот «антибританизм» стал особенно ощущаться к концу 1944 года в связи с целями, которые Англия преследовала в войне. Девиз, который был у всех на устах, гласил, что американцы сражались не ради сохранения Британской империи. Это было настолько серьезно, что лондонский «Экономист», считавшийся проамериканским, объявил войну той «нестерпимой и несправедливой» манере, с которой американцы обращаются с Англией. Эта статья, как говорили в Вашингтоне, была инспирирована британским министром пропаганды Бреннантом Брэнтоном, личным другом Черчилля. А официоз «Вашингтон пост» объяснял «взрыв» «Экономиста» тем обстоятельством, что англичане чувствовали «слабость положения Англии как в военном, так и в финансовом отношениях».

У американцев были все основания подозревать Англию в попытке помешать сохранению союза и дружбы с русскими, столь эффективных во время войны, и настроить Соединенные Штаты против Советского Союза. «Разделяй и властвуй» — таков был извечный девиз Альбиона. Американцы не видели никакой выгоды в расколе мира на две части и даже страшились этого.

Незадолго до смерти Рузвельт сказал своему сыну Эллиоту, резюмируя тем самым всю свою политическую философию, что он боится возникновения после войны англо-американского блока, который расколел бы мир надвое.

Позиция Рузвельта по отношению к Сталину была безукоризненной, и отношения между Соединенными Штатами и СССР были превосходными. Этим объяснялись нападки его противников, упрекавших Рузвельта в

примиренчестве. Однако он в то же время был почти постоянно в конфликте с Черчиллем из-за важных вопросов, которые вставали перед западными державами и русскими. Благодаря Рузвельту удалось избежать самого большого кризиса в период войны, который, несомненно, разразился бы по вопросу открытия второго фронта в Нормандии, ибо Черчилль намеревался открыть его на Балканах, чтобы опередить русских в этом районе.

Черчилль был также противником рузвельтовской концепции послевоенного устройства мира. Его хроническая «советофобия» породила у него неистовое желание уничтожить СССР не только как великую державу, но и как коммунистическую страну. Он стремился к тесному англо-американскому сотрудничеству, к созданию единого антисоветского фронта, чтобы тем вернее добиться осуществления своей цели. Поэтому Черчилль изображал СССР как «агрессивную» и «экспансионистскую» державу, только о том и помышлявшую, чтобы ринуться на западные страны с целью распространить свое господство на всю Европу, хотя, с другой стороны, он сам же признавал и заявлял, что СССР — миролюбивая страна, не желающая войны.

Люди, разделявшие его взгляды, в частности в Америке, кончили признанием того, что Советы заботятся исключительно о своей безопасности, которая является непременным условием для использования их огромных природных ресурсов. (Другой ярый враг СССР, Аденгауэр, который всю свою жизнь твердил о неотвратимой «опасности», исходившей от России, также соглашается в своих мемуарах, что СССР — миролюбивая страна, приводя те же самые упомянутые выше доводы.)

Интерес Советов к коммунистическим партиям западных стран также проистекает из заботы о своей безопасности. В Москве никогда не думали о возможности в один прекрасный день их прихода к власти. Правда, считалось, что они играют важную роль в деле содействия безопасности СССР посредством воздействия на политику своих стран, что, впрочем, по меньшей мере спорно. «Империалистическая война» против Советов оставалась предметом их постоянной озабоченности со времени «санитарного кордона».

В Вашингтоне во времена Рузвельта и даже позднее эту озабоченность Советского Союза принимали во внимание. Расколу мира на две части великий президент противопоставлял единство мира вопреки разделявшим его идеологиям. В качестве противоядия против двух антагонистических блоков, о создании которых мечтал Черчилль, Рузвельт предлагал Организацию Объединенных Наций; следует отметить, что в этом вопросе его поддерживал Сталин. Идея единства мира была настолько популярна тогда в Соединенных Штатах, что стала даже темой книги Уилки («Единый мир»), кандидата от республиканской партии на президентских выборах.

Однако идея единства мира зиждилась на взаимном уважении великими державами того положения, которое каждая из них занимала в результате совместно одержанной победы над Германией. Ялтинские соглашения оставались «краеугольным камнем американской политики», как писал вашингтонский корреспондент «Таймс» (23 мая 1945 года).

В противоположность тому, что думал об этом Черчилль, в Вашингтоне допускали возможность сотрудничества между Соединенными Штатами и Советским Союзом и полагали, что такое сотрудничество отвечает интересам обеих стран и способствует сохранению мира. Подобную точку зрения защищали люди, которых нельзя было заподозрить в «рузвельтизме». В «Нью-Йорк таймс» 30 мая 1945 года военный обозреватель Хэнсон Болдуин подчеркивал, что забота о безопасности является общей у Соединенных Штатов и СССР.

«Многим американцам, возможно, покажется странным, что Россия с ее многочисленным населением и громадной территорией может беспокоиться о своей безопасности в военном отношении. Но Россия, так же как и Соединенные Штаты, желает, чтобы война была подальше от ее границ, поскольку начиная с 1800 года ее территория не раз подвергалась опустошительным нашествиям. Так что и создание в Восточной Европе государств, находящихся под влиянием России, продиктовано соображениями безопасности России».

Политический обозреватель «Нью-Йорк таймс» майор Джордж Фридлиг Эллиот писал 15 мая 1945 года: «Подход русских к вопросу о безопасности вполне

понятен, если учитывать недавний опыт. Советское государство едва не погибло в результате вторжения на его территорию немецкой армии; оно сумело спастись, лишь создав армию, более могущественную, чем немецкая, чтобы изгнать последнюю со своей земли». И обозреватель «Нью-Йорк таймс» усматривал единственную гарантию мира в «стратегическом бракосочетании», как он выразился, между двумя типами могущества: между сухопутным могуществом Советов и воздушным и морским могуществом Соединенных Штатов и Англии.

Напомним, что война против Германии, которая скрепляла дружбу «великой тройки», была окончена и в Белом доме находился уже не Рузвельт, а Трумэн. Тем не менее новое правительство продолжало выступать в роли «посредника» между Англией и Советским Союзом, чтобы их постоянные ссоры не переросли в конце концов в общий конфликт.

Из Сан-Франциско, где англичан подозревали в саботировании работы конференции по подготовке создания Объединенных Наций, Уолтер Липпман призывал американцев со страниц «Нью-Йорк геральд трибюн» от 15 мая 1945 года продолжать играть роль «посредников» и «собрателей» Объединенных Наций, предостерегая их против отхода от этой политики в результате известного давления, ибо это «привело бы Соединенные Штаты к выступлению в роли партнера и защитника частных интересов». (Читай: интересов англичан и их друзей в Соединенных Штатах.) И Липпман давал рекомендации, оказавшиеся пророческими, глубокий смысл которых стал ясен лишь впоследствии в свете дальнейших событий:

«Крайне важно, чтобы мы сохранили нашу особую роль в тех затруднениях, которые возникли в англо-советских отношениях, не забывая о том, что если эти противоречия сегодня связаны с Польшей, то вообще они охватывают обширный район Балкан и Среднего Востока».

Однако политика взаимопонимания и сотрудничества могла основываться только на убеждении, что Советский Союз является миролюбивой державой и что ему можно доверять. 11 июня 1945 года генерал Эйзенхауэр, выступая на собрании в Лондоне, куда он прибыл по случаю присвоения ему звания почетного гражданина

британской столицы, сказал: «Я убежден, что русские желают мира и, так же как и другие державы, хотят иметь возможность развиваться».

В свою очередь министр внутренних дел Гарольд Икес в краткой приветственной речи, произнесенной 26 июня 1945 года в Нью-Йорке на банкете, данном в честь Томаса Манна, сказал: «Все, чего русские желают, — это мир. Мир, который позволил бы им развивать свои огромные ресурсы, восстановить свою разрушенную промышленность и вновь отстроить свои города».

21 октября 1945 года государственный секретарь Джеймс Бирнс заявил: «Соединенные Штаты никогда не присоединятся к блоку какой-либо группы европейских держав, враждебных России». Между тем эти слова были произнесены после первой неудачи мирной конференции в Париже*. Тем большее значение имело одобрение, которое государственный секретарь выразил в адрес советской политики безопасности:

«Мы с симпатией наблюдаем за усилиями, которые прилагает Советский Союз для установления более близких и дружественных отношений со своими соседями в Центральной и Восточной Европе. *Мы полностью признаем его особые интересы в этих странах с точки зрения безопасности...* Мы ценим решимость русского народа никогда не допустить в этих странах политики, преднамеренно направленной против безопасности Советского Союза».

Тот же государственный секретарь, выступив 28 февраля 1946 года с речью в клубе иностранных журналистов в Нью-Йорке, изложил принципы внешней политики Соединенных Штатов и их позицию по отношению к Объединенным Нациям и Советам. И то, что он сказал, было в корне противоположно идеям, которые спустя несколько дней развивал в Фултоне Черчилль. Государственный секретарь утверждал, что идеологические разногласия не являются достаточным основанием к тому, чтобы народы ссорились между собой. (Такой всегда была точка зрения русских.) Он напомнил, что Соединенные Штаты «от всего сердца и с великой радостью»

* Автор, по-видимому, имеет в виду первую сессию Совета министров иностранных дел в Лондоне (11 сентября — 2 октября 1945 года), проводившую подготовительную работу для Парижской мирной конференции 1946 года. — *Прим. ред.*

приняли Советский Союз «в качестве великой державы» в семью Объединенных Наций.

«Только цепь трагических и непростительных ошибок, — добавил он, — могла бы спровоцировать серьезный конфликт между Соединенными Штатами и Россией».

Бирнс также сказал: «Чтобы избежать ссор, мы не должны допускать, чтобы некоторые ситуации превращались в тупики, из которых невозможно найти выход».

В основе этой политики, такой как ее охарактеризовал государственный секретарь, — политики взаимопонимания и примирения с Москвой, — действительно лежало убеждение в том, что ничто не разделяло Соединенные Штаты и Советы. То, что в Ялте представлялось как разделение мира на две части, было фактическим признанием послевоенного *статус-кво*, единственной гарантией мира. Поскольку «великие союзники», выигравшие войну против общего врага, были разделены глубокими идеологическими разногласиями, они не имели иной возможности сохранить единство. Мир мог покоиться только на этой основе. Всякая иная политика «пересмотра» таила в себе зародыш новой войны...

Другая Америка

Было бы, однако, неверно думать, что Черчилль в такой неблагоприятной для него обстановке сложил оружие. Отнюдь нет. Дружба, взаимопонимание и сотрудничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом, которые признавались насущной необходимостью в интересах Америки и сохранения мира, отнюдь не представляли собой определенной политики Белого дома и государственного департамента.

Когда говорят об американской политике, ни в коем случае нельзя упускать из виду, что это всего лишь общее место, что существует две Америки: официальная, та, за делами которой можно наблюдать, и другая, та, которая очень часто направляет и определяет поведение первой, но совершенно не доступна контролю. Это Америка трестов, крупных предприятий и банков, короче — это «власть денег», которая прекрасно ладит с военными. Именно этой Америке почти всегда принадлежало

решающее слово в качестве глашатая Пентагона и секретных служб ЦРУ, поскольку речь идет всегда в конечном счете о «защите» и «безопасности» Соединенных Штатов. (В Америке существует целая политическая литература на этот счет.)

Иначе невозможно объяснить невероятные противоречия американской политики и хроническую беспорядочность, с какой она развивается. Власть не всегда находится в руках официально ответственных лиц. Последним неизменно приходится иметь дело с государством в государстве. Именно под этим углом зрения следует рассматривать превратности американской политики.

В отличие от непоследовательности и зигзагов официальной политики реакционные силы придерживались прямой линии еще в довоенный период, в ходе войны и после второй мировой войны. Они столь же упорно боролись против политики президента Рузвельта, как и против ее сторонников, еще остававшихся в административном аппарате Трумэна. И в большинстве случаев им удавалось поставить на своем. Обстоятельства, при которых Рузвельту удалось вовлечь Соединенные Штаты в войну против нацистской Германии, являются лучшей иллюстрацией к этому.

Лидер республиканцев сенатор Ванденберг, кандидат в президенты на выборах 1940 года, был выразителем оппозиции, не желавшей вступления Соединенных Штатов в войну; он выступал против Рузвельта, которого подозревали в стремлении втянуть страну в войну. В речи, произнесенной 16 сентября 1939 года, Ванденберг открыто нападал на президента, поскольку тот хотел изменить закон о нейтралитете Соединенных Штатов, разумеется, для того, чтобы сделать возможным вступление в войну. Спустя неделю возник так называемый «Национальный комитет», именуемый «Америка прежде всего», в состав которого вошли 24 сенатора, а также ряд весьма влиятельных лиц, таких, как Герберт Гувер, бывший президент Соединенных Штатов, Генри Форд, Линдберг, губернатор Лафолетт и другие.

Эта оппозиция вступлению Соединенных Штатов в войну против Германии выступала под флагом «свободы торговли». Но она была столь энергичной и столь популярной, что Рузвельт вынужден был с ней считаться.

25 октября 1939 года он заявил: «Соединенные Штаты остаются нейтральными и ни в коем случае не намерены дать вовлечь себя в войну», добавив, однако, что американский народ не является нейтральным.

Кампания «нейтралистов» [«изоляционистов»] против эмбарго на экспорт оружия велась по всей стране, поскольку это оружие предназначалось для Англии. Мысль о вмешательстве Соединенных Штатов в войну приводила их в ужас. Депутат, член демократической партии Бартон заявил, что война против нацистской Германии была бы самой безрассудной и преступной из всех войн.

В октябре 1939 года бывший британский военный министр Дафф Купер прибыл в Соединенные Штаты с целью вести там пропаганду в пользу Англии. 1 ноября «Нью-Йорк геральд трибюн» задала ему следующий вопрос: почему он не отправляется сражаться в окопах? «Нью-Йорк америкэн», орган сенатора-изоляциониста Джонсона, 9 ноября 1939 года выступила с разоблачением миссии помощника государственного секретаря Самнера Уэллеса в Европу, имеющей своей целью подготовку вступления Соединенных Штатов в войну.

Следует заметить, что в это время гитлеровская Германия сражалась не против Советов, она сражалась против западных держав. «Нейтралисты» усилили свою активность после немецкой победы во Франции. Тогда считали, что война для Англии проиграна («Нью-Йорк дейли миррор»), что президенту Рузвельту следует сделать торжественное заявление, что Соединенные Штаты не вступят в войну («Уорлд телеграм»). На заседании комиссии сената по военно-морским делам 16 апреля 1940 года о поражении Англии говорилось как о решенном деле; сенатор-демократ Дауни ссылаясь на то, что посол Соединенных Штатов в Лондоне Кеннеди, а также посол Соединенных Штатов в Париже Буллит высказывали в комиссии сената по военным делам уверенность в неминуемом и быстром поражении Англии и Франции и что они предупреждали президента Рузвельта о вероятной победе Германии.

Примечательно, что противники вступления Соединенных Штатов в войну были как в рядах республиканской, так и демократической партий. Известно, что реакционные элементы обеих этих партий смыкаются между

собой. Сенатор-демократ Уилер, соперник Рузвельта при выдвижении кандидата в президенты от демократической партии, добился на съезде в Чикаго, 18 июля 1940 года, включения в программу партии следующей официальной декларации о «нейтрализме»: «Соединенные Штаты не будут вмешиваться ни в какие конфликты между иностранными государствами и не направят вооруженных сил сражаться в другие страны, за исключением того случая, когда они сами станут объектом агрессии». Между тем самые большие надежды Англия возлагала именно на вмешательство Соединенных Штатов. В то же время американский нейтрализм поощрял Гитлера в его планах нападения на Советский Союз. (Тогда никто не мог подозревать, что это приведет к гибели Гитлера.)

Кандидат республиканцев Уилки тем более энергично проводил предвыборную кампанию под лозунгом сохранения мира, что все были уверены в желании Рузвельта вовлечь страну в войну. Настолько уверены, что президент оказался вынужденным плыть по течению. В предвыборной речи, с которой Рузвельт выступил 12 сентября 1940 года, он заявил: «Я ненавижу войну больше, чем кто-либо другой. Я полон решимости сделать все, что в моих силах, чтобы предохранить Соединенные Штаты от войны». «Я вместе с моей партией, — утверждал он, — подчиняюсь решениям, принятым в Чикаго».

Победа Рузвельта на выборах в ноябре 1940 года несколько прояснила ситуацию. Но президенту стоило большого труда добиться от конгресса чрезвычайных полномочий, которых он просил. Все теперь знали, для чего они ему понадобились. Поэтому «нейтралисты» с удвоенной силой повели атаки против его политики вступления в войну. «Эта война будет не войной нации, а войной президента», — писал редактор большого американского журнала «Крисчен Сенчури» Клейтон Моррисон.

Вступление в войну Советского Союза еще больше ослабило позицию Рузвельта. Противники войны усилили свою аргументацию антикоммунистическими доводами. «Участие Соединенных Штатов в конфликте под тем предлогом, что они выступают в защиту демократии, теперь будет труднее объяснить, чем когда-либо прежде», — писала «Нью-Йорк дейли миррор». «Победа Ста-

лина, — писала газета далее, — означала бы большевизацию Европы. Таким образом, для Америки нет никаких оснований вмешиваться в эту войну».

Понадобилась драматическая и дорогостоящая военная хитрость в Пёрл-Харборе (японцам было дозволено «неожиданно напасть» на американцев, в то время как в Вашингтоне были известны инструкции и приказы, которые давались в Токио, поскольку американцы давно уже расшифровали японский секретный код), чтобы вызвать достаточно сильный психологический шок у американского народа, позволивший президенту Рузвельту вовлечь его в войну. К тому же это удалось только окольным путем! Только через Дальний Восток, где на карту были поставлены исключительно американские интересы. Вступление Соединенных Штатов в войну против Германии произошло только тогда, когда Гитлер его спровоцировал.

Но американская реакция не сложила тем не менее оружия. Она вела себя весьма активно на протяжении всей войны и так и не признала «Великого союза». Она была лучшей соучастницей политических интриг Черчилля. В ее активе было первое большое сражение, которое Соединенные Штаты дали в Германии после окончания войны (речь об этом пойдет ниже), после того как они саботировали политику Рузвельта, основанную на Ялтинских соглашениях и вновь подтвержденную соглашениями в Потсдаме, которые в конце концов были превращены в «клочок бумаги». Мы увидим, как эта реакция направляла и определяла «новую политику» Соединенных Штатов в правление Трумэна.

«Война еще не окончена»

Доминирующей идеей Черчилля по-прежнему оставалась идея открытого конфликта с Советами, на который Западу следовало идти под знаком «освобождения» «порабощенных народов» Востока и под руководством Соединенных Штатов, поскольку Великобритании была более не по силам эта роль. Эта идея, как мы уже видели, лежала в основе всей его политики, когда завершилась война с Германией. Провал Черчилля на выборах дал ему больше досуга, чтобы откровенно продолжать свой «крестовый поход» и больше воздействовать на

американское общественное мнение. Он полагал, что под давлением последнего президент Трумэн решительно и окончательно присоединится к его политике. Только страх перед коммунизмом мог мобилизовать американцев, поэтому именно под покровом антикоммунизма можно было побудить Соединенные Штаты встать на сторону Англии.

Фактически вся британская политика, как ее задумал Черчилль и как она проводилась на практике лейбористским правительством, была рассчитана на постоянную и могущественную поддержку Соединенных Штатов для защиты империи.

Первая речь, которую Черчилль произнес в палате общин 16 августа 1945 года в качестве лидера оппозиции, содержала краткое повторение его общих политических идей, которые должны были лечь в основу новой политики западных держав в послевоенный период. Воздав должное «верности и храбрости маршала Сталина и Красной Армии», Черчилль объявил «ошибкой» «временную» западную границу Польши в том виде, как она была намечена по предложению Сталина на Потсдамской конференции, и осудил режим стран Восточной Европы. В действительности он осуждал то, что ему представлялось «русской победой», затмившей победу союзников. Он подал сигнал к «пересмотру» и вновь выдвинул формулу «железного занавеса».

В речи, произнесенной им в Фултоне (5 марта 1946 года), Черчилль изложил перед американцами свою политическую программу. Он избрал для этого весьма благоприятный момент. В то время мир был свидетелем обострения американско-советских отношений вследствие иранского кризиса (запоздание русских с выводом войск, находившихся в этой стране с начала войны).

Речь в Фултоне, как заметил Бернард Шоу, была равносильна неофициальному объявлению войны России. Речь Черчилля, как говорит Шоу, «закладывала основы предстоящей войны», целью которой были бы «разгром и уничтожение коммунистической России». Впрочем, так же истолковали фултонскую речь и в Москве.

Черчилль прежде всего предложил американцам военный союз в предстоящей войне. В самом деле, он гово-

рил об «опасности» «тирании» и заявил американцам, что Соединенные Штаты в силу того факта, что они находятся в апогее своего могущества, призваны выполнить «гуманную миссию», взяв на себя «ответственность за будущее».

Черчилль перешел затем к главному. «До сих пор между нами существует полнейшее согласие. Но касаясь вопроса о способе, каким следует осуществить нашу стратегическую концепцию, я подхожу к вопросу о том, для чего я совершил это путешествие и о чем хотел с вами побеседовать». И он тотчас же провозгласил «братское объединение» народов, говорящих на английском языке, «единственным» средством, которое может спасти мир. Это, объяснил Черчилль, означает установление «особых отношений между правительствами Британской империи и Соединенных Штатов».

По его мысли, эти «особые отношения» должны были дойти до *полного слияния англосаксонского мира*. Черчилль в этой же речи предусматривал даже «общее гражданство» этих народов. Следует-де оставить в стороне «общие места», и, чтобы американцы лучше поняли смысл этого «братского объединения», Черчилль изложил обширную программу военного сотрудничества между Соединенными Штатами и Англией:

установление тесных связей между военными руководителями обеих стран;

совместное использование всех морских и воздушных баз, принадлежащих каждой из стран;

унификация типов вооружения и обучения в их армиях;

обмен офицерами, курсантами и т. д.

Зато Черчилль горячо восставал против идеи поделиться атомным секретом с русскими или доверить его Объединенным Нациям. Это было бы, с его точки зрения, безумием.

Само собой разумеется, что Черчилль притязал на то, что его предложения имели целью прежде всего «предотвращение войны» и не были направлены против кого-либо конкретно. Он выразил свое «восхищение» и «уважение» «добрлестному русскому народу», а также своему «товарищу военных лет маршалу Сталину». Кроме того, он заявил о своем согласии с Бевином, новым лейбористским главой министерства иностранных дел,

который незадолго до этого предложил продлить на пятьдесят лет англо-советский договор 1942 года. Наконец, в связи с этим он еще раз признал необходимость для Советского Союза обезопасить себя от новой германской агрессии, а также его волю к миру.

Но все это было не более как алиби, к которому вынудили обстоятельства. Черчилль прибыл в Америку не затем, чтобы засвидетельствовать дружественное отношение и хорошее поведение русских, а чтобы проповедовать антикоммунистический «крестовый поход» и рекламировать с этой целью идею англо-американского военного союза, ясно указав «врага», против которого он будет направлен. «Несколько фактов», касающихся положения в Европе, к которым Черчилль привлек внимание своих американских слушателей, — фактов, которым, как он сказал, следует взглянуть в лицо, «пока еще есть время», были следующие:

распространение господства русских на половину Европы, от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике;

«тирания», осуществляемая в странах, находящихся в этой зоне, за «железным занавесом»;

советский «экспансионизм», не ведающий пределов.

Все эти факты показывали, что «освобождение» Европы, за которое сражались союзники, еще не достигнуто. Вот почему Черчилль предостерегал американцев против политики «умиротворения», то есть против сближения и роста взаимопонимания между Соединенными Штатами и Советским Союзом в рамках соглашений, заключенных между «великими союзниками» во время войны, которые еще продолжали их связывать, а также в рамках Объединенных Наций. «Ничто не внушает им [русским] меньшего уважения, чем слабость в военном отношении», — заключил Черчилль.

Черчилль повторял и вновь воскрешал идеи своей политики и аргументы в ее защиту, которые он приводил и развивал в многочисленных посланиях президенту Трумэну, с тех пор как тот обосновался в Белом доме, а также во время подготовки к Потсдамской конференции, в его обращении к английскому народу 13 мая 1945 года по случаю победы и в его предвыборных выступлениях. По существу, это была все та же политика силы, которую он пытался теперь сделать популярной в

Соединенных Штатах, стараясь дать понять американцам, что «война еще не окончена»: остается освободить Европу от большевизма.

«Американское событие»

Черчилль, правда, не забывает подчеркнуть «личный» характер своей речи в Фултоне, поскольку лондонское правительство не возлагало на него никакой официальной миссии. Правда также и то, что лейбористы в целом не одобряли этой речи. Лидера консерваторов обвиняли главным образом в том, что он хочет превратить Англию в «сорок девятый» штат Америки («Нью-Стейтсмен энд нейшн»). Это было, конечно, невероятное зрелище: человек, который, как никто другой, символизировал все, что было гордого и величественного в старом Альбионе, побуждаемый своим антикоммунизмом, становится под звездно-полосатый флаг Америки, стремясь натравить Соединенные Штаты на Советы.

На деле Черчилль говорил также и от имени лейбористского правительства, которое эффективно обеспечивало «преемственность» традиционной внешней политики Англии. Поэтому речь в Фултоне имела такое важное значение.

В Лондоне рассказывали, что текст этой речи был подготовлен в сотрудничестве с лейбористским правительством. Разумеется, правительственный орган «Дейли геральд» утверждал, что правительству об этом ничего не было известно. Но не было опубликовано никакого опровержения, никакой критики идей, изложенных лидером оппозиции консерваторов. Лишь спустя целую неделю, 12 марта, «Дейли геральд», снова отреагировала на это событие, отвечая на упреки «Правды» в адрес лейбористского правительства в связи с речью Черчилля, которую орган Коммунистической партии СССР, разумеется, также атаковал.

Тем не менее орган лейбористов все еще воздерживался от того, чтобы высказаться по существу дела. Не было опубликовано никакого официального заявления по этому вопросу и тем более не было выражено никакого осуждения идей бывшего премьер-министра, высказанных с такой откровенностью американцам. В Лон-

доне, совершенно очевидно, не пытались ослабить впечатление, которое фултонская речь произвела в Соединенных Штатах. Эттли выступил по этому поводу в палате общин лишь после того, как его вызвали на это несколько лейбористских депутатов. Но он выступил лишь для того, чтобы в свою очередь подтвердить, что Черчилль говорил от своего собственного имени и что правительству не было известно об этой речи.

Только дело обстояло отнюдь не так просто. По словам премьер-министра, посол Великобритании в Вашингтоне не мог заранее одобрить или не одобрить речь главы оппозиции. На вопрос депутата-лейбориста Драйбера о том, не означает ли это, что посол был знаком с текстом речи еще до ее произнесения, Эттли ответил уклончиво: «Мне не известно, читал он речь или нет. Текст речи был ему передан. Но у него не просили одобрения или неодобрения или высказать свое мнение по этому вопросу».

Таким образом, можно считать установленным, что Черчилль до того, как он произнес свою «личную» речь, представил ее текст британскому послу, и тот должен был, хотя бы любопытства ради, ознакомиться с ней. Бывший премьер-министр (то есть первый министр) не был первым встречным. Все это было настолько очевидным, что, когда Драйбер заметил, что глава оппозиции был чем-то большим, чем просто британским гражданином, Эттли смолчал.

Истинный смысл речи в Фултоне раскрыло Би-Би-Си в своей передаче на французском языке 6 марта 1946 года. До войны Черчилль разоблачал нацистскую угрозу, теперь же он разоблачал новую, «русскую опасность». Этим все сказано. В редакционной статье «Таймс» (от 6 марта 1946 года) говорилось о «*миссии*» Черчилля. Только бывший британский премьер-министр мог выполнить ее в Соединенных Штатах благодаря той важной роли, какую он играл во время войны; никто другой «не возбуждал так воображение американцев, как Черчилль». Поэтому, по словам той же «Таймс», речь в Фултоне была «*американским событием*». Поэтому также большая газета Сити ожидала реакции Вашингтона на речь в Фултоне и говорила в этой связи о «*плане Черчилля*».

Однако уже в силу самого факта, что Черчилль за-

шел так далеко, реакция Вашингтона могла быть только сдержанной, хотя те люди в Соединенных Штатах, которые думали так же, как и Черчилль, и наградили его аплодисментами. «Таймс» не могла скрыть своего скептицизма именно в связи с «планом Черчилля», отражавшим хорошо известную Вашингтону политику, которой он никогда не следовал.

Речь в Фултоне была, таким образом, «политической акцией первостепенной важности». Некоторые заходили так далеко, что утверждали, будто эта речь войдет в историю («Ньюс кроникл», 6 марта 1946 года).

Столь важная «миссия», как та, которую Черчилль выполнял в Фултоне, не могла закончиться на этом. 10 марта «пилигрим войны» находился в Вашингтоне, где выступил перед высшими офицерами армии, флота и авиации, в числе присутствовавших был и генерал Эйзенхауэр. В этой речи он воздавал хвалу деятельности англо-американского верховного командования во время войны и настаивал на необходимости сотрудничества генеральных штабов обеих стран, с тем чтобы они могли вновь действовать совместно в будущем.

15 марта 1946 года Черчилль выступал в Нью-Йорке на торжественном банкете в отеле «Уолдорф-Астория» в присутствии губернатора штата Нью-Йорк. В своей новой речи он подтвердил то, что говорил в Фултоне. Он не хотел бы, сказал он, изменить в своей речи ни единого слова. Черчилль действительно вновь повторил основные моменты и опять настоятельно утверждал, что от отношений между Соединенными Штатами и Англией зависят жизнь и свобода всего мира.

Впрочем, как сообщало агентство Рейтер, наибольшее одобрение присутствующих вызывали именно те места в речи Черчилля, в которых он говорил об англо-американском сотрудничестве.

КАТАЛИЗАТОР

Одно было ясно — речь в Фултоне не была случайным и изолированным явлением, просто следствием приступа «советофобии». Она вполне укладывалась в рамки традиционной политики Англии, которую продолжало лейбористское правительство. Более того, в лице Бевина, нового главы министерства иностранных дел, Черчилль обрел достойного продолжателя своей политики.

Все происходило в Лондоне так, словно бывший премьер-министр все еще был у власти. Речь в Фултоне фактически знаменовала развитие этой ситуации.

Крупный шантаж

Эта речь, как мы видели, была принята в Вашингтоне, скорее, сдержанно, хотя президент Трумэн и оказал ей честь своим присутствием в Вестминстерском колледже, где выступал Черчилль, и, по его собственному выражению, «поручился за эту речь»¹. Тем не менее идеи, изложенные в ней, должны были вдохновлять политику лейбористского правительства, которое в свою очередь должно было добиваться новой ориентации внешней политики Соединенных Штатов. То, чего Черчилль тщетно пытался достигнуть — побудить Америку следовать его политике, — добилось лейбористское правительство, маневрируя более искусно, чем он.

Тогда американцы еще не интересовались ни восточ-

¹ Следует заметить, что в своих мемуарах Трумэн говорит по поводу речи в Фултоне, что в ней «Черчилль впервые намекал на «железный занавес». Президент, без сомнения, не придавал должного значения знаменитому посланию Черчилля о «железном занавесе» от 13 мая 1945 года, поскольку он совершенно забыл об этом.

ным Средиземноморьем, ни Средним Востоком, ни тем более Грецией. Они еще не открыли ни нефти арабских стран, ни «стратегического» значения Греции. Они предоставили англичанам одним ссориться с русскими в Иране и в то же время резко критиковали интервенцию Англии в Греции после Освобождения, несмотря на гражданскую войну там в декабре 1944 года, в которой как-никак коммунисты боролись против монархистов, и несмотря на усилия лондонского правительства побудить Вашингтон вмешаться. Так же обстояло дело, когда гражданская война возобновилась в августе 1946 года.

Осенью 1946 года, во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Бевин в беседе со своим американским коллегой Бирнсом говорил об осложнении положения в Греции и намекал на намерение британского правительства вывести свои войска из этой страны. Это была первая слабая попытка шантажа с целью вынудить американцев действовать. Бирнс, как известно из его мемуаров, никак не реагировал на это и приписал разговоры главы министерства иностранных дел его «нервности».

Чтобы заставить Соединенные Штаты отказаться от «нейтралитета», когда речь шла об отношениях между Англией и Советским Союзом, было решено прибегнуть к безошибочному средству: создать «вакуум» в Греции, представив возможность ухода британских войск как конкретную и непосредственную опасность. В этом случае американцы не смогли бы больше оставаться безучастными.

27 февраля 1947 года было получено известие, которое произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Из Лондона пришло сообщение: британское правительство приняло решение «покинуть» Грецию. Англия объявила себя неспособной продолжать политику поддержки Греции и требовала от американского правительства, чтобы Америка сменила Англию. Это сообщение казалось еще более драматичным ввиду того, что оно носило форму ультиматума. Всякая помощь греческому правительству в Афинах должна была прекратиться 31 марта 1947 года. С этого дня признанная «защитница» Греции — Великобритания — должна будет предоставить эту страну ее печальной участи...

Чтобы поддержать этот демарш, английский посол в Афинах спровоцировал греческое правительство обратиться в Вашингтон с просьбой о срочной помощи, в то время как в Лондоне делали вид, что не ведают об этом «отчаянном» демарше. Между тем положение в Греции отнюдь не было катастрофическим. Правительство готовило «большое наступление», чтобы покончить с повстанцами.

Тревога в Вашингтоне

Англичане спекулировали на впечатлении, которое внезапный ультиматум британского правительства произвел в Вашингтоне. Они уже подсчитывали выгоды, которые можно извлечь из его смятения и поспешных решений по греческому вопросу. Но из этого ничего не вышло. В Белом доме и государственном департаменте были полностью осведомлены о положении в Греции.

Помимо тех разговоров относительно Греции, которые Бевин вел с Бирнсом осенью 1946 года, из мемуаров Трумэна известно, что начиная с этого времени британское правительство дало знать американскому правительству, что Англия очень хотела бы, чтобы Соединенные Штаты оказали помощь правительству в Афинах, особенно в экономической и финансовой областях. Очевидно, так оно и было, поскольку президент направил в Афины экономическую миссию под руководством Пола Портера, бывшего председателя комиссии по ценам в Соединенных Штатах во время войны; на последнего была возложена задача установить условия, на которых Греции могла быть оказана финансовая помощь. Страна получала в то время только продовольственную помощь в рамках программы ЮНРРА¹ для освобожденных стран Европы.

3 февраля 1947 года посол Соединенных Штатов в Афинах Маквей телеграфировал государственному департаменту о том, что «ходят слухи относительно вывода британских войск или по крайней мере значительной части их из Греции». Эти «слухи», разумеется, распро-

¹ Администрация Объединенных Наций по вопросам помощи и восстановления, существовавшая в 1943—1947 гг. — *Прим. ред.*

странялись англичанами, подготавливавшими таким образом почву для предстоявшего маневра.

21 февраля, за неделю до официального демарша, предпринятого Лондоном, имел место предварительный английский демарш в Вашингтоне. Посол Великобритании вручил государственному секретарю генералу Маршаллу ноту лондонского правительства, информировавшего американское правительство о том, что «Великобритания должна будет уйти из Греции не позднее 1 апреля» (1947 года). Предупреждение было категорическим. Тем не менее американцы пока не реагировали. Таким образом, именно «ультимативный» демарш британского правительства 27 февраля возымел действие.

Прежде чем принять решение, президент Трумэн пожелал ознакомиться с результатами двух обследований, предпринятых одновременно, — экономического, которое проводил в Греции его специальный посланник Пол Портер, и политического, которое осуществлялось комиссией, назначенной Советом Безопасности Организации Объединенных Наций в декабре 1946 года. Последняя комиссия возглавлялась американцем Марком Эттиджем и должна была специально рассмотреть, насколько обоснованы обвинения, выдвинутые афинским правительством против Югославии, Болгарии и Албании в оказании помощи греческим повстанцам.

Но на самом деле он не дожидался отчета Пола Портера, который, отметим мимоходом, не видел оснований для вмешательства Соединенных Штатов в Греции. Шантаж англичан оказался успешным. Еще до 27 февраля — даты официальной ноты Лондона — президент потребовал от Дина Ачесона «заняться изучением ситуации» (это после демарша английского посла 21 февраля). В свою очередь Ачесон «поднял» Координационный комитет, в состав которого входили представители государственного департамента, министерств обороны и военно-морских сил.

Откровенно говоря, решение уже было принято Трумэном. Координационный комитет должен был, по словам президента, «подготовить меморандум с рекомендациями относительно линии, которой следовало придерживаться». И все это должно было быть сделано «в течение уикенда». В тот день была пятница...

«Не терпящая промедления острота ситуации, — отмечает Трумэн в своих мемуарах, — еще более подчеркивалась телеграммами» послов Соединенных Штатов в Лондоне и Москве. Генерал Беделл Смит (посол в Москве) «выражал уверенность, что только присутствие английских войск мешало до сих пор вовлечению Греции в советскую орбиту». В то же время посол Соединенных Штатов в Афинах Маквей «рисовал картины глубокой депрессии и уныния, царивших в правящих кругах Греции, которые, казалось, полностью смирились с мыслью о катастрофе и считают, что лишь немедленная помощь могла бы оказаться в какой-то степени полезной». Фактор времени, повторял посол, был «исключительно важным».

Реализм американцев

Для того чтобы правильно оценить вмешательство Соединенных Штатов в Греции и связанную с этим «доктрину Трумэна», необходимо рассмотреть ситуацию в этой стране, которую президент предложил «изучить», пойдя, впрочем, на вмешательство, не дожидаясь результатов этого изучения.

В Вашингтоне смотрели на эту ситуацию объективно и спокойно. Англичанам, у которых, как мы видели, были некоторые основания демонстрировать беспокойство и «нервозность», с тем чтобы втянуть американцев, рекомендовали умеренность и посредничество между враждующими сторонами.

14 февраля 1947 года, то есть за несколько дней до «ультимативного» демарша Лондона, государственный секретарь Маршалл выступил с пространной декларацией по «греческому вопросу», содержавшей призыв к «умеренным элементам всех греческих партий» и представлявшей собой выступление в защиту «единства всех греков». В качестве предлога государственный секретарь выбрал последние изменения в афинском правительстве, которое выдавалось за правительство «национального единства». «Ни одна страна, разделяемая внутренними противоречиями, — заявлял генерал Маршалл, — не может надеяться разрешить свои национальные проблемы, которые затрагивают всех граждан», восстановле-

ние экономики не может быть реализовано иначе как на базе программы, в осуществлении которой принимал бы участие «весь греческий народ». И государственный секретарь рекомендовал установление «общего перемирия», разоружение всех «нелегальных сил», то есть повстанцев, так же как и «групп национальных борцов», организованных правительством, а также целую серию административных реформ.

Своим заявлением государственный секретарь не только ставил обе враждующие стороны на одну доску, но, рекомендуя административные реформы, тем самым в какой-то мере упрекал правительство в том, что оно оказалось не на высоте, не сумев справиться с ситуацией. Наконец, на заседании правительства 7 марта, о котором уже говорилось выше, Дин Ачесон, по словам Форрестола, заявил, что «греческое правительство не удовлетворяет» Соединенные Штаты, «поскольку в него входят многие реакционные элементы»; он заявил также, что «успехи русской пропаганды в значительной мере объясняются тем фактом, что народ отдает себе отчет в коррупции и бездеятельности правительства». Эту же точку зрения мы находим в мемуарах Трумэна, написанных спустя много времени после этих событий, когда Вашингтон также должен был признать за «историческую истину» «официальную» греческую версию о гражданской войне 1946—1949 годов. Тем важнее это американское свидетельство.

«Все же, — пишет Трумэн, — достигнутые успехи [во внутренней политике] были незначительными, так как пропасть между правыми и левыми экстремистами, очевидно, непрерывно увеличивалась. Возвращение короля только подлило масла в огонь».

«Пропасть» (вторая гражданская война) была результатом террористического режима, установленного в Греции после первой гражданской войны в декабре 1944 года, когда правые, хотя они и скомпрометировали себя сотрудничеством с немецкими оккупантами, пришли к власти. В Вашингтоне были далеки от наивной версии афинского правительства, согласно которой восстание явилось следствием «агрессии» Москвы, которая будто бы ставит себе целью поработить Грецию и разделить северную часть ее территории, Македонию и Фракию, между ее соседями-славянами, Югославией и Бол-

гарией. В Вашингтоне были склонны реалистически оценивать положение в Греции, придерживаясь при этом фактов.

Восстание в августе 1946 года не было даже организованным движением. Оно началось с образования небольших изолированных групп. Люди поодиночке уходили в партизаны, спасаясь от преследований и террора, осуществлявшихся режимом. Все это произошло потому, что власти объявили вне закона все левое движение Сопротивления и рассматривали его как «преступную» организацию, которая под предлогом борьбы против оккупантов добивалась исключительно создания военной силы, чтобы захватить власть после войны. А поскольку движение Сопротивления охватывало всю страну, то восстание росло и ширилось с каждым днем.

Восстание было актом отчаяния в стране, в которой жить стало невозможно, к тому же оно не имело никаких шансов добиться каких-либо практических результатов: захватить власть было невозможно. Ни Англия, ни Америка никогда не позволили бы Греции перейти в советский лагерь. СССР в ходе войны никогда не занимался греческим движением Сопротивления, в то время как англичане были весьма активны; он не возражал против вмешательства англичан в Греции в декабре 1944 года. Между тем вся их деятельность была направлена на то, чтобы обеспечить возвращение короля после войны. Они как могли ограничивали деятельность групп Сопротивления левой ориентации, оказывая в то же время поддержку правым группам. Англичане пошли на военную интервенцию после Освобождения, чтобы раздавить движение Сопротивления, так как оно представлялось им слишком сильным.

Повстанцы не получали никакой военной помощи ни от СССР, ни от балканских коммунистических стран. Помощь последних ограничивалась предоставлением партизанам свободы передвижения на территории этих стран. Единственный американский журналист, побывавший в партизанском лагере, Омер Богарт из «Нью-Йорк геральд трибюн», с изумлением констатировал, что медики пользовались перочинными ножжами, чтобы оперировать раненых. У них не было даже ни одного полевого госпиталя из Советского Союза или какой-либо другой страны. После подавления восстания в августе

1949 года афинскому правительству ни разу не удалось найти какие-либо военные материалы, которые партизаны якобы получали от коммунистов извне.

Такова была обстановка, когда Соединенные Штаты, подталкиваемые Англией, решили в свою очередь вмешаться в греческие дела.

Темное дело

Это вмешательство изображалось как крайне срочное, хотя, как мы уже видели, у американского правительства не было никаких оснований опешить. Согласно Форрестолу (это известно из его «Дневника»), государственный секретарь генерал Маршалл проявлял крайнюю озабоченность. На завтраке в Белом доме 27 февраля (в день «ультиматума» Лондона) он сказал: «Это возложит на нас новое тяжелое бремя».

Хотя англичане и не имели намерения покинуть Грецию, Лондон искусно маневрировал, чтобы не выпустить Вашингтон из расставленных сетей. Продолжая будоражить Афины, они вели дело к «иранскому кризису», который, как мы увидим ниже, должен был позволить им в гораздо большей степени, чем интрига в Греции, спровоцировать вмешательство Соединенных Штатов в восточном Средиземноморье и на Среднем Востоке, — вмешательство, с которого началась «новая политика» Соединенных Штатов.

В «Нью-Йорк геральд трибюн» 1 и 4 марта 1947 года Стюарт Олсоп, писавший из Афин, ссылаясь на конфиденциальное сообщение одного «опытного» английского корреспондента, «предупреждавшего, что Греция окажется под советским господством после эвакуации британских войск». Отсюда следовало, что будущее Греции зависело от Соединенных Штатов. И политический комментатор «Нью-Йорк геральд трибюн» объяснял решение, принятое Англией, ее безвыходным положением и невозможностью для нее «продолжать играть роль главного препятствия, сдерживающего советскую экспансию на Среднем Востоке». Стюарт Олсоп нарисовал затем тревожную картину, которая возникнет в результате ухода британских войск. «Если Греция попадет в руки Советов, — писал он, — Турция будет обойдена с флан-

га, Крит, преграждающий путь из Эгейского моря, будет «заперт», и русские будут готовы осуществить свои честолюбивые замыслы на Среднем Востоке». Англия утратит свои позиции в Средиземноморье, и мировое равновесие сил будет нарушено.

Не вызывает никаких сомнений, что статьи Стюарта Олсопа, известного своими связями с Пентагоном, были проявлением шантажа со стороны англичан, в данном случае в виде «конфиденциального» сообщения его британского коллеги. Эти статьи, сознательно сеявшие тревогу, выдавали интриги, которые усиленно велись в Вашингтоне, ибо англичане занимались этим не одни.

Со своей стороны англичане форсировали дело: партия еще далеко не была выиграна. В Белом доме спокойно и в то же время с недоверием рассматривали сложившуюся ситуацию, ибо там ясно видели британский маневр. Но оказавшись в конце концов перед «ультиматумом» Лондона, американское правительство попало в ловушку. Там сразу поняли важность решения, которое собирались принять. За Грецией вырисовывались контуры Среднего Востока.

Во время завтрака в Белом доме 27 февраля, рассказывает в своем «Дневнике» Форрестол (в то время морской министр), генерал Маршалл, государственный секретарь, утверждал, что «речь идет об отречении Англии на Среднем Востоке и что это ставит вопрос о том, кто будет ее преемником». Так же и во время заседания кабинета 7 марта Трумэн, опять-таки по рассказу Форрестола, провел длительную дискуссию по греческой проблеме и заявил своим министрам, «что ни одному президенту» Соединенных Штатов «не приходилось принимать более серьезного решения». Дело шло фактически о выходе Соединенных Штатов на арену Среднего Востока.

Невероятно, что столь важное решение, касавшееся в общем и целом политики Соединенных Штатов в одном из самых беспокойных районов мира, в средоточии его нервных узлов, могло явиться подобной импровизацией, положившей начало «доктрине Трумэна», которая, по выражению самого президента, была вехой, обозначившей «великий поворот» во внешней политике Соединенных Штатов.

Рождение «доктрины Трумэна»

Решение Трумэна было принято в не менее тревожной обстановке. 26 февраля генерал Маршалл представил президенту «результаты изучения» вопроса Координационным комитетом, то есть «рекомендации», которых требовал Трумэн. Но авторы этого документа расширили предмет своих рекомендаций, которые должны были касаться исключительно вопроса о вмешательстве Соединенных Штатов в Греции. Этот документ лег в основу исторической речи, произнесенной президентом в конгрессе, в которой он изложил все то, что отныне стало называться «доктриной Трумэна».

Согласно Джорджу Кеннану, о котором пойдет речь ниже, эксперты Координационного комитета должны были разработать «в деталях» рекомендации, которых требовал президент, поскольку решение уже было принято им. Но составленная памятная записка не имела никакой связи с вопросом о помощи, которую надо было оказать Греции. Как утверждает в мемуарах Трумэна, «Координационный комитет пришел к согласию относительно рекомендации по общеполитическим вопросам». Со своей стороны Эйзенхауэр в качестве начальника Объединенного штаба родов войск представил меморандум в поддержку записки Координационного комитета с военной точки зрения.

Трумэн в своих мемуарах поздравляет себя с тем обстоятельством, что заключения «военных специалистов и дипломатов» совпали с его собственными. Он как будто верил, что дело идет лишь об оказании большой и немедленной помощи Греции. «Надо было либо сделать это, либо потерять эту страну и позволить железному занавесу закрыть восточное Средиземноморье. Если бы Греция была утрачена, нельзя было бы защитить Турцию — форпост в море коммунизма».

Но в действительности операция была совсем иной по своим масштабам, как подчеркивает Трумэн там же, в своих мемуарах.

Представленные ему документы позволяли прямо судить о серьезном риске, с которым она была сопряжена, однако «всякий иной путь был бы пагубным для нашей безопасности и безопасности других свободных наций мира».

Трумэн говорил уже языком Черчилля. «Какую позицию должен занять свободный мир перед лицом угрозы русского тоталитаризма?» «Новая угроза, вставшая перед американцами, представлялась ему столь же серьезной, какой была угроза со стороны нацистской Германии и ее друзей».

Под шум разговоров о Греции начиналась американская «новая политика», которая нашла свое выражение в «доктрине Трумэна». Совершенно невероятный факт: эта «доктрина» доселе невиданных масштабов была провозглашена под простым предлогом «греческого кризиса», которым столь искусно воспользовалось британское правительство.

Превращение, которое претерпело вмешательство Соединенных Штатов в Греции, подчеркивается одним любопытным документом, который был использован неожиданно и ничего общего не имел с вопросом о Греции. Речь идет о плане, который должен был составить «доктрину Трумэна» в собственном смысле слова.

Он был разработан Джорджем Кеннаном, в прошлом высокопоставленным чиновником государственного департамента, который в тот момент вел курс международной политики в Военном колледже. Ачесон доверил ему руководство отделом по планированию внешней политики при государственном департаменте, недавно созданным государственным секретарем генералом Маршаллом.

27 февраля, в день объявления Лондоном «ультиматума» о том, что Англия покидает Грецию, Кеннан приступил к выработке своего плана. Вмешательство Соединенных Штатов в Греции, таким образом, не было решено в рамках «доктрины Трумэна», поскольку оно исходило из плана Кеннана, и действительно эта «доктрина» касалась только американской «новой политики».

Соединенные Штаты тем самым брали на себя руководство «свободным миром». «В мире не существует никакой другой державы, кроме Соединенных Штатов, — говорит все тот же Трумэн, — способной противостоять России». И далее: «наступил момент для Соединенных Штатов решительно встать на сторону свободно-го мира и во главе его».

Записка Координационного комитета была представлена президенту 6 марта генералом Маршаллом. На следующий день Трумэн созвал свой кабинет. На первый взгляд обсуждение было посвящено вопросу о помощи Греции. Президент заявил, что принял решение оказать помощь Греции и Турции, в то время как Дин Ачесон осветил «роль, которую играла Великобритания, и последствия, которые повлечет за собой ее уход».

Все казалось совершенно логичным, но дискуссия приняла совсем другое направление. Секретарь по вопросам труда Швелбар высказал недоверие по поводу демарша британского правительства и выразил «беспокойство» «антибританских элементов» в Соединенных Штатах, которые обвиняли правительство в том, что оно собирается «еще раз таскать для англичан каштаны из огня». Со своей стороны «несколько членов кабинета» поставили вопрос о внутреннем положении в Греции. «Они настаивали на необходимости правительственной реформы в Греции»; эта идея, как мы уже видели, преобладала в правительственных кругах Вашингтона до английского демарша 27 февраля. Вместо того чтобы вмешиваться в Греции, не следовало ли Соединенным Штатам рассмотреть политические причины «греческого кризиса». Действительно, во время заседания происходила «острая дискуссия» «относительно наилучшего способа, которым следовало поставить в известность американский народ об обсуждаемых проблемах».

Далее следовало подготовить в государственном департаменте речь, которую президент должен был произнести в конгрессе. Но здесь невозможно следовать в точности за рассказом Трумэна, в котором он подчеркивает свою роль и оправдывает изменение, которому подверглось решение, первоначально касавшееся только помощи Греции.

Согласно Трумэну, проект речи, представленный государственным департаментом, ему «совсем не понравился», так как он относился прежде всего к Греции. Он был «напичкан всякого рода фактами и статистическими сведениями относительно Греции». Вот почему президент вернул этот текст в государственный департамент с просьбой «больше подчеркнуть заявления общепо-

литического характера». Таким образом, 11 марта 1947 года президент зачитал в конгрессе уже «переработанный» текст речи. Он в следующих выражениях охарактеризовал в своих мемуарах свои политические намерения:

«Эта речь была ответом Америки на волну экспансии коммунистической тирании, и я хотел, чтобы он был недвусмысленным. Надо было, чтобы речь была ясной, свободной от всяких колебаний и задних мыслей».

С целью «противостоять» ей он рекомендовал «конгрессу действовать немедленно», а также определить «перед всем миром позицию, которую Соединенные Штаты намерены занять перед лицом вызова, брошенного новым тоталитаризмом». «Греческий вопрос» упоминался в речи лишь между прочим, чтобы объявить о помощи, которую правительство предоставит Греции и Турции.

Все это так. Но президент Трумэн зачитал текст, о котором он и не думал, когда под давлением английского шантажа принимал решение о вмешательстве в Греции.

Речь для конгресса была составлена в государственном департаменте с учетом упомянутой выше записки Координационного комитета трех департаментов и в соответствии с планом, подготовленным Джорджем Кеннаном. Речь прежде всего носила на себе, как увидим, фирменный знак Пентагона, в том смысле, что в записке Координационного комитета рассматривались главным образом «рекомендации по общеполитическим вопросам». Президенту не надо было к ним ничего добавлять, так как «рекомендации по общеполитическим вопросам», которые он якобы запросил у государственного департамента, чтобы добавить их к представленному ему тексту речи, на самом деле в записке уже фигурировали.

Речь, которую президент произнес в конгрессе, его «доктрина», подверглась основательной обработке, к которой Кеннан, чей план как-никак должен был лечь в основу «доктрины Трумэна», был непричастен. Когда Кеннан ознакомился с этой речью, он, по его собственным словам, был «недоволен». Разработанный им план касался только помощи Греции. Между тем в тексте,

который зачитал президент, предусматривалась также помощь Турции. Кеннан не видел в этом необходимости, поэтому он и не поднимал этого вопроса. Положение в Турции, по его мнению, нельзя было сравнить с положением в Греции. Там не существовало никакой «коммунистической угрозы». Турции было достаточно, опять-таки по мнению Кеннана, моральной и дипломатической поддержки Соединенных Штатов.

В действительности Пентагон, как говорит все тот же Кеннан, использовал благоприятные обстоятельства, чтобы продвинуть также программу военной помощи Турции, то есть для расширения вмешательства Соединенных Штатов на Среднем Востоке.

Как бы там ни было, а с 12 марта конгресс должен был изучить законопроект о помощи Греции и Турции, так как к обеим странам предлагался один и тот же подход. По выражению Трумэна, эта помощь должна была быть оказана «весьма срочно». Но она заставила себя ждать. Законопроект был поставлен на голосование в сенате 22 апреля, а в палате представителей — 8 мая. Президент поставил свою подпись под законом 27 мая, спустя целых три месяца после SOS Лондона и спустя более чем два месяца после представления законопроекта в конгресс.

Таким образом, маневр Англии привел к успеху, хотя в Вашингтоне и не были полностью уверены в необходимости решения, принятого президентом. Казалось даже, что «документы», представленные для обоснования этого решения, носили не слишком серьезный характер. (Эти «секретные документы» были опубликованы 22 мая 1947 года.) Заместитель государственного секретаря Дин Ачесон сам был вынужден признать 21 мая 1947 года перед комиссией палаты представителей по иностранным делам, что «некоторые из документов не могут быть охарактеризованы как официальные или отнесены к его ведомству» И так, все в этом деле было подозрительно.

Конечно, решение о вмешательстве в Греции, казалось, было принято под давлением настоятельной необходимости. «Одна из двух стран, Америка или Советский Союз, должна заполнить *вакуум*, возникший из-за неспособности Англии по-прежнему нести свою традиционную ответственность за восточное Средиземноморье».

(Так высказался бывший заместитель государственного секретаря Самнер Уэллес.)

Между тем этот «вакуум» не должен был возникнуть. У Англии никогда не было намерения уходить из Греции, а еще меньше из восточного Средиземноморья и со Среднего Востока. Ее жест «отчаяния» был не более как политической уловкой, рассчитанной на то, чтобы вынудить Соединенные Штаты к вмешательству в Греции и во всем регионе в целом. (Первый шаг должен был быть сделан в июне 1947 года с появлением большого отряда кораблей американской эскадры на Средиземном море, в греческих портах, с тем чтобы больше не покидать восточного Средиземноморья.)

14 марта 1947 года, через три дня после провозглашения «доктрины Трумэна» в конгрессе, корреспондент «Нейе цюрхер цейтунг» в Лондоне отмечал, что реакция английских кругов не позволяет предвидеть, какими будут последствия американского вмешательства в Греции и в какой мере они затронут позиции Англии в восточной части Средиземноморья. Зато высказывают предположения, что американцы «не воспользуются» английскими позициями, а, наоборот, «дополнят» их. И корреспондент крупной швейцарской газеты писал «о едином англо-американском фронте, который займет преобладающее положение, до сих пор принадлежавшее одной Англии». С этой концепцией были согласны в Лондоне, поскольку она означала, что «английские войска, английский капитал и английское влияние в Афинах и Анкаре будут сохранены».

«Единый англо-американский фронт» в соответствии с формулой Черчилля, — фронт, которого так долго желали, наконец стал реальностью в особенно уязвимом для империи регионе.

17 марта 1947 года министр иностранных дел Макнейл, отвечая в палате общин на вопросы, касавшиеся «доктрины Трумэна» (один из членов палаты, лейборист, говорил о «вторжении американского империализма на юго-востоке Европы»), утверждал, что позиция Англии в восточном Средиземноморье ни в коей мере не будет поколеблена.

Короче, Англия, объявив о том, что она собирается уйти из Греции, после того, как ее маневр удался, намеревалась там остаться. Более того, Англия удерживала

там свои позиции с тем большим упорством, что Соединенные Штаты энергично пытались прийти ей на смену, чтобы стать хозяевами в Греции. В заявлении, сделанном 24 марта 1947 года перед сенатской комиссией по иностранным делам, Дин Ачесон признал, что английские войска останутся в Греции, добавив, что этот «факт» не означает, что британское правительство будет по-прежнему руководить политикой греческого правительства, в то время как Соединенные Штаты будут продолжать оказывать помощь последнему. Американцы желали теперь, чтобы Англия всерьез приняла решение о своем уходе из Греции.

Главным для Англии было создание «единого англо-американского фронта» в восточном Средиземноморье и на Среднем Востоке, где она до сих пор в одиночку обороняла свои позиции. Достигнутый успех превзошел все ее ожидания, поскольку от вмешательства в Греции Соединенные Штаты перешли к «доктрине Трумэна» и к своей «новой политике» послевоенного времени.

Ищите нефть!

Американцы, разумеется, попались в ловушку, из чего они, впрочем, извлекли выгоду для себя. Успех англичан был бы, однако, невозможен без соучастия тех, кто действовал в Вашингтоне в том же духе. Прежде чем начать свою операцию, англичане заложили солидный фундамент. Их всемогущими пособниками в США были нефтяные тресты.

В начале операции, 26 декабря 1946 года, было подписано соглашение между англичанами и американскими нефтяными трестами, которым Англия открывала тем самым доступ к нефти Среднего Востока. С этого времени их помощь Англии была обеспечена. Американские нефтяные тресты с момента объявления о решении Англии «покинуть» Грецию развили бурную деятельность в Белом доме, государственном департаменте, в Пентагоне, в конгрессе, а также в печати. Они мобилизовали темные силы в стране, чтобы навязать президенту Трумэну решение, о котором последний тогда еще и не помышлял, и побудить конгресс и американское общественное мнение принять это решение.

Словно по случайному совпадению, сенатская комиссия по нефти опубликовала 31 января 1947 года доклад о нефтяной проблеме США, который должен был произвести впечатление на правящие круги и на общественное мнение. Как указывалось в этом документе, американское производство нефти падало со дня на день, и Соединенные Штаты окажутся не в состоянии вести новую мировую войну, если они будут вынуждены ограничиться исключительно собственными ресурсами нефти. Поэтому, чтобы исправить положение, Соединенные Штаты должны увеличить производство синтетической нефти у себя и принять участие в развитии эксплуатации нефтяных ресурсов во всем мире. Так как, добавляли авторы отчета, нефть, несмотря на атомную бомбу, по-прежнему остается ключом к победе в войне, и нация, не располагающая достаточными ресурсами нефти, не сможет «сохранить руководящее положение» в мире.

Это было предупреждение, к которому никто не мог отнестись равнодушно, — нефть становилась предметом первостепенной заботы нации. Без нефти нет безопасности и гегемонии Америки, заявила, по сути дела, сенатская комиссия. От этого до интереса к средневосточной нефти был всего один шаг. Впоследствии стало известно, что «Чейз нэшнл бэнк» «посоветовал» президенту Трумэну выделить 400 миллионов долларов для Греции и Турции, чтобы предохранить эти страны от коммунизма. Между тем этот банк принадлежал к группе Рокфеллера, которая контролировала «Стандард ойл оф Калифорния», «Сокони вакуум», «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и в конечном итоге «Арейбиэн-Америкэн ойл компани».

Американская пресса находила совершенно естественным привлечь внимание к тому, что за программой Трумэна о помощи Греции и Турции скрывался интерес к нефти. Согласно еженедельнику «Тайм», когда президент обнародовал свою программу, «все в полный голос говорили о Греции и Турции и вполголоса *об океане нефти в странах, расположенных к югу от них*» — в арабских странах Среднего Востока. Другой американский орган, «Балтимор сан», раскрыл смысл того глубокого интереса, который Соединенные Штаты испытывали к Греции и Турции, объяснив, что *«эти страны занимали*

ключевые позиции на пути к огромным нефтяным месторождениям Среднего Востока».

На следующий день после послания президента конгрессу советник государственного департамента по вопросам нефти Чарлз Рейнер указал группе специалистов по нефти на важное значение, которое приобретали нефтяные месторождения Среднего Востока, почти половина которых находилась в руках американцев. Было обращено внимание на англо-американское соглашение от декабря 1946 года о нефти. И одна из провинциальных газет, ричмондская «Таймс диспэч» (перепечатано в «Нью-Йорк геральд трибюн» 16 мая 1947 года) раскрыла тесную связь между этим соглашением и президентским посланием в статье, озаглавленной «Нефть Среднего Востока и доктрина Трумэна». «Если изучить карты Среднего Востока [стран, владеющих нефтью] и Средиземноморья, — писала газета, — доктрина Трумэна о помощи Греции и Турции становится более приемлемой».

«Дипломатия нефти»

Поэтому, в то время как англичане говорили о Греции, чтобы вовлечь Соединенные Штаты в ее дела, в Вашингтоне, чтобы оправдать такое вмешательство, обращали взоры к Среднему Востоку. Отсюда всеобщее удивление, когда президент свою программу помощи Греции и Турции, спровоцированную и оправдываемую сигналом бедствия, поданным Англией, расширил до пределов «доктрины», названной затем его именем. В телеграмме из Вашингтона в «Нью-Йорк геральд трибюн» (парижское издание) от 16 марта 1947 года корреспондент этой газеты не без иронии ставил вопрос, почему президент в своем послании конгрессу не говорит просто об американской политике на Среднем Востоке, когда, в сущности, только об этом и идет речь.

Короче говоря, связь между англо-американским соглашением в декабре 1946 года и вмешательством Соединенных Штатов в Греции, из которых первое было причиной, а второе следствием, была совершенно очевидной. В то время, когда подписывалось упомянутое соглашение, делали вид, особенно в Лондоне, что не нуж-

но в нем усматривать «дипломатию нефти». Но через несколько дней один из рупоров Форин оффис приподнял уголок завесы, раскрыв «тайну» неожиданного успеха соглашения. В политических кругах британской столицы «уже несколько недель» ходили слухи, что «дипломатия нефти» — а ставкой в этой игре были нефтяные богатства Ирана, Аравии и Ирака — *может претерпеть такое развитие, которое «разрушит неустойчивое международное равновесие, существующее в настоящее время»* («Нью-Йорк геральд трибюн», 10 января 1947 года).

«Дейли мейл» 26 марта 1947 года в передовой статье под заголовком «Соединенные Штаты и нефть Среднего Востока» раскрыла существо дела: газета писала, что в основе американской «новой политики», начало которой кладет «доктрина Трумэна», лежит англо-американское соглашение о нефти, заключенное 26 декабря 1946 года. «Драматический характер политических событий, которые сопутствуют новой американской политике на Ближнем Востоке, — писала дальше эта консервативная газета, — заслонил недавние экономические события [намек на помощь Греции], которые позволили Америке наложить руку на богатые нефтью районы Среднего Востока».

В свою очередь ричмондская «Таймс диспэч», на которую мы уже ссылались выше, перепечатала выдержки из широко распространенного американского журнала «Форчун», в которых подчеркивался *частный характер* всей операции. «Одна из самых больших ироний истории, — говорилось в этих выдержках, — заключается в том, что эксплуатация нефтяных богатств стран Среднего Востока будет осуществляться не Соединенными Штатами... а самодеятельными силами» — то есть американскими нефтяными трестами. Это приводило «Таймс диспэч» к выводу, что существовала «странная связь» между нефтью Среднего Востока и той нефтью, которую президент Трумэн предлагал вылить на «разбушевавшиеся политические и экономические волны Греции и Турции».

Именно это породило атмосферу недоверия и подозрительности в конгрессе. В послании президента члены конгресса усмотрели, что действия американского правительства «направляются интригами» англичан и нефтяных трестов.

Поэтому в высоких сферах сочли необходимым что-то предпринять, дабы сгладить это неприятное впечатление. 21 марта 1947 года помощник государственного секретаря Дин Ачесон, выступая в комиссии по иностранным делам палаты представителей, указал, что влияние Великобритании в Греции направлено на поддержание равновесия и что Соединенные Штаты, конечно, следуют своей собственной политике и не предпринимали никаких попыток дублировать политику Англии в восточном Средиземноморье. В свою очередь лидер республиканцев в конгрессе сенатор Ванденберг, который под прикрытием «двухпартийной» политики оказывал поддержку президенту Трумэну, как «человеку нефтяных трестов», призывая 8 апреля 1947 года сенат голосовать за закон об оказании помощи Греции и Турции, сказал: «Соединенные Штаты не стремятся поручиться за Британскую империю».

Не доверяя американским нефтяным монополиям и той роли, которую они играли, конгресс, хотя и проголосовал в конце концов за принятие закона о помощи Греции, внес, однако, при этом поправку, краткую, но говорившую о многом: Соединенные Штаты не должны гарантировать частные соглашения, заключенные американскими нефтяными компаниями с государствами Среднего Востока. Совершенно очевидно, что обязательство подобного рода носило чисто формальный характер и что, во всяком случае, интересы нефтяных трестов будут эффективно гарантироваться американским правительством.

«Дипломатия нефти» представляла собой лишь один из аспектов американского империализма, выступавшего в облике «новой политики» Соединенных Штатов. Уолтер Липпман великолепно раскрыл существо сложившейся ситуации, следующим образом резюмируя ее в «Нью-Йорк геральд трибюн»: «В действительности, — писал он, — если правильно толковать смысл голосования за этот закон (о помощи Греции и Турции), то оно означает одобрение главной идеи, что Средний Восток и восточное Средиземноморье являются регионом, в котором Соединенные Штаты обладают жизненно важными интересами, нуждающимися в защите, и в котором Соединенные Штаты должны играть роль великой державы». И Уолтер Липпман добавлял с похвальной откровен-

ностью: «Целью этого закона не является установление демократии в Греции и Турции; он лишь между прочим предусматривает оказание помощи жертвам войны. *Его целью является превращение Соединенных Штатов в средневосточную державу.* Великобритания и Россия выступали в этой роли на протяжении целого столетия. Теперь наступил черед Америки».

Действительно, сразу же бросалось в глаза огромное несоответствие между «доктриной Трумэна» и ее исходным вопросом о помощи Греции. «Официально», как гласило послание президента конгрессу, Соединенные Штаты предпринимали вмешательство в Греции, чтобы спасти монархическое правительство в Афинах. Поэтому конгресс призывали «срочно» проголосовать за внесенный законопроект. «Возможный отказ конгресса санкционировать помощь, которую предлагает оказать президент, повлечет за собой немедленное падение греческого правительства», — сказал помощник государственного секретаря Дин Ачесон 21 марта 1947 года, давая разъяснения в комиссии палаты представителей по иностранным делам. Однако прошло целых три месяца, прежде чем состоялось голосование законопроекта о помощи Греции и он вступил в силу. Принятый закон предусматривал также Турцию, в которой не было гражданской войны и которой не «угрожал коммунизм».

«Новая политика» Соединенных Штатов

В «Нью-Йорк геральд трибюн» от 15 марта 1947 года (парижское издание) Уолтер Липпман следующим образом резюмировал глубокий смысл «доктрины Трумэна»: она идет даже дальше «политики, четко очерченной пределами Среднего Востока», к «неопределенной глобальной политике», практически «не знающей пределов», которую невозможно контролировать и которая таит в себе опасности, предупреждал он. «Каждый и повсюду, — добавлял Липпман, — может усмотреть в ней свои собственные опасения и собственные надежды».

Это будет политика мирового жандарма, в которой реакционные и диктаторские режимы во всем мире обретут свои надежды и опору.

Без сомнения, вашингтонские круги стремились представить «доктрину Трумэна» как безобидную и не носящую антисоветского характера. Это делалось для того, чтобы успокоить умы, взволнованные некоторыми последствиями послания президента конгрессу от 11 марта для отношений с Москвой, и, следовательно, для мира на Земле. «Не существует агрессивного заговора против СССР», — заявил лидер республиканцев сенатор Ванденберг, который больше, чем кто бы то ни было другой, способствовал успеху президента Трумэна в конгрессе.

Но заблуждаться на этот счет было невозможно. Заместитель государственного секретаря Дин Ачесон объявил 21 марта 1947 года в комиссии палаты представителей по иностранным делам:

«Страны, имеющие коммунистические правительства, представляют угрозу для безопасности Соединенных Штатов, в какой бы части мира они ни находились».

Именно в этом заключался «глобальный» и непримиримо антикоммунистический характер «доктрины Трумэна». Не будет ли эта «доктрина», по видимости «оборонительная», автоматически применена в более широком, агрессивном смысле, поскольку существование коммунистических стран представляет «угрозу для безопасности» Соединенных Штатов?

Начав действовать, чтобы заполнить «вакуум», который, казалось, возникал в связи с уходом Англии из Греции, президент Трумэн, которого подталкивали те, кто вел игру за кулисами, оказался внезапно и против своей воли инициатором «новой политики» Соединенных Штатов. Он сам признает это в своих мемуарах. Объявив в своем послании конгрессу от 11 марта 1947 года «перед всем миром о позиции, которую Соединенные Штаты намереваются занять перед лицом вызова, брошенного новым русским тоталитаризмом», он тем самым сформулировал то, что затем «стало известно под названием доктрины Трумэна». И он с гордостью заявляет:

«Это был, как я искренне верю, решающий поворот в американской внешней политике, утверждение того, что отныне повсюду прямая или косвенная агрессия, нарушающая мир, ставит под угрозу безопасность Соединенных Штатов».

В таком развитии событий, которое началось с британского шантажа с целью вынудить Соединенные Штаты к вмешательству в греческие дела, привело к появлению на сцене американских нефтяных монополий и Америки на Среднем Востоке и в восточном Средиземноморье и завершилось принятием «доктрины Трумэна», на первый взгляд было что-то несообразное и нелепое. Но если присмотреться ближе, то все становится ясным и вполне понятным. События разворачивались как по мановению волшебной палочки всемогущего дирижера, скрытого от наших взоров и управлявшего оркестром с полным знанием всей партитуры.

Для того чтобы добиться американского вмешательства в Греции, мобилизовали нефтяные монополии, открыв им «путь к нефти» стран Среднего Востока. А чтобы обеспечить интересы этих монополий, операцию расширили до мировых масштабов под предлогом безопасности и обороны Соединенных Штатов, и все это делалось в рамках борьбы против коммунизма.

Все было связано между собой. Богатства этой «чреватой взрывом» зоны, Среднего Востока, находились «у порога славян», отмечал со знанием дела крупный американский журнал «Форчун».

Вот каким образом оформилась «новая политика» Соединенных Штатов, тотчас же занявшая свое место в системе антикоммунизма, какой ее мыслил себе Черчилль. Американская пресса не могла оставить без внимания этот «решающий поворот» в политике Соединенных Штатов. Она сразу же оценила важное значение этого коренного изменения. Как писала «Нью-Йорк таймс» 14 марта 1947 года, невозможно было ошибиться в значении президентского послания от 11 марта. Президент Трумэн обращался к Соединенным Штатам, призывая их к действиям во имя новой и позитивной политики, — политики, которая возлагала на них ответственность за сохранение мира и «порядка» во всем мире. Эта «новая политика» выражалась в формуле *«американская эра истории»*.

Однако эта «новая политика» осуществлялась под знаком антикоммунизма. Новая тенденция во внешней политике Трумэна, как писала газета «Чикаго сан»

16 марта 1947 года, навсегда положила конец союзу между Соединенными Штатами и Советским Союзом, а «Дейли миррор» (херстовская пресса) 14 марта 1947 года приветствовала ее как «самый решительный антикоммунистический шаг, сделанный Соединенными Штатами со времени революции 1917 года».

Корреспондент «Нейе цюрхер цейтунг» (19 марта 1947 года) подчеркивал, что американцы имеют такой вид, словно они наконец решили проблему отношений США с Советским Союзом, — проблему, которой у них не было возможности заняться во время войны. Эта проблема была неразрешимой для американцев, рассматривавших нацизм и коммунизм под одним и тем же углом зрения, и не задававшихся вопросом о том, как они поступят с последним, после того как покончат с первым, к тому же благодаря помощи со стороны русских. Крупная газета американских финансовых кругов «Уолл-стрит джорнэл» (18 марта 1947 года) ставила вопрос следующим образом: «Мы сражались против тирании, находясь в союзе с тираном». Поэтому было совершенно естественным, поскольку война окончилась, обратиться теперь против этого «тирана», чтобы решить наконец эту «проблему». Впрочем, для американской реакции такой «проблемы» никогда не существовало. Херстовская пресса на протяжении всей войны никогда не прекращала борьбы против союза Соединенных Штатов с красной Россией и не переставала сожалеть, что они не вступили в союз с нацистской Германией, сражавшейся против коммунизма. «Чикаго трибюн» (16 марта 1947 года) зашла так далеко, что назвала *американскую «новую политику» продолжением политики «Антикоминтерновского пакта» стран «оси»!*

В условиях нового политического климата, установившегося в Соединенных Штатах, президент Трумэн и его правительство, а также конгресс полностью утратили контроль над политикой страны. Все они были оттеснены теперь на задний план новым учреждением, созданным под прикрытием «доктрины Трумэна» — *Советом национальной безопасности*, — решавшим в последней инстанции важнейшие национальные проблемы — проблемы ее безопасности и обороны.

Конечно, этот Совет был подчинен верховной власти президента, который должен был созывать его каждый

раз, когда надо было принять серьезное решение. Но меньше всего это решение зависело от президента. Ни один президент Соединенных Штатов не осмелился бы игнорировать мнение представителей Пентагона, игравших главную роль среди членов Совета. Их мнение, высказанное в торжественной обстановке и поддержанное докладами секретных служб (ЦРУ), было равнозначно определенному «заказу».

На драматический характер этой ситуации указывал бывший помощник государственного секретаря Самнер Уэллес, беспощадно разоблачая тот факт, что президент Трумэн целиком доверился военным. Совет национальной безопасности, созданный после провозглашения «доктрины Трумэна», говорит Уэллес, стал *подлинным хозяином страны*. Начиная с этого момента политика Соединенных Штатов была обречена на то, чтобы основываться на главном принципе германского милитаризма, согласно которому сила является единственным эффективным инструментом политики.

Однако политика силы в сочетании с претензиями Соединенных Штатов на то, чтобы «руководить свободным миром» и «остановить советскую экспансию», довела, по словам бывшего государственного секретаря Джеймса Бирнса, некоторые ситуации до тупикового состояния. Он предостерегал американцев против такой опасности в своей речи, произнесенной 28 февраля 1946 года, когда он еще находился на посту государственного секретаря.

Короче говоря, Соединенные Штаты отныне практически перешли к осуществлению столь дорогой для Черчилля политики «санитарного кордона» и «железного занавеса».

АМЕРИКАНСКИЙ МАЯТНИК

При таких обстоятельствах появилась на свет «доктрина Трумэна», возможные последствия которой, как писала «Нью-Йорк геральд трибюн», «заставляли содрогаться». Факт этот был тем более трагическим, что в американской «новой политике» доминирующую роль играла самая черная реакция, целиком ее определявшая. Схематически положение в Соединенных Штатах в то время, когда началась послевоенная эволюция, выглядело приблизительно так: люди ответственные и здравомыслящие были нейтрализованы и обречены на бессилие людьми безответственными, которые всем повелевали, хотели «превентивной войны» против Советского Союза и подавления коммунизма во всем мире. «Американская эра истории», которая должна была стать *Pax Americana* [то есть Американским миром], была немыслима без исчезновения Советского Союза, единственной державы, способной оказать противодействие мировому господству Соединенных Штатов.

Отнюдь не было бы парадоксом допустить мысль о том, что президент Трумэн, который кичился тем, что является инициатором американской «новой политики», поступил бы иначе, если бы у него была свобода действий. Мы увидим еще, как он пытался действовать, чтобы избавиться от засилья реакционеров.

Уолтер Липпман выразил всю серьезность ситуации, поставив в статье в «Нью-Йорк геральд трибюн» тревожный вопрос: «Куда это приведет в конечном счете Америку?» Ответа он не находил: «В настоящее время этого никто не может предвидеть».

Действительно, Черчилль торжествовал. Он добился своей цели, не принимая никакого активного участия в американской «новой политике», только благодаря тому, что его идеи попали на благодатную почву. Успех, которого достигли преемники Черчилля, искусно ведя игру в его духе, превзошел его ожидания.

В Лондоне могли спокойно предоставить делам идти своим ходом. Англия могла теперь «следовать на буксире» за Соединенными Штатами, тормозя при этом каждый раз, когда это было необходимо, чтобы выровнять линию в случае «отклонения» и избежать возвращения к прежней рузвельтовской политике, столь удачно преодоленной.

Бдительность действительно была необходима. Англичане не упускали из виду детали американской политики, ее постоянные, сбивающие с толку колебания. Поэтому они должны были зорко следить за «новой политикой», отныне утвердившейся в Белом доме и в государственном департаменте.

Со времени речи в Фултоне Черчилль не упускал ни одного случая, чтобы вернуться к своим излюбленным идеям и тезисам; обращаясь к американцам, он неустанно твердил одно и то же. Необходимость тесного англо-американского военного сотрудничества, для того чтобы остановить советскую «экспансию», была более, чем когда-либо прежде, его лейтмотивом. И отнюдь не случайно он в каждом новом выступлении напоминал о своей речи в Фултоне.

В своем кратком обращении, переданном по Нью-Йоркскому радио 14 октября 1947 года, он вновь повторил, что Россия не хочет войны и что ее «агрессивная политика» проистекает не столько из ее воинственных намерений, сколько из внутренней пропаганды. Но в то же время он объявил американцам, что, «если возникнет другая проблема», Англия со своей империей «встанет рядом с Соединенными Штатами, исполненная той же солидарности и тех же братских чувств», как и во время войны против Германии и Японии.

Это было совершенно беспредметное заявление, поскольку, по признанию самого Черчилля, Советский Союз и не помышлял о войне. Но этот жест должен был

побудить Соединенные Штаты к ответному заявлению, необходимому не потому, что Англии угрожала опасность «советской агрессии», а чтобы подчеркнуть «солидарность и братские чувства» двух англосаксонских стран.

Америка и «холодная война»

Следует, однако, заметить, что поворот в американской политике проявился не только в факте принятия «доктрины Трумэна». Американская «новая политика» явилась завершением длительной и постепенной эволюции, происходившей с конца мировой войны, и Черчилль и Англия лишь отчасти были ответственны за подобный ее ход. Соединенные Штаты уже встали на путь, ведущий к «новой политике», и произошло это в сложный и решающий момент, определивший их послевоенную политику, тогда, когда определились их отношения с Советским Союзом, вчерашним союзником Соединенных Штатов, по вопросу о Германии, их вчерашнем общем враге.

Соглашения, заключенные «великими союзниками» во время войны по вопросу о Германии, казалось, все урегулировали, так что союз, который привел их к победе, должен был соблюдаться и впоследствии в их отношениях с Германией. Однако эти соглашения были обречены остаться мертвой буквой, и единство «великих союзников» в послевоенный период было только иллюзией.

Между западными державами и Советским Союзом возникли расхождения по вопросу о том, как поступить с Германией после войны, еще до того, как они разгромили ее. Ни Англия, ни Советский Союз не сыграли в этом деле особой роли. Фактически сами Соединенные Штаты взяли на себя инициативу «холодной войны» в Германии.

Когда война еще продолжалась, темные силы, которые позднее выступали за «доктрину Трумэна», уже принялись за дело, чтобы добиться осуществления своих собственных целей в Германии, за спиной президента Рузвельта. Речь шла о разделе Германии путем создания сепаратного западногерманского государства, которое включало бы в себя три западные оккупационные зоны и вошло бы в состав блока западных держав, противостоящего Советскому Союзу.

Создание сепаратного западногерманского государства избавило бы западные державы от бремени обязательств, взятых на себя «великими союзниками» по соглашениям, касавшимся Германии. Это государство могло бы по своему усмотрению определять свою собственную политику, а также вновь вооружиться. Напротив, Советский Союз стоял за единство Германии, из чего исходили все соглашения по Германии; в этом случае он смог бы осуществлять контроль за соблюдением упомянутых соглашений на всей территории Германии.

От планов, выработанных при Рузвельте и рассчитанных на то, чтобы помешать немцам начать все сначала, отказались с того момента, как американское военное командование взяло в свои руки управление американской оккупационной зоной, поскольку военные при поддержке Пентагона и тех лиц из администрации, которые разделяли их точку зрения, полностью избавились от контроля со стороны Белого дома и государственного департамента.

Генерал Люшьес Клей, игравший первую роль в этой операции в качестве командующего оккупационными войсками в Германии до образования западногерманского государства, выражает в своей книге «Решение в Германии» («Decision in Germany») удовлетворение таким положением вещей.

«Одним из главных направлений политической деятельности в послевоенной Европе, — утверждает он, — было создание правительства в Западной Германии».

Эта политика проводилась в жизнь столь последовательно и систематически, что к моменту появления «доктрины Трумэна» разрыв между Соединенными Штатами (а также другими западными державами) и Советским Союзом уже совершился.

Создание сепаратного западногерманского государства было задумано как средство установления *равновесия сил* в Европе. Генерал Клей в первых же строках введения к своей книге подчеркивает, что для Соединенных Штатов «самодовлеющая Германия», то есть сепаратное западногерманское государство, свободное от обязательств по Потсдамскому соглашению, «*была непременным условием для восстановления европейского равновесия*». Так как «без установления *равновесия в*

Европе», включая и Западную Германию, прочный мир был бы невозможен.

Еще один американский деятель, также игравший первостепенную роль во всем этом деле в качестве первого верховного комиссара Соединенных Штатов в Германии, Макклой, пишет в том же духе (в своей книге «The Challenge to American Foreign Policy» — «Вызов американской внешней политике»), что существовало *«опасное для мира нарушение равновесия»* (вследствие того, что Германия после поражения перестала быть великой державой). Поэтому для Соединенных Штатов было важно найти средства для *«восстановления равновесия хотя бы в какой-то степени»*. Политическое и экономическое восстановление Германии, а также ее новое вооружение были одним из этих средств.

Вот как, с другой стороны, Джон Фостер Даллес характеризует в своей книге «Война или мир» («War or Peace») роль, которую западногерманское государство было призвано играть в американской политике в Европе. Это государство могло, по его мнению, *«сделаться могучим козырем в руках западных держав»*. Так как путем вовлечения Западной Германии в сферу влияния Запада можно было приобрести *«стратегически выдвинутую вперед позицию в Центральной Европе, которая подрывала бы военные и политические позиции советского коммунизма в Польше, Чехословакии, Венгрии и в других сопредельных странах»*¹.

Следовательно, Соединенные Штаты еще не выступили со своей «новой политикой», когда они выиграли свое первое большое сражение в «холодной войне» в Германии. Можно даже сказать, что это «сражение» подготовило почву для «доктрины Трумэна». Раздел Германии на две части означал также решительный разрыв между Востоком и Западом.

«Доктрина» без будущего

Таким образом, «доктрина Трумэна» появилась тогда, когда западные державы под руководством Соединенных Штатов готовились начать враждебные дейст-

¹ Следует отметить, что три книги: Клея, Макклоя и Даллеса вышли соответственно в 1949, 1953 и 1950 годах.

вия против русских в Германии. В Москве не могли игнорировать того обстоятельства, что восстановленная подобным образом Германия неизбежно, рано или поздно, в третий раз ввяжется в авантюру. Теперь ей надо было отомстить за два поражения и взять двойной реванш. Эта абсолютная уверенность определяла политику Кремля. Война снова была бы спровоцирована немцами, только ситуация была бы еще более серьезной, поскольку они стояли бы во главе коалиции западных держав.

[Западная] Германия, став союзницей Запада, не упустила бы такого случая, зная, что в силу союзных соглашений она автоматически потянет за собой и западные державы. Ей было бы тем легче затеять эту опасную игру, что для англо-американцев «нарушение европейского равновесия» было совсем не пустыми словами: равновесие, установившееся в результате победы союзников, рассматривалось ими как слишком благоприятное для русских.

Вечная проблема безопасности, неотступно преследовавшая Сталина, снова всплыла во всей остроте. В цепи коммунистических стран, прикрывавших западную границу Советского Союза, был один разрыв — Чехословакия. Эта страна тогда не была коммунистической. Она вышла из войны, сохранив свой прежний строй. Но в перспективе создания «новой Германии» географическое и стратегическое положение Чехословакии приобретало фундаментальное значение для безопасности Советов. Если бы Германия вновь принялась за старое, она должна была бы захватить Чехословакию. Именно подобным образом действовал Гитлер: он, безусловно, никогда не развязал бы войны, не поработив прежде эту страну. В Мюнхене знали, что он задумал войну против СССР.

События в Праге 22 февраля 1948 года нанесли «доктрине Трумэна» сильнейший удар. Чехословакия стала коммунистической. Чтобы выполнить обещания, которые давались в доктрине, следовало немедленно переходить к действиям.

Таким образом произошло что-то необычайное и неожиданное. «Доктрина Трумэна» не сработала. Американцы воздержались. Или они испугались принять вызов? По-видимому, скорее, возобладали другие политические соображения. Вашингтон соглашался с тем, что Чехословакия, так же как и Польша и другие восточно-

европейские страны, соседствующие с СССР, относилась к советской «зоне безопасности». В Белом доме и в государственном департаменте, казалось, спохватились и вели себя так, словно «доктрина Трумэна» в действительности не была их детищем.

Создается даже впечатление, что в Вашингтоне поспешили «воспользоваться» представившимся «случаем», чтобы выйти из тупика, о котором говорил Бирнс, — тупика, в который так неудачно попали. Все происходило так, словно там не слишком трагически восприняли драматический провал лишь недавно декларированной «доктрины Трумэна». Мир стал свидетелем того, как Вашингтон протянул руку Москве с поразительной, сбивающей с толку непринужденностью спустя всего лишь месяц после того, как появилось послание президента конгрессу, которое должно было ознаменовать «поворот» Соединенных Штатов к «новой политике».

Новая попытка оздоровить отношения

События в Праге произошли 22 февраля 1948 года. В апреле Сталин принял посла Соединенных Штатов генерала Беделла Смита. Человек, подписавший капитуляцию Германии, вернулся из поездки в Вашингтон; он привез «сердечное личное письмо» президента Трумэна маршалу с приглашением «прибыть с визитом в Соединенные Штаты в качестве гостя американского народа». Сверх этого новый посол Соединенных Штатов имел поручение представить Сталину доклад, «тщательно изученный президентом Трумэном, государственным секретарем и наиболее квалифицированными экспертами государственного департамента по Советскому Союзу». Итак, в Вашингтоне придавали большое значение этому демаршу.

По словам Беделла Смита, этот демарш был вызван «желанием» американского правительства «установить более тесные отношения с советским правительством», «желание» это было дважды торжественно подтверждено в начале и в конце доклада посла. Американское правительство рассматривало эти отношения «как существенно важные для мира во всем мире», и президент Трумэн «приказал» своему новому послу в Москве способствовать этому.

4 мая 1948 года посол посетил с визитом Молотова, чтобы представить ему конкретные предложения. «Политика Соединенных Штатов, — сказал Беделл Смит в качестве вступления, — разработана таким образом, что она никак не может оказать неблагоприятного влияния на интересы Советского Союза, если Советский Союз стремится жить в мире со своими соседями и воздерживаться от попыток оказывать излишнее прямое или косвенное влияние на их дела».

После этой декларации принципов посол Соединенных Штатов попытался оправдать антисоветскую политику своего правительства, явно имея в виду при этом «доктрину Трумэна». Эта политика, сказал он, является только следствием советской политики. Поэтому американская политика может быть сразу изменена, если изменится сама советская политика. При всех обстоятельствах американское правительство сожалеет о напряженности, возникшей в американско-советских отношениях. «Нынешнее состояние американско-советских отношений, — добавил посол, — является источником серьезного разочарования для американского народа и для правительства Соединенных Штатов». Он упрекал русских в том, что они заставили Америку занять твердую позицию.

Затем американский посол, намекая на «доктрину Трумэна», вновь принялся оправдывать позицию Соединенных Штатов. По его словам, Советский Союз и мировой коммунизм вызвали напряженность в американско-советских отношениях. Тем не менее Соединенные Штаты пока еще «никоим образом не отказались от надежды на такой поворот в событиях», который дал бы «возможность найти путь к установлению хороших и разумных отношений» между обеими странами. Что касается Соединенных Штатов, то «дверь всегда остается открытой для исчерпывающего обсуждения и урегулирования» американско-советских разногласий.

Изложив со всей откровенностью эти предварительные «объяснения», посол Соединенных Штатов перешел к существу дела и предложил начать переговоры. «Мое правительство, — заявил он, — искренне надеется, что члены Советского Правительства не проявят пренебрежения в отношении позиции правительства Соединенных Штатов, как она здесь изложена». Со своей стороны

американское правительство было готово идти на «разговор». Если это случится, заключил посол, то «они [члены советского правительства] не встретят с нашей стороны отсутствия готовности и желания внести свой вклад в дело такой стабилизации условий в мире, которая будет полностью совместима с безопасностью советского народа».

Важное значение демарша и предложений, сделанных послом Соединенных Штатов, действительно не могло оставить равнодушным советское правительство. От «доктрины Трумэна» отклонились довольно сильно, почти отбросив ее. Поскольку Вашингтон о ней больше не думал, то у Москвы не было никаких причин помнить о ней. Поэтому Сталин принял руку, протянутую Трумэном.

В самой Америке жест, сделанный президентом, был встречен с удовлетворением. Американская пресса особенно подчеркивала тот факт, что русские приняли «предложения американцев, имеющие целью урегулирование разногласий» («Нью-Йорк таймс»), и что «ответ Москвы на откровенное американское предложение, направленное на установление хороших и разумных отношений с Россией», «неожиданным образом укрепил надежду на то, что обе великие державы, возможно, уладят свои споры» (агентство Ассошиэйтед Пресс). А «Крисчен сайенс монитор» 11 мая 1948 года отмечала: «Совершенно очевидно, что весь мир желает переговоров между двумя различными режимами, между Советским Союзом и Соединенными Штатами».

Дело мира, казалось, движется вперед быстрыми шагами, как это бывало каждый раз, когда начиналось сближение между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Но не все в мире были этому рады.

Разочарование англичан

Возобновление американо-советского диалога почти сразу же после «чехословацкого кризиса» было воспринято в Лондоне с самым большим разочарованием. Там рьяно старались навсегда, как было задумано, рассорить американцев и русских, и «чехословацкий кризис» был исполнением желаний англичан. Напряженность в

американо-советских отношениях, казалось, достигла высшей точки. И вдруг американцы снова начинают флиртовать с русскими.

Разумеется, агентство Рейтер в своих первых комментариях (11 мая 1948 года) утверждало, что в Лондоне испытали «огромное облегчение», когда пришла весть об открытии американо-советских переговоров. Ибо, как говорилось в сообщении этого агентства, ничто так не близко сердцу каждого народа, как стремление к миру. Но на следующий день, 12 мая, Бевин, выступая в палате общин, возобновил антисоветскую кампанию с явным намерением предостеречь американцев от иллюзии сближения с Москвой. Глава министерства иностранных дел хотел вовремя сдержать Соединенные Штаты. Также и корреспонденты английских газет в Вашингтоне пытались представить всякое примирение с Советским Союзом как «признак слабости» Соединенных Штатов, который может нанести большой ущерб их «престижу».

Реакция Лондона была столь энергичной, что не могла не оказать воздействия на Соединенные Штаты. Те, кто приветствовал «доктрину Трумэна» и «новую политику» Америки, обрели в этом солидную опору для критики «полного поворота», предпринятого американским правительством. Давление, оказанное ими совместно с Лондоном, было настолько сильным, что правительство вынуждено было отступить, не дожидаясь даже первых результатов американо-советского диалога.

Ответ советского правительства на предложения, переданные послом Соединенных Штатов, был вполне удовлетворительным и оставлял дверь открытой для переговоров. Однако вслед за этим 18 мая неожиданно последовало резко отрицательное заявление государственного департамента. Теперь американское правительство утверждало, что вопросы, перечисленные в советском ответе, не могут быть предметом двустороннего рассмотрения Соединенных Штатов и Советского Союза и что обсуждение их является компетенцией ООН, оно также утверждало, что вследствие советской политики совещание Совета министров иностранных дел (который занимался германским вопросом) не дало положительных результатов.

Это заявление государственного департамента выдавало затруднительное положение американского прави-

тельства, которое, вступив в переговоры с Москвой, было вынуждено тотчас же от них отказаться. Предлог, на который оно при этом сослалось, был выбран явно неудачно, так как все причины, указанные в отказе американского правительства, существовали и до начала переговоров.

Итак, англичане записали себе еще одну победу. Они могли поздравить себя с тем, что сумели помешать «полному повороту» американского правительства. Впрочем, события работали на них.

В июле того же года разразился новый кризис, самый серьезный после войны,—«блокада Берлина». «Германская проблема» была причиной глубокого раскола между прежними «великими союзниками». Поскольку политика Соединенных Штатов и Англии была направлена на создание западногерманского государства, русские не могли оставаться бездеятельными, особенно учитывая, что собирались сделать решающий шаг на пути к созданию этого государства — провести в западных оккупационных зонах денежную реформу, которая создала бы экономическую базу «новой Германии».

Это было бы смертельным ударом для Потсдамских соглашений. Ничто не смогло бы больше остановить ход событий в Западной Германии. Русским, таким образом, приходилось реагировать, они это и сделали, дав фактически первое «сражение за Потсдам». Это «сражение» могло произойти только в Берлине, где западные державы и русские противостояли друг другу в силу режима «четырёхсторонней» оккупации бывшей немецкой столицы. Англо-американцы хотели провести денежную реформу в западных секторах города, включив тем самым город в экономическом отношении в состав нового немецкого государства в нарушение особого статуса Берлина.

Для западных держав «блокада Берлина» была агрессивной операцией русских, преследовавших цель подчинения себе всего города целиком. Отсюда особая острота нового кризиса, который мог перерасти в новую мировую войну. Так как западные державы не хотели с этим смириться.

Для русских же речь шла лишь о том, чтобы спасти то, что еще можно было спасти от Потсдамских соглашений, и непосредственно о сохранении, насколько воз-

можно, принципа «четырехсторонности», то есть принципа управления Германией четырьмя оккупационными державами.

Однако, несмотря на серьезный характер кризиса, и в Москве и в Вашингтоне сохраняли осторожность и хладнокровие. Русские отнюдь не намеревались идти на риск войны ради Западного Берлина. Они, напротив, внимательно следили за «военной партией» в Вашингтоне, которая проявляла бурную активность, дабы наконец благодаря этому новому кризису добиться своей цели. Гораздо интересней была позиция официальных ответственных лиц в Вашингтоне, оценка ситуации которых не отличалась от оценки русских. В Вашингтоне не принимали слишком всерьез яростную полемическую кампанию, развязанную против Советов. В «блокаде Берлина» там не усматривали никаких других целей, кроме тех, которых действительно добивались русские.

Все это было настолько верно, что кризис, из-за которого, казалось, мир очутился на волосок от войны (но по другим причинам, как мы увидим далее), неожиданно парадоксально разрешился соглашением между двумя великими державами, единственными, которые могли развязать войну: между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Это было вторым великим разочарованием для англичан.

Парадоксальная ситуация

Пока длился берлинский кризис и тучи все более заволакивали горизонт международных отношений, между Москвой и Вашингтоном происходили любопытные вещи. Возникает впечатление, что обе стороны были озабочены тем, чтобы не допустить его обострения и устранить его, побуждаемые одной и той же едва скрываемой мыслью возобновить диалог, так удачно начавшийся после «пражского кризиса» и так внезапно прерванный.

27 января 1949 года Сталин, давая интервью директору американского агентства Интернейшнл Ньюс Сервис, заявил, что советское правительство готово рассмотреть вопрос о публикации совместно с Соединенными Штатами декларации, в которой обе стороны заявили бы,

что ни та ни другая не имеют намерения прибегнуть к войне.

Это интервью вызвало сенсацию в Лондоне. «Таймс» выдала свои чувства резким комментарием. Прямые переговоры между Соединенными Штатами и Советским Союзом, писала газета, — это «отклонение от верного пути», возможность достичь соглашения — «иллюзия», а добрая воля советского правительства — всего лишь «пропагандистский маневр».

Но Вашингтон невозмутимо продолжал идти своим путем. 15 февраля 1949 года начались беседы между государственным департаментом и Кремлем. Они, видимо, ощутимо продвинулись вперед, поскольку британское правительство спустя месяц вновь вернулось к интервью, данному Сталиным. 27 февраля премьер-министр Эттли и его государственный министр Макнейл (Мак-Нил) заявили почти в одних и тех же выражениях в палате общин, что «при существующем положении вещей» заявления Сталина не позволяют начать переговоры между западными державами и Советским Союзом.

Интервью Сталина, по-видимому, действительно открыло дорогу для возобновления американо-советского диалога, именно это и тревожило Лондон.

Между тем у Лондона не было никаких оснований для беспокойства и недовольства. В то самое время, когда ставился вопрос о новом американо-советском сближении, государственный департамент занимался подготовкой создания Северо-атлантического пакта, к которому должны были примкнуть, все западные страны — включая, со временем, и «новую Германию», — и пакт этот собирались подписать со дня на день. Текст этого документа должен был быть опубликован 26 марта 1949 года.

Тем не менее в Лондоне к чувству удовлетворения примешивались и другие чувства. Преобладало соображение, что как только пакт будет подписан, Соединенным Штатам будет тем легче достигнуть сближения с Советским Союзом, опираясь на «позицию силы». Этим объясняли поразительное на первый взгляд параллельное осуществление обеих операций.

Задавали также вопрос, не собирается ли Америка использовать Европу против Азии, как она это уже од-

нажды сделала в Ялте, по другим соображениям. Не обратится ли она, после того как соберет вокруг себя все западные страны Европейского континента, к Дальнему Востоку, который по-прежнему остается истинной задачей ее политики? С января 1949 года лицо Азии полностью преобразилось — огромный Китай стал коммунистическим. И если бы американцы ринулись в какую-либо азиатскую авантюру, то им надо было бы иметь «прикрытие» в Европе, несмотря на наличие атомной бомбы.

Во всех случаях Англии был бы нанесен ущерб. Так как все расчеты и все комбинации говорили об одном — будет иметь место сближение и двустороннее соглашение между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Ситуация со всех точек зрения была досадной для англичан, упустивших дважды (во время последовавших друг за другом «пражского» и берлинского кризисов) представлявшуюся возможность вызвать окончательный разрыв между Вашингтоном и Москвой, из которого они надеялись извлечь выгоду.

ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ЧЕРЧИЛЛЯ

Черчилль тогда снова появился на сцене, чтобы наставить американцев на «путь истинный». 23 марта 1949 года, спустя три года после Фултона, он выступил с речью в Бостоне. Его новая речь фактически дополняла прежнюю. Он учел новую ситуацию и вернулся к политике, которую он восхвалял в марте 1946 года.

Главная «ошибка»

«События, — сказал Черчилль, — показали, насколько обоснованными были предостережения, которые я счел своим долгом сделать вам в то время. Сегодня мнение изменилось, и я полностью согласен с большинством принятых мер».

Черчилль не оставил никаких сомнений относительно цели своих периодических выступлений. Что касается «мер», которые он одобрял: «доктрины Трумэна» и тому подобное, то он был настолько удовлетворен ими, что, несомненно, приписывал их воздействию своих «предостережений» в Фултоне. Если он вновь повторял их, то лишь для того, чтобы побудить американцев к твердости.

Однако если он снова приехал в Соединенные Штаты, то не для того, чтобы упиваться успехами своей политики, а чтобы закрепить их и преодолеть сопротивление, которое она все еще встречала, и главным образом для того, чтобы изложить свои идеи, без сомнения полагая, что он недостаточно сделал это в Фултоне. Колебания и зигзаги американской «новой политики» свидетельствовали о том, что верхи еще недостаточно «усвоили урок».

Черчилль выступал в Технологическом институте на тему «Двадцатый век, его надежды и их исполнение». Но по сути дела, это была филиппика против Советского Союза и «четырнадцати человек в Кремле», которых он обвинял в стремлении к мировому господству. Бостонская речь была более категорической, чем в Фултоне, в том смысле, что в Фултоне Черчилль просто восхвалял англо-американский военный союз, намечая контуры его программы, а в Бостоне он открыто подстрекал американцев готовиться к действиям для искоренения большевизма.

Без всяких околичностей он объявил во всеуслышание, что все «зло» проистекает из самого факта существования Советского государства и, следовательно, мир сможет вновь обрести покой только тогда, когда СССР не будет более существовать. Он сказал буквально следующее. *«То, что нас столь удручает сегодня, это тот факт, что большевизм не удалось задушить еще в колыбели».* В этом была *главная «ошибка»*, допущенная государственными деятелями Антанты после первой мировой войны. Сам он сделал все, что мог, чтобы уничтожить Советскую Россию, применив свою политику *«санитарного кордона»*. Если бы эта политика тогда достигла успеха, то сегодня не существовало бы коммунистической России.

Однако то, что не удалось сделать вчера, может быть сделано сегодня. «Союзники», те же самые, что и тогда, в состоянии «задушить большевизм». Ибо большевизм должен быть уничтожен, по мнению Черчилля, так же, как был уничтожен гитлеризм. «Крестовый поход» против первого так же оправдан, как и против последнего. «Мы имеем теперь дело, — говорил Черчилль далее, — с явлением столь же коварным, как Гитлер, но в определенных отношениях более грозным». Гитлер мог использовать только гордость расы господ и ненависть против евреев, в то время как «четырнадцать человек в Кремле» имеют «свою религию, направленную против бога», опираются «на самую большую армию в мире» и полны решимости осуществлять «империалистическую экспансию более широкую, чем это мог позволить себе кто-либо из царей».

Во всяком случае, для начала русские должны быть изгнаны из Европы. «Монгольские полчища, — протесто-

вал «великий европеец» Черчилль, — снова пришли на своих лошадаках». Бывший британский премьер-министр забыл, как он в свое время радовался тому, что «монгольские полчища» успели в самый критический момент войны.

Следует заметить, что Черчилль превзошел «доктрину Трумэна». Его уже не удовлетворяло «сдерживание» красной России, он хотел ее «изгнать» из Европы. Это была уже идея «отбрасывания» Советского Союза, которая позднее была включена в программу республиканской партии США. Кроме того, Черчилль хладнокровно предусматривал уничтожение СССР, признавая при этом, что последний обладает «самой большой армией в мире». Но, не сознавая в этом, он, без сомнения, имел в виду сверхоружие союзников — атомную бомбу. Благодаря этому оружию можно было бы сегодня успешно сделать то, чего не удалось достигнуть вчера.

Последнее предупреждение

Весь вопрос был в том, чтобы выбрать благоприятный момент для перехода к действиям. Для Черчилля все, что союзникам надо было обсуждать или решать, должно было делаться исходя из соображений «превентивной войны». Они должны были убедиться в том, что время работает не на них. «Часто хотят знать, — сказал он, — на нашей ли стороне время?» И Черчилль торжественно заявил: *«Мы, безусловно, не располагаем неограниченным временем, чтобы решить вопросы, которые должны быть решены».*

Имел ли он в виду конец атомной монополии Соединенных Штатов с того момента, когда русские в свою очередь будут обладать ядерным оружием? Вполне возможно. Такая перспектива должна была, конечно, угнетать Черчилля, ибо она уничтожала его мечту.

Правда, Черчилль поспешил добавить: «Я не думаю, чтобы к насильственным действиям можно было перейти в настоящий момент». Он, определенно, думал при этом о берлинском кризисе. Черчилль должен был знать, что генерал Клей, как мы увидим дальше, намеревался идти на прорыв «блокады» со всеми вытекающими отсю-

да последствиями. Но он должен был также знать, что это «насильственное действие» не имело шансов на успех, поскольку Вашингтон возражал против этого.

Черчилль не думал ни о чем другом, кроме «превентивной войны».

Чтобы заставить американцев почувствовать всю серьезность проблемы, возникшей в связи с существованием русского коммунистического государства, и понять необходимость стереть его с карты мира, он рассматривал проблему на примере Китая. Дальний Восток был предметом особой заботы Соединенных Штатов, а характер разворачивавшихся там событий вызывал у них тревогу. Соединенные Штаты не должны, дескать, почитать на своих дипломатических лаврах: Атлантический пакт и «доктрина Трумэна». «Намереваемся ли мы выиграть войну?» — спрашивал он. Проблему этой войны нельзя решить, «если сосредоточить внимание только на Европе». Следует «учитывать также и Азию». И он безжалостно коснулся больного места Америки. «Самым большим бедствием после нашей совместной победы была гибель Китая в результате атак и интриг коммунистов».

Это последнее предупреждение в адрес американцев было выбрано весьма искусно. Связывая «китайскую проблему» с «советской проблемой», Черчилль надеялся сделать ее более ощутимой для американцев. Его доказательство было столь же простым, сколь и откровенным. Союзникам не удалось «задушить» красную Россию после революции, поэтому Соединенные Штаты проиграли партию в Китае. Следовательно, проиграв партию в Китае, Соединенные Штаты должны попытаться выиграть ее в Европе, беря всю проблему борьбы против большевизма в целом и подрывая корень «зла» — Советское государство.

Он не несет ответственности за сложившееся положение вещей, оправдывался Черчилль. Он «надеялся», что после войны Советский Союз будет иметь «доступ во все океаны мира», «ко всем источникам сырья», что «русские будут повсюду приняты как братья в счастливой семье». В заключение он подчеркивал эту идиллическую картину «сосуществования»: «Такой была наша цель, наш идеал!..»

Итак, винить было некого, кроме «четырнадцати человек из Кремля». Поэтому, заканчивая свою речь новым прославлением политики силы по отношению к СССР и патетическим призывом к единству и твердости *«перед лицом тирании»*, Черчилль восклицал:

«Вперед, выполним нашу миссию и наш долг в страхе перед богом и никем больше».

«Мы боимся бога и больше никого на земле». Таким был девиз и Вильгельма II.)

Несомненно, чтобы показать, что он говорит не только от своего имени и что изложенные им идеи не чужды британскому правительству, Черчилль воздал хвалу политике Бевина. Глава министерства иностранных дел тотчас же подтвердил, что достоин ее, заявив через день после этого, выступая в Национальном клубе прессы в Вашингтоне, что он полностью согласен с лидером консервативной оппозиции, когда тот говорит, что *«время не обязательно работает на демократию».*

Разумеется, новая речь Черчилля вызвала много откликов в Соединенных Штатах. Но ее практический результат был незначительным. Его намерение снова настроить американцев против русских было слишком явным. Тем самым он вновь подтвердил репутацию, которая уже утвердилась за ним и в Москве и в Вашингтоне. И там и здесь было уже давно известно, что именно Англия поддерживает напряженность между Востоком и Западом и что, если бы не ее враждебное отношение, если бы не систематические обструкции и интриги с ее стороны, русские и американцы кончили бы тем, что пришли бы к согласию.

Во время своих бесед в мае 1948 года с новым послом Соединенных Штатов в Москве генералом Беделлом Смитом Сталин упрекнул американцев в том, что они *«решительно равняются»* на Великобританию. А когда посол спросил его, почему он полагает, что какая-то держава или группа держав якобы угрожает Советскому Союзу, Сталин ответил ему сразу: *«Из-за Черчилля».*

Бостонская речь была последним наступлением Черчилля и не привела ни к чему. Он не смог помешать новому американско-советскому сближению, несмотря на последнюю возможность, которая должна была вскоре представиться в Берлине.

Берлинский кризис, начавшийся в связи с «блокадой Берлина», действительно являлся последней «возможностью» для тех, кто стремился к войне. Из откровений, содержащихся в книге генерала Клея («Решение в Германии»), известно о всех перипетиях этой истории, главным героем которой был, впрочем, сам американский главнокомандующий оккупационных войск в Германии.

Его рассказ свидетельствует о том, что, как только начался берлинский кризис, он ухватился за эту единственную «возможность», которую нельзя было упускать, поскольку здесь были налицо все элементы открытого конфликта с Советами. Берлинский кризис, возникший вследствие блокады города, претерпел такое превращение, что утратил всякую связь со своей первоначальной причиной.

В основе кризиса, по мнению западных держав, лежала «советская агрессия», начавшаяся с «блокады Берлина» и «угрожавшая» распространиться на всю Европу. В действительности ничто в поведении русских не оправдывало такое мнение. Клей первым признал в своей книге «старание, с каким русские избегали любого жеста, который мог бы спровоцировать больше чем пассивное сопротивление со стороны западных держав».

Вопреки преднамеренно тревожным докладам, которые Клей посылал в Вашингтон, он меньше, чем кто-либо другой, мог поверить в желание советского правительства начать войну. Именно поэтому, чем больше русские старались не допустить усиления напряженности, тем более непримиримо вели себя генерал Клей и те, кто его поддерживал в Вашингтоне. Русские стремились добиться только возобновления четырехсторонних переговоров по германскому вопросу, прерванных с того времени, как западные державы предприняли попытку «разрешить» эту проблему втроем, создав обособленное западногерманское государство. Поэтому Клей выдвигал довод о «слабости» русских, чтобы подчеркнуть свою решимость.

Постоянно ставя в своих докладах вопрос, «не стремится ли советское правительство к войне», Клей в тех же самых докладах ясно показал, что война действи-

тельно могла начаться, но вследствие его собственной политики. Он пытался успокоить Вашингтон: раз русские боятся, не следует ничего опасаться. «Проба сил» не повлечет за собой войны. Западу эта «проба сил» принесет победу, в то время как русские погубят свой престиж. Аргументация Клея, путаная и противоречивая, свидетельствовала о том, что он был неискренен. Главное для него было в том, чтобы начать вооруженный конфликт.

Речь шла о том, чтобы прежде всего дать понять колеблющимся в Вашингтоне и общественному мнению в Соединенных Штатах и других западных странах, что Советский Союз уступает в военном отношении Америке и Западной Европе и что следует во что бы то ни стало воспользоваться «возможностью», которая представляется в Берлине, для того чтобы раз и навсегда покончить с красной Россией. *«Нам нужно еще раз перейти Рубикон, и сделать это во что бы то ни стало»*, — писал Клей в своем докладе от 25 июня 1948 года министерству обороны в Вашингтоне, подстрекая его к действиям. Западные державы были очень сильны. «Наши войска, так же как и британские, — настойчиво внушал Клей в этом же докладе, — готовы к любым случаям, и мы можем на них рассчитывать».

«Перейти Рубикон» в данном случае означало силой прорвать «блокаду Берлина». Поскольку русские не хотели войны, их следовало вынудить к этому. Фактически речь шла о том, чтобы *«спровоцировать более чем пассивное сопротивление»* со стороны русских. (Клей так и пишет черным по белому в своей книге.) Таким образом, обнаружилось истинное лицо берлинского кризиса, в котором «блокада», по сути дела, не играла никакой роли. Все те, кто, подобно Черчиллю, со времени второй мировой войны считал, что следует любой ценой помешать русским сохранить плоды победы, ни в коем случае не хотели упускать представившуюся возможность.

10 июля 1948 года генерал Клей передал по телеграфу министерству обороны доклад, казалась составленный на основе последней речи Черчилля.

«Я полагаю, — писал Клей, — что мир столкнулся сейчас с проблемой, значение которой можно сравнить со значением политической агрессии Гитлера. Действительно, советское правительство располагает сейчас го-

раздо большим могуществом, чем когда-либо прежде, для осуществления своих планов. Вследствие этого *мы призваны играть преобладающую роль в мировой политике*. Америка — единственная страна, которая может воспрепятствовать политике агрессии, и *это должно быть сделано здесь и начато теперь же*. В следующий раз, возможно, будет слишком поздно. Я убежден, что *энергичные действия* дадут эффект. Но он не может быть достигнут, если мы не пойдем на известный риск».

Клей, таким образом, раскрыл свои карты.

Эта политика, впрочем, сочеталась у Клея с той политической линией, которую он проводил в Германии. Спустя несколько дней, выступая во Франкфурте, он следующим образом охарактеризовал политику западногерманского государства, которое создавалось в это время. «Если это государство, — сказал Клей, — должно способствовать процветанию тризонии [три оккупационные зоны западных держав, то есть будущее западногерманское государство], то его следует рассматривать прежде всего как *плацдарм для обратного завоевания востока*»¹. Западногерманское государство еще не было создано, но «миссия», которую ему предстояло выполнить на востоке, была уже заранее определена, та же самая «миссия», которую выполняли Вильгельм II и Гитлер.

25 июня 1948 года военное министерство «посоветовало» Клею «не настаивать на вводе в обращение западногерманских денег (*Deutsche Mark*) в Западном Берлине, если эта мера может привести к вооруженному конфликту». Клей пренебрег этим и ввел в обращение новую западногерманскую денежную единицу в Западном Берлине, ничем при этом не рискуя, и доказал, что твердая позиция оправдывает себя. Он поднял затем новый «вопрос», гораздо более опасный, — о применении силы для прорыва «блокады Берлина». Если бы Клею и это удалось, то на этот раз, безусловно, началась бы война. Бравый генерал ни о чем другом, кроме войны, не помышлял. Ведь победа была у него в кармане.

Следует добавить, что серьезность положения объяснялась прежде всего тем, что главнокомандующий американскими оккупационными войсками в Германии не был одинок и проводил не свою личную политику. Его

¹ "Le Monde", 27 juillet 1948.

поощряли издали. Понадобилось решительное противодействие Белого дома и государственного департамента, чтобы помешать восторжествовать этой политике.

В это время военные в Вашингтоне развернули бурную деятельность, по видимости не имевшую никакой связи с тем, что происходило в Берлине. Они как раз пытались обеспечить себе контроль над атомной бомбой, что означало бы, что они смогли бы ее применить по своему усмотрению, не отчитываясь перед Вашингтоном. Ядерное оружие находилось в то время под контролем Комиссии по атомной энергии, и право окончательного решения вопроса о его применении принадлежало президенту Соединенных Штатов.

Этот вопрос стал предметом бесед с Трумэнном, в окружении которого военные нашли себе убежденного защитника в лице министра обороны Форрестола, советодоба № 1 Соединенных Штатов. Трумэн решительно отказался предоставить такое право военным. Как пишет он в своих мемуарах, надо бы «со всей искренностью» ответить на вопрос: «Разумно ли было бы доверить охрану бомбы и право принятия решения другой организации [армии], которая сама должна была бы ее применить». Трумэн не хотел «предоставлять какому-нибудь ретивому подполковнику право решать, в какой момент следует бросать бомбу».

21 июля 1948 года военные руководители сами официально потребовали издания президентского декрета, передающего контроль за атомной бомбой армии. Но они натолкнулись на категорический отказ президента. В этот день Форрестол записал в своем дневнике: «Я сказал, что, учитывая напряженность, которая проявляется в Европе [берлинский кризис], мне представляется затруднительным обеспечить выполнение моих обязанностей, пока не будет наверняка решен *вопрос о том, применим ли мы атомную бомбу в случае войны*», — войны, которая могла возникнуть в результате берлинского кризиса. И Форрестол добавил без всяких оговорок, что он «считает необходимым составить *планы, один из которых исходил бы из гипотезы применения атомной бомбы, а другие — из противоположной гипотезы*».

Итак, в Пентагоне думали о войне и всерьез рассматривали вопрос о применении ядерного оружия. Уверенность в этом облегчила бы принятие решения в духе вой-

ны. Таков был, несомненно, ход мыслей Форрестола и всех тех, кто стремился к войне и настаивал на том, что бы был решен «вопрос» о применении атомной бомбы.

21 июля 1948 года Клей отправился в Вашингтон, чтобы на месте защищать свою идею прорыва блокады силой; и в первый же день своего приезда предпринял попытку встретиться с Форрестолом. Три недели тому назад, сказал ему Клей, «определенно можно было бы провести транспорт без особых трудностей». Теперь «это, без сомнения, более рискованно». Но он полагал, что и «сейчас это еще можно сделать, не провоцируя войны». Однако «шансы» будут «уменьшаться, по мере того как берлинский кризис начнет занимать все большее место на страницах газет и станет предметом более многочисленных дипломатических сношений».

Эти люди, игравшие с огнем, играли также и словами. Если Клей спешил, то отнюдь не затем, чтобы избежать «провоцирования войны», прорвав блокаду силой, а, напротив, чтобы не упустить «возможность» ее спровоцировать. Ибо он при всех обстоятельствах хотел прорвать блокаду.

Клей спешил главным образом потому, что прекрасно отдавал себе отчет, что берлинский кризис смягчается и успешно налаживаются «дипломатические сношения» между Вашингтоном и Москвой с целью полного его устранения. Президент Трумэн, как рассказывается в дневнике Форрестола, 19 июля 1948 года в ходе совещания в Белом доме следующим образом охарактеризовал позицию своего правительства: оставаться в Берлине, но использовать все дипломатические средства, чтобы достигнуть какого-то соглашения и избежать войны.

Упущена последняя «возможность»

В июле 1948 года мир был на волосок от войны. Достаточно было одного безрассудного поступка несколько возбужденного генерала — попытки силой прорвать «блокаду Берлина», — и Европа снова была бы охвачена пламенем.

Генерал Клей со зловещим цинизмом рассказывает в своей книге («Решение в Германии»), как он думал о войне и старался ее спровоцировать. Он неоднократно предлагал Вашингтону отправить транспорт с войсками

из американской оккупационной зоны. Он утверждал, что этот транспорт беспрепятственно пересечет территорию советской зоны и прибудет в Западный Берлин. Тем самым блокада будет прорвана. Если верить его словам, то он полагал, что «шансы на то, что русские окажут вооруженное сопротивление проходу такого транспорта, и, следовательно, опасность возникновения конфликта маловероятны».

Это ложь. Он хорошо знал, что дело приняло бы иной оборот и что опасность вооруженного конфликта была реальной. Но он именно этого и хотел. Он старался успокоить американское правительство, но лишь с целью втянуть его в свое губительное предприятие. Не проконсультировавшись с Вашингтоном, он проделал такой опыт с целью проверить реакцию русских. Клей отправил, как он рассказывает в своей книге, к границе советской зоны поезд и несколько человек вооруженной охраны, «чтобы посмотреть, задержат ли русские состав или отправят его на запасный путь». Поезд прошел «небольшое расстояние в глубь советской зоны, но затем электрический перевод стрелки направил состав на запасный путь, где он простоял несколько дней, прежде чем *позорно* вернуться в пункт отправления». Генерал пришел к выводу, что «русские не шутят».

В Вашингтоне не беспокоились о том, чем занимаются русские, там с тревогой следили за действиями главнокомандующего американскими оккупационными силами в Германии. Дело дошло до того, что мир стал свидетелем парадоксального спектакля: американское правительство спешило достигнуть соглашения с русскими, чтобы положить конец деятельности американского военного командования в Германии и воинственной агитации республиканской оппозиции в связи с берлинским кризисом. Выступая 4 августа 1948 года на пресс-конференции, президент Трумэн обвинил республиканских лидеров в конгрессе в том, что они в связи с «блокадой Берлина» вытащили на свет «пугало коммунизма» и сфабриковали «коммунистический заговор». В правительственных кругах полностью отдавали себе отчет в том, что подлинный кризис в Берлине заключался не в «блокаде» города, но в попытках американской «военной партии» воспользоваться ею, чтобы достичь своей цели.

Между главами американской и советской делегаций в ООН, Джессепом и Маликом, состоялись контакты без ведома англичан, генерала Клея также держали в полном неведении. Беседы касались двух вопросов, один из которых обуславливал другой: отмены «блокады» и созыва новой четырехсторонней конференции по вопросу о Германии.

В Белом доме и в государственном департаменте понимали, что «блокада Берлина», так как ее понимают в Москве, является лишь средством заставить западные державы вернуться к принципу «четырёхсторонности» и возобновить переговоры по германской проблеме, прерванные со времени последней конференции министров иностранных дел в Лондоне в ноябре 1947 года. Поэтому американское правительство заявило о том, что готово согласиться с советской точкой зрения. Секретные переговоры между американцами и русскими велись на следующей основе: снятие «блокады» и созыв конференции четырех министров иностранных дел по Германии.

Согласие было достигнуто без особых затруднений, обе стороны горячо этого желали. Американцы, воспользовавшись заключением Северо-атлантического пакта, создавшего атмосферу всеобщей эйфории, связали тем самым англичан и французов. Пакт был датирован 8 апреля 1949 года. 25 апреля было объявлено, что министры иностранных дел «четверки» вновь соберутся в мае.

26 апреля официальное советское агентство ТАСС в свою очередь заявило, что правительство СССР готово снять «блокаду Берлина» до начала новой конференции. В тот же день государственный департамент опубликовал ноту, которой впервые подтверждался факт американо-советских переговоров. Нота заканчивалась следующими словами: «Если позиция Советского правительства действительно соответствует той, которая изложена в коммюнике ТАСС... то, по-видимому, открыт путь для снятия блокады Берлина и созыва совещания Совета министров иностранных дел»¹.

¹ Совет министров иностранных дел (СМИД) — международный орган, учрежденный в 1945 году по решению Потсдамской конференции 1945 года для подготовки мирных договоров с бывшими участниками фашистского блока, а также для рассмотрения других дел,

Спустя два дня президент Трумэн заявил, что верит в искренность советских предложений относительно снятия «блокады Берлина». Он добавил при этом, что если бы сомневался в честности намерений русских, то не допустил бы продолжения переговоров (с русскими).

В тот же день, 28 апреля, Дин Ачесон, занявший тем временем пост государственного секретаря, сделал заявление, что Соединенные Штаты склонны вернуться к принципу «четырёхсторонности» в управлении Германией. Он даже объявил, что соглашения, заключённые с Англией и Францией относительно создания обособленного западногерманского государства, имеют «временный» характер. «Лондонские соглашения и программа для Западной Германии, вытекающие из трёхсторонних соглашений, представляют собой *временное решение*, которое отнюдь не исключает возможную реализацию соглашений, относящихся ко всей Германии в целом».

Само собой разумеется, что в лагере западных держав не было полного согласия. Клей потребовал от Вашингтона прекращения переговоров с русскими. Англичане со своей стороны действовали в том же духе. Британцы находили «чрезмерным» оптимизм американцев и выражали беспокойство, в особенности в связи с возобновлением работы Совета министров иностранных дел «четверки». 19 апреля Бевин, вернувшийся из поездки в Вашингтон, где он присутствовал при подписании Атлантического пакта, назвал «преждевременными» сообщения, согласно которым советское правительство предложило возобновить переговоры четырёх держав по Германии. К этому времени, как мы видели, соглашение между Вашингтоном и Москвой было фактически решённым делом.

Англичане так цеплялись за лондонские соглашения по Германии, заключённые между тремя западными державами, словно они были окончательными и исключали всякие переговоры с русскими относительно Германии. В ноте, которую Форин оффис опубликовал одновременно с государственным департаментом в ответ на сообщение ТАСС от 26 апреля, утверждалось, что министры иностранных дел трёх западных держав «в ходе бесед в

переданных ему по соглашению между правительствами — членами Совета. В состав СМВД вошли министры иностранных дел СССР, Китая, США, Великобритании и Франции. — *Прим. ред.*

Лондоне ясно определили», что никакая сессия Совета министров иностранных дел («четверки») не может «отменить или отложить осуществление планов трех западных держав относительно создания немецкого правительства в Западной Германии».

Англичане, таким образом, открыто высказались против созыва новой конференции «четверки», а следовательно, и против того, чтобы положить конец берлинскому кризису. Более того, они настойчиво пытались убедить американцев, что никакое соглашение с Москвой невозможно и что все попытки подобного рода являются тщетными и обречены на неудачу. Большая часть лондонских газет писала о советском «пробном шаре» и рассматривала меры, принимаемые русскими для примирения, как «чисто пропагандистский маневр».

Но американцы стояли на своем, и в конце концов события развернулись так, как они желали. Вполне возможно, даже наверняка, что поведение американского правительства представляло собой дипломатическую тактику, имевшую своей целью добиться снятия «блокады Берлина» и окончания кризиса, прежде чем правительство будет опрокинуто теми, кто непременно хотел углубления кризиса.

Как бы там ни было, эта линия проводилась вопреки яростному противодействию англичан, генерала Клея и тех, кто стоял за ними в Соединенных Штатах. Генерала Клея старательно держали в стороне от всех мер, которые принимались для соглашения с русскими. В Вашингтоне, без сомнения, боялись каких-либо безрассудных действий в последнюю минуту со стороны главнокомандующего американскими оккупационными войсками в Германии,—действий, которые поставили бы американское правительство перед совершившимся фактом. Сам Клей замечает в своей книге, что узнал из газет о соглашении с русскими.

Но, по правде говоря, ничего не было упущено, чтобы саботировать конференцию, ни главнокомандующим американскими оккупационными войсками в Германии и Англией, ни правительством Соединенных Штатов, особенно учитывая то обстоятельство, что конференция должна была собраться уже после снятия блокады (спустя одиннадцать дней). Американское правительство было заинтересовано только в том, чтобы положить

конец блокаде и берлинскому кризису. В остальном оно вовсе не было расположено возобновлять переговоры с русскими по германскому вопросу и еще меньше к тому, чтобы поставить под вопрос создание западногерманского государства и всю политику Соединенных Штатов в Германии.

Таким образом, от соглашения с русскими уцелело только обязательство, взятое на себя русскими: снятие блокады. Конференция была заранее обречена. Клей постарался положить ей конец, когда она еще не собралась, изъяв самый предмет ее обсуждения — германский вопрос. 8 мая 1949 года временный парламент трех западных зон, заседавший в Бонне под председательством — и давлением — генерала Клея, проголосовал за конституцию сепаратного государства — Федеративной Республики Германии. 12 мая конституция была утверждена военными губернаторами трех западных оккупационных зон.

23 мая в Париже собралась конференция четырех министров иностранных дел. Но, по существу, она была бесцельна. Ей предстояло обсудить германскую проблему, в то время как такой проблемы уже не существовало. Не было больше Германии, рассматриваемой как единое целое, а было сепаратное западногерманское государство. Западные державы не могли ничего предложить русским в качестве компенсации за снятие «блокады». Поэтому после длительных дискуссий, не имевших никакого смысла, министры расстались, чтобы больше никогда не собираться.

Конечно, единственной ощутимой выгодой от всей этой не слишком блестящей операции было снятие «блокады». Но наиболее существенной была ликвидация берлинского кризиса, а вместе с ним и последней «возможности», представившейся всем тем людям по обе стороны Атлантического океана, которые изо всех сил призывали к войне. Другие возможности, которые представлялись впоследствии, уже не могли быть использованы ни Англией, ни Черчиллем. Осенью 1949 года была взорвана русская атомная бомба...

ЭПИЛОГ

За самым крупным кризисом послевоенного времени, за июльским кризисом 1948 года, последовало событие первостепенной важности, которое должно было, уже во второй раз, преобразить лицо мира. После американской атомной бомбы была взорвана первая русская бомба. Еще одна «историческая» дата: 23 сентября 1949 года.

Американская атомная бомба установила атомную монополию Соединенных Штатов, благодаря которой они обладали абсолютным превосходством в мире. Русская атомная бомба подорвала эту монополию и уничтожила это превосходство Соединенных Штатов. Вследствие этого американцы встали перед жестокой дилеммой.

Дать ли русским время начать производство нового оружия? Отказаться ли от своего абсолютного превосходства и смириться с установлением нового равновесия между Соединенными Штатами и СССР, основанного на том, что обе страны обладают атомной бомбой?

Или, напротив, необходимо любой ценой, прибегнув даже к «превентивной войне», помешать тому, чтобы Советский Союз также стал великой атомной державой?

Эта ужасная дилемма вновь ставила под вопрос политику Соединенных Штатов в отношении Советского Союза. Их атомная монополия давала им свободу для проведения политики коренного *пересмотра*, целью которой было бы изменение существующего политического и территориального *статус-кво* в Европе и ослабление позиций Советского Союза. И как результат этой политики — создание *Pax Americana*, Американского мира. Эта политика была верно истолкована в программе республиканской партии, сводившей ее к формуле: «Отбрасы-

вание Советского Союза на восток», что уже подразумевало «освобождение» стран, подчиненных большевистской «тирании».

Достижение этой обширной цели оставалось задачей всей американской политики, какая бы партия ни стояла у власти. Ибо успешное осуществление этой цели было условием создания *Pax Americana* — идеала американского патриотизма. Если бы Советский Союз был низведен до уровня второстепенной державы или совсем стерт с карты мира, не было бы больше никаких препятствий для мирового господства Соединенных Штатов.

Напротив, превращение Советского Союза в атомную державу означало конец мечты о *Pax Americana*. Американская политика, основанная на атомной монополии, не исключала войны, поскольку победа была обеспечена. Новое же равновесие сил, которое должно было быть атомным равновесием, исключало войну как средство политики.

В Вашингтоне отбросили идею «превентивной войны».

Между тем конец американской атомной монополии был большим разочарованием для англичан, и в первую очередь для Черчилля. Взрыв русской атомной бомбы явился для них таким же ударом, как для американцев. Берлинский кризис был, как оказалось, последней «возможностью» «ликвидировать» Советы. Отныне становилось немислимым использовать подобные «возможности», ибо риск был бы слишком велик.

«Известие о том, что русским удалось произвести атомный взрыв, вызвало потрясение в Лондоне», — говорилось в телеграмме из британской столицы, опубликованной в «Нью-Йорк геральд трибюн». Это было вполне естественно. Политика Англии, политика, которую олицетворял Черчилль, исходила из превосходства Соединенных Штатов, вытекавшего из их атомной монополии. В своей речи в Фултоне Черчилль заклинал американцев никогда не раскрывать секрета атомной бомбы русским; это было бы «преступной глупостью», сказал он. В бостонской речи он вновь настойчиво возвращался к этой теме. «Европа, — сказал Черчилль, — была бы коммунистической, как Чехословакия, и Лондон подвергался бы бомбардировкам, если бы не было страха перед атомной бомбой». Наконец, в речи, произнесенной 10 де-

кабря 1948 года, Черчилль объяснял глубокие политические причины, делающие необходимым сохранение американской атомной монополии. Он сказал, что западные державы должны попытаться прийти к «соглашению» с СССР прежде, чем он также станет обладателем атомной бомбы. В этом, по его словам, состоит единственная надежда избежать третьей мировой войны.

Однако хорошо известно, что подразумевал Черчилль под «соглашением» с русскими. О таком же «соглашении» он думал и в конце войны, до вывода из советской зоны в Германии британских и американских войск, занявших часть этой зоны. У Черчилля была своя собственная концепция относительно «опасности» третьей мировой войны. Если он выступал с проповедью войны против Советов, то лишь с целью избежать войны, которую спровоцировала бы советская «агрессия». Уничтожение СССР означало бы уничтожение причин для новой мировой войны. Он делал вид, что всерьез верит в возможность советской «агрессии». По его словам, он ожидал этого на следующий день после капитуляции Германии. Он даже представлял себе, как русские вторгаются в Англию. Все эти несчастья должны были неминуемо произойти, если бы англо-американские войска покинули занятую ими часть территории советской зоны в Германии. Его «страхи» были плодом чистейшего воображения. Когда англо-американцы отошли, абсолютно ничего не произошло. Напротив, третья мировая война была бы развязана, если бы американцы в соответствии с его концепцией предприняли превентивное нападение на Советский Союз.

Теперь Черчилль еще больше настаивал на своем. На этот раз надо было кончить с красной Россией, так как, если она тоже получит в свое владение атомную бомбу, это будет означать третью мировую войну. Но дело обстояло как раз наоборот. Русская атомная бомба, установив новое, атомное равновесие между Соединенными Штатами и Советским Союзом, отодвинула угрозу новой мировой войны.

Англия лишилась главной карты в своей политической игре, и лишилась навсегда. Отсюда «потрясение», которое испытали в Лондоне, не отказавшись, однако, от игры. Правительственное сообщение подтвердило известие о взрыве русской атомной бомбы. Но военные

круги и значительная часть прессы, составив единый хор с разочарованными американцами, попытались преуменьшить значение этого события, хотя с известием о нем выступил лично президент Трумэн, придав ему форму «разоблачения», и в тот же день это сообщение было повторено государственным секретарем Дином Ачесоном. Очевидно, чтобы положить конец разного рода спекуляциям, Ачесон говорил даже о русских «атомных взрывах», уточнив при этом, что речь идет о ядерном оружии.

* * *

Как бы то ни было, взрыв русской атомной бомбы положил конец карьере Черчилля в качестве вдохновителя ярой антисоветской политики. После того как была выиграна война, Черчилль думал только о том, как выиграть мир, который он считал проигранным вследствие того, что победа оказалась слишком выгодной для русских. Черчилль сделал все, что было в его силах, чтобы полностью изменить ситуацию. Он верил, что благодаря американской атомной бомбе вернее теперь добьется своей цели. Но и эта его надежда также оказалась обманутой. Все рухнуло с концом атомной монополии Соединенных Штатов. В этом смысле Черчилль стал первой жертвой русской атомной бомбы.

Перспектива ядерного апокалипсиса ставила перед Англией, также как и перед Америкой, политическую проблему. Ядерная война перестала быть для Англии, больше даже, чем для любой другой страны, средством политики. Со второй мировой войны Англия, отгороженная Ла-Маншем, уже не была больше неуязвимой. Неприступный остров познал бомбардировки люфтваффе. В случае нового мирового конфликта Англия оказалась бы на передовой линии атомного фронта.

Начиная с этого момента все изменилось. Англия, которая больше не могла помышлять о войне, особенно заботилась о том, чтобы обуздать тех, кто был еще способен играть с огнем. И первым, кто должен был надеть узду, был сам Черчилль — факт, который лучше всего показывает, насколько все изменилось.

С того времени, как был положен конец американской атомной монополии, мир трижды был на волосок от войны.

Первый раз — во время войны в Корее, когда генерал Макартур добился от президента Трумэна полной свободы действий для применения атомной бомбы против Китая. Глава британского правительства Клемент Эттли остановил тогда Соединенные Штаты на краю пропасти благодаря своему личному вмешательству в Вашингтоне. Он дал понять президенту, что, если Соединенные Штаты ринутся в атомную войну против Китая, Англия не последует за ними.

Во второй раз это было во время формозского [тайваньского] кризиса в 1953 году — война в Корее едва успела окончиться, — спровоцированного после того, как к власти пришла республиканская администрация, под зловещим влиянием Джона Фостера Даллеса, возглавившего внешнюю политику Соединенных Штатов. Идея «превентивной войны» против СССР косвенным, окольным путем — посредством нападения на Китай — в то время преобладала в Вашингтоне. Правительство Черчилля объединилось с французским правительством, чтобы помешать американскому правительству обострить дальше спровоцированный им кризис, который угрожал перерасти в открытый конфликт с Китаем, а в случае его расширения — и с Советским Союзом.

В третий раз это было во время индокитайского кризиса. Черчилль помешал усилиям президента Эйзенхауэра, подстрекаемого Даллесом, снова перенести войну в Китай, чтобы сорвать прекращение военных действий в Индокитае, достигнутое в результате заключения перемирия. Черчилль проявил твердость, вежливо выпроводив Даллеса, когда тот прибыл с этой целью в Лондон. Человек, который стремился любой ценой «объясниться» со Сталиным еще до того, как окончилась вторая мировая война, теперь приходил в ужас при мысли о том, что американцы могут применить атомную бомбу против Китая. (Это известно из мемуаров Антони Идена.) Тот самый человек, который так старался создать англо-американский «единый фронт», прибег теперь к той же угрозе, что и К. Эттли: Англия не последует за Америкой. Угроза была эффективной, поскольку Соединенные Штаты не могли одни развязать войну.

* * *

Русская атомная бомба положила начало благоразумию. Одна страница британской политики была пере-

вернута. На протяжении двух сроков правления Эйзенхауэра — в течение восьми лет — человек войны, Джон Фостер Даллес, возглавлявший государственный департамент, фактически только и делал, что следовал политике Черчилля. Он похвалялся в своей знаменитой статье в журнале «Лайф», что трижды, когда война была почти неминуемой, это была бы *его* война. Черчилль снова оказался у власти, но теперь он был в другом лагере. Он не захотел воспользоваться этой трижды представившейся «возможностью», он никогда больше не повторял своих поджигательских речей в Фултоне и в Бостоне.

Впрочем, после Даллеса и правления Эйзенхауэра американская политика и сама должна была эволюционировать, освобождаясь от губительных идей «отбрасывания», «превентивной войны» и «неизбежности войны». В новом ядерном климате родились новые идеи: «разрядка», «сосуществование». Мир больше не мог быть таким, каким хотел видеть его Черчилль, то есть миром, который англо-американцы продиктовали бы Советскому Союзу, с помощью войны или без нее, под давлением своего превосходства или с помощью оружия. При новом, ядерном равновесии сил мир должен был сохранять территориальное и политическое *статус-кво* послевоенного времени. Мир выдержал такие кризисы, как во Вьетнаме, на Ближнем Востоке и в Чехословакии. И самым необычным явлением, которым ознаменовалась международная конъюнктура, был американо-советский диалог, постоянно продолжавшийся, несмотря на все потрясения и судороги, которые в прошлые времена столько раз могли привести к мировой войне. Если только не произойдет ничего непредвиденного и не поддающегося контролю, то этот диалог, по-видимому, является гарантией, конечно весьма хрупкой, но практически единственной, против ядерного апокалипсиса.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	25

Часть первая

I. Час «перекраивания союзов»	39
Драма Черчилля. — Целостная программа. — Великая скорбь Черчилля. — Черчилль и немцы. — Несуществующий «вопрос»	
II. Первая брешь в «великом союзе»	53
Многообещающая попытка. — Невидимые переговоры. — Большая ссора. — Торжественное признание. — Poleмика Рузвельт — Сталин. — «Величайшая трагедия». — «Самый глубокий кризис»	
III. Черчилль и сепаратный мир	73
«Важнейшие вопросы». — Синхронность . . . — Гонка. — Ангел-хранитель Гимmlера. — Двойная игра Черчилля. — Черчилль и «новая опасность»	
IV. Интермедия с «преемником» Гитлера	88
Грандиозная мистификация. — Борман и адмирал. — Мистификация в действии. — «Завещание по заказу». — Неизвестный «преемник». — Великий парадокс. — Новый хозяин	
V. Черчилль и «преемник» Гитлера	100
Истинный «преемник» Гитлера. — Стратегия побежденных. — Дёниц и Монтгомери. — Частичная капитуляция № 2	

Часть вторая

VI. «Тайна» Реймса	113
Час истины. — Парадоксальные переговоры. — Игра испорчена. — Разочарование Иодля. — Конец надеждам	

VII. Подмена капитуляции	124
Нежелательная капитуляция. — Документ о капитуляции — Метаморфозы документа. — «Забывчивость» генерала Беделла Смита. — Исчезновение Эйзенхауэра	

VIII Об одной весьма сомнительной «исторической истине»	134
Человек, слишком сведущий. — Ловкость рук. — Ключ к «тайне» Реймса. — Два разных документа. — Призрачная капитуляция. — Еще одна «странная история». — Черчилль открывает танец. — Знаменательная ссора. — От Реймса до Берлина. — Реванш Сталина	

Часть третья

IX. Черчилль раскрывает карты	159
Черчилль и его «задача». — О чем «беспокоился» Черчилль — Политическая борьба. — «Предотвращение агрессий в будущем». — Перспективы для Германии — Германско-союзническая идиллия во Фленсбурге. — Копец иллюзий	

X. К «объяснению» со Сталиным	178
«Советская угроза». — Зачем понадобилась пэвля конференция? — «Сильные козыри» Черчилля. — Конференция стала реальностью. — Расплата за «великий союз». — «Железный занавес». — Англо-американские разногласия. — Воинственный клич	

XI. «Добро» и «зло»	193
Американо-советский диалог. — От Польши до Китая. — Необходимое назидание. — « . . . Как жулики на ярмарке» — «Великое дело» и «великие принципы» — Человек, точно сорвавшийся с цепи	

XII Война, которой не было	204
«Роковое событие». — «Сражение» за дату Потсдамской конференции. — Мотивы Черчилля. — Великое неизвестное. — Призыв к предательству. — Черчилль и атомная бомба. — Новые надежды. — «Если бы английские избиратели . . . »	

Часть четвертая

XIII. «Фултонский пабат»	229
Трудная задача. — Другая Америка. — «Война еще не окончена». — «Американское событие»	

XIV. Катализатор	246
Крупный шаптаж. — Тревога в Вашингтоне. — Реализм американцев. — Темное дело. — Рождение «доктрины Трумэна». — Подозрительное дело. — Ищите нефть! — «Дипломатия нефти». — «Новая политика» Соединенных Штатов. — «Американская эра» истории	

XV. Американский маятник	271
Триумф Черчилля. — Америка и «холодная война». — «Доктрина» без будущего. — Новая попытка оздоровить отношения. — Разочарование англичан. — Парадоксаль- ная ситуация	
XVI. Последнее наступление Черчилля	285
Главная «ошибка». — Последнее предупреждение. — Последняя «возможность». — Упущена последняя «воз- можность»	
Эпилог	300

Э. ДЗЕЛЕПИ
СЕКРЕТ ЧЕРЧИЛЛЯ

Редактор Н. Рудницкая
Художник А. Алексеев
Художественный редактор В. Пузанков
Технические редакторы Н. Рабина, Е. Ширяева
Корректор В. Слепенкова

Сдано в производство 23/XII 1974 г. Подписано к печати 10/VI
1975 г. Бумага 84×108¹/₃₂ тип. № 1. Бум. л. 4⁷/₈. Печ л. 16,38.
Уч.-изд. л. 16,10. Изд. № 19120. Тираж 50 000 экз. Цена 87 к.
Заказ 1797.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета
Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Госу-
дарственном комитете Совета Министров СССР по делам из-
дательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 113105,
Нагатянская ул., д. 1.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ:

Нобиле У. Красная палатка.
Перевод с итальянского.

Книга представляет собой воспоминания известного итальянского полярного исследователя и конструктора дирижаблей. Повествуя о своей жизни, автор уделяет много места в книге двум экспедициям к Северному полюсу — на дирижабле «Норвегия» в 1926 году и на дирижабле «Италия» в 1928 году, — составившим важный этап в исследовании Арктики. Нобиле подробно рассказывает об истории трагической гибели дирижабля «Италия» и части его экипажа, о причинах и обстоятельствах катастрофы, приводя свидетельства очевидцев и многочисленные документы. В книге нашел отражение и период 1932—1937 годов, когда Нобиле работал в Советском Союзе в качестве консультанта по дирижаблестроению. Заключительная глава книги охватывает период второй мировой войны и первых послевоенных лет.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ:

Аптекер Г. История афроамериканцев.
Перевод с английского.

Автор книги — видный американский историк-марксист и публицист — известен советскому читателю по ряду работ, опубликованных издательствами «Иностранная литература» и «Прогресс» в русском переводе.

Книга представляет собой научное исследование, посвященное истории негритянского народа США в эпоху империализма. Обстоятельно документированный труд автора состоит из ряда очерков, связанных между собой общностью тематики. В книге дается марксистская критика современной буржуазной литературы США, игнорирующей или извращающей историю и проблемы негритянского народа этой страны. Она дает ясное представление об истории борьбы негритянского народа против расизма, за свои права и свободу, о резком усилении этой борьбы в послевоенные годы.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ:

Гогуэль Р. «Кап Аркона»
(Потопление 3 мая 1945 г.
в Любекской бухте судов с узниками
гитлеровского лагеря смерти Нойенгамме.)
Перевод с немецкого.

Автор книги — историк и публицист ГДР, сам бывший узник Нойенгамме. Его книга посвящена одному из драматических эпизодов второй мировой войны — бомбардировке и потоплению судов с узниками-антифашистами в Любекской бухте.

В книге показана подпольная борьба антифашистов в лагере Нойенгамме, подготовка ими вооруженного восстания. Автор рассказывает о деятельности различных национальных групп этих борцов, в том числе и советской, делает попытку приоткрыть завесу строгой тайны, которой была окружена властями Великобритании «операция» английских военно-воздушных сил против судов с узниками.